

91(6)

Ш 38

Максимилиан Шерр

путешествие по арабским странам

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Максимилиан Шерр **путешествие
по арабским странам**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Специальная редакция восточной литературы

Москва 1966

MAXIMILIAN SCHEER

Arabische Reise

Berlin, 1963

Перевод с немецкого

Р. З. Персиц

Ответственный редактор

И. П. Беляев

Максимилиан Шеер

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АРАБСКИМ СТРАНАМ

В долине Нила

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редакторы *Ю. О. Бем* и *Р. М. Солодовник*

Художник *Д. А. Аникеев*

Технический редактор *Л. Т. Михлина*

Корректоры *В. С. Импадзе* и *Е. Я. Розова*

Сдано в набор 30/X 1965 г. Подписано к печати 31/1 1966 г.
Формат 84×108^{1/2}. Печ. л. 8,75. Усл. п. л. 14,7. Уч.-изд. л. 14,9. Тираж 15 000 экз.

Изд. № 1565 Зак. № 1660. Индекс $\frac{2-8-1}{916-65}$ Цена 75 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Индекс $\frac{2-8-1}{916-65}$

У подножия пирамид

Самолет с гулом летел сквозь южную ночь. Звезды — здесь они гораздо крупнее, чем в Европе, — металы снопы света. Внизу лежала непроницаемая тьма, и что было под ней: море или уже суша — пассажиры еще не знали.

Внезапно мрак расколело яркое сияние. Казалось, что в спящей пустыне мощные прожекторы озарили усеянное алмазами огромное поле, а среди него — сказочный дворец со множеством светящихся окон.

— Александрия, — невозмутимо произнес спокойный голос, вернув к действительности тех пассажиров, которым начало казаться, будто перед ними сцена из «Тысячи и одной ночи».

— Какое сияние, — изумился кто-то рядом, — совершенно неправдоподобное!

— Это из-за особенностей здешнего воздуха, — ответил человек, говоривший невозмутимым голосом, и закрыл глаза.

Петер Борхард посмотрел на него неодобрительно и снова отвернулся к окну. Сосед уже спал с недовольным выражением лица.

Они снова летели над темнотой, но теперь у нее было название: Египет.

Там, внизу, лежала страна фараонов, протекал легендарный Нил, возвышались пирамиды, дремал загадочный сфинкс. Там жили еще потомки людей, принадлежавших к первым создателям человеческой культуры.

В Каире Петера Борхарда встретил египтянин. Еще не рассвело, они ехали в машине по пустынным улицам. По широким мостовым они мчались мимо высоких домов со спящими окнами, мимо реки, мимо пальм, освещен-

ных фонарями... Наконец машина завернула в парк и остановилась перед лестницей.

— Первую ночь ты проведешь у подножия пирамид.

— До завтра...

— Вернее, до сегодня. Уже пятый час.

Петер вышел на балкон своей комнаты. Первым звуком, который донесся до его слуха со стороны древних могил, было пение петуха: «Проснитесь, живые, а мертвые пусть спят». Громко стрекотали цикады.

Было по-прежнему темно. Как раскаленные шары, светились звезды Ориона. Вдоль улицы, уходившей вверх, полумесяцем вытянулись фонари. За ними, на фоне звездного неба, вырисовывалась огромная конусообразная тень. Вначале это были лишь общие очертания, затем они приняли более четкую форму. Но вот звезды померкли, погасли фонари, ночь отступила, теснимая утром, и через несколько минут поднявшееся над пустыней солнце залило пирамиду Хеопса красным светом.

Несмотря на то что Петер ночь провел в пути, он не чувствовал усталости. Странное возбуждение гнало от него сон. Он спустился в парк. Воздух сохранял еще свежесть сентябрьской ночи, но там, куда падали лучи солнца, уже было тепло. На одной из дорожек, окаймленных густыми обвитыми плющом кустами, эвкалиптами и пальмами, стоял египтянин в широкой длинной, до пят, белой рубашке — галабии. Красный матерчатый пояс охватывал его бедра, красная же феска была сдвинута набок. Вид его был настолько живописен, что казалось, будто он нарядился так только для того, чтобы привлекать внимание иностранцев. На самом деле чувство красоты было ему не чуждо. Откинув голову, он прислушивался к ликующему пению птицы, скрытой в листве дерева.

— Как называется эта птица? — спросил Петер.

— Ямама, — ответил египтянин.

— А что это означает?

— «Благодарю тебя, Аллах». Каждое утро она поет свою благодарственную молитву.

Там, где раньше, когда было темно, полумесяцем поднимались уличные фонари, теперь бежало в гору асфальтированное, в этот час еще пустое шоссе с тротуаром, огражденное белой каменной стеной. Петер зашагал вверх по направлению к пирамиде. Тропический парк

скоро остался позади, вокруг уже расстилалась пустыня.

Из впадины, похожей на ущелье, появились две босые женщины в черных платьях, в черных платках и в черных покрывалах, оставлявших открытым лишь небольшой овал лица. На голове они несли широкие плоские корзины из тростника, которые словно парили в воздухе. Женщин окружали детишки в длинных светлых рубахах. Казалось, будто по озеру пустыни плывут черные лебеди с белыми лебедятами. Вдали показался всадник на верблюде и направился к дороге. Больше у края пустыни никого не было.

Наверху, где шоссе переходило в песчаную дорогу, кое-где покрытую камнями, из домика, похожего на постовую будку, вышел человек в черном одеянии * с серебряным вышитым поясом и в белом головном уборе.

— Good morning, Sir **.

Петер Борхард ответил на приветствие и хотел было пройти мимо, но человек обратился к нему по-немецки:

— К вашим услугам, господин граф, — и продолжал по-английски. — Я гид и сопровождаю тех, кто пожелает осмотреть пирамиды.

Тон был совершенно безапелляционный.

— Разве здесь нельзя ходить одному? — осмелился спросить Петер.

— Одному?

Слово прозвучало так, будто он хотел сказать:

«Мне очень жаль, сэр, но я вынужден заметить, что не приличествует джентльмену одному болтаться около пирамид».

Тем не менее Петер нашел в себе мужество отказаться от благосклонно предложенного ему общества гида. Но тот продолжал идти рядом, не теряя надежды соблазнить иностранца.

— Дом короля Фарука, солнечные лады, сфинкс...— демонстрировал он свои познания.

— Весьма признателен, но мне действительно хотелось бы побыть одному...

* Речь идет о верхней галабии — также длинной, до пят, рубахе из шерстяной ткани, часто отделанной золотым шитьем. — *Здесь и далее примечания редакции.*

** Доброе утро, сэр (англ.).

— Это будет стоить очень недорого, — настаивал гид, — быть может, десять пиастров.

Атакуемый, смеясь, покачал головой и продолжал путь.

— Или пять пиастров. Все еще много?

— Вовсе нет, но...

Гид, считавший себя не вправе фронять славу восточного мастерства торговли, не дал Петеру докончить.

— Вы дадите, сколько захотите.

Но когда даже и этот ловкий маневр не возымел действия, он решил обратиться к чувствам бессердечного иностранца.

— Вы сегодня мой первый клиент, — сказал он, — если вы разрешите сопровождать вас, день у меня выйдет хороший, если нет — неудача будет преследовать меня до вечера.

Петеру оставалось только капитулировать перед такой откровенной хитростью и открыть кусочек правды, чтобы утаить главное: при этой первой встрече со следами тысячелетий он хочет быть совершенно один...

— Я приехал лишь несколько часов тому назад, у меня еще нет египетских денег.

Гид испуганно остановился. Но его замешательство продолжалось лишь один миг. Затем он великодушно произнес:

— Я принимаю и другие деньги.

Тут Петер, понимая всю тяжесть собственной вины, сокрушенно признался, что у него вообще нет при себе денег.

— Я должен еще пойти в банк, — сказал он.

Гид выслушал это признание, испытующе взирая на Петера. Он явно размышлял, сможет ли оправдаться перед самим собой, если отпустит этого иностранца добру-поздорову, и не придется ли ему сгорать со стыда, когда позже он вспомнит еще какой-либо способ воздействия, который сейчас не пришел ему в голову. Нет, он сделал все, что мог.

— Хорошо, — промолвил он, как бы прощая иностранца, — до следующего раза.

Положить руку на одну из каменных глыб, из которых сложена пирамида Хеопса, — это, конечно, не так уж много. Но ведь при этом можно представить себе, что прикасаешься к глыбе, над которой почти пять тысяч лет назад трудилось множество неумолимых египтян: каменотесов, вырубавших эти бесформенные громады; грузчиков, которые переносили их из каменоломен к берегам Нила; сплавщиков, гнавших плоты со своим тяжелым грузом в Каир; строителей, которые десять лет прокладывали специальную дорогу длиной более двенадцати километров, чтобы по ней доставлять камень к началу пустыни, где в честь фараона надлежало возвести пирамиду.

Так возникло это чудо архитектуры, которое вызывает восторженное удивление людей. Сотни тысяч безымянных египтян — зодчих и строителей — воздвигли величественный памятник скорее себе, чем фараону. Те, кто отдал ему свой труд и свои последние силы, оставили после себя в истории человечества едва ли меньший след, чем сам Хеопс. Рассчитанные ими грани пирамиды, возвышающиеся между желтым песком и голубым небом, на протяжении тысячелетий выдерживают напор ветров и бурь пустыни. Тонкий песок, вгрызаясь в кладку, уже начал разъедать глыбы. Вершина раскрошилась. Пирамида, имевшая высоту 146,7 метра, уменьшилась почти на десять метров.

«Если предположить, — подумал Петер, — что пирамида Хеопса и впредь будет разрушаться с такой же скоростью, то через семьдесят пять тысяч лет она исчезнет с лица земли». Петер сам рассмеялся над своими подсчетами. Впрочем, какое значение имеет несколько тысяченок лет, когда речь идет о пирамидах.

Около пирамиды, там, где плато пустыни спускается к Каиру, последний король Египта, Фарук, приказал поставить охотничий домик.

— Он пожелал находиться рядом с пирамидой, — объяснил Петеру его друг египтянин, когда они ехали ночью по Каиру. — Увеселительное заведение короля XX века рядом с надгробием, построенным в 2690 году до нашей эры! Смешная заносчивость и кощунственное осквернение великого прошлого Египта.

— Домишко можно было бы снести, — предположил Петер.

— Возможно...

— Быть может, его сохраняют в память о Фаруке?

— Ни в коем случае, — ответил египтянин, — Фарука ненавидит весь народ. Распутный мот, он под конец совершенно опустился. Я как-то наблюдал за ним в кабаре «Auberge des Pyramides»*. Он сидел недалеко от меня, и я видел, как он пригласил к своему столу танцовщицу, предложил ей сесть рядом, а затем погасил сигарету о ее голое плечо.

Петер отправился дальше и подошел к месту возле пирамиды, о котором упоминал гид. Да, это была площадка солнечных ладей, найденная лишь несколько лет тому назад. Выстроенная тогда же невысокая кирпичная ограда в форме лодки окружала открытый недавно темный каменный прямоугольник. Он напоминал катакомбы без крыши.

Пока Петер стоял перед этим сооружением, подъехал автомобиль и из него вышли двое мужчин лет сорока-пятидесяти. Один, в очках, был в европейской одежде, другой — в длинной светлой рубашке и в головном уборе, какой носят египтяне. Петер сразу понял, что перед ним гид, сопровождающий в этот ранний час туриста.

— Вы знаете, у меня мало времени, — заметил европеец по-английски, когда гид начал говорить о культуре Солнца. Судя по акценту, это был голландец или немец из Северной Германии.

— Конечно, сэр, я не задержу вас, — ответил гид и в нескольких словах рассказал, как египетский инженер-дорожник откопал стену длиной шестьдесят девять метров, сложенную из известняковых глыб. Под стеной нашли две барки длиной сорок, шириной шесть метров.

— Thank you **, — турист торопливо направился к машине.

— Это были солнечные ладьи, — успел добавить гид, пока они садились в машину. Дверца захлопнулась, и автомобиль умчался, вздымая вихри желтого песка.

Черные каменные стены, казалось, всем своим видом выражали презрение. Ведь они ограждали ладьи, на которых мертвец мог подняться ввысь и, разрезая воздух, следовать за Солнцем. Через двенадцать ворот Смерти

* «У пирамид» (франц.).

** Спасибо (англ.).

он должен был проехать в ладье Ночи и через двенадцать ворот Жизни — в ладье Дня. Лишь затем при свете Солнца он вправе был насладиться бессмертием. Почти два миллиона дней и ночей лежали ладьи, защищенные камнем и песком от посторонних взглядов и прикосновений, в ожидании рулевого, но он так и не явился. Наконец через тысячи лет вокруг стен началось движение. Но не мертвые, а живые сняли тяжелые каменные глыбы. И их глазам открылись ладьи в полной сохранности, никем никогда не использованные и опровергающие этим культ Солнца и мертвых, но свидетельствующие о великой жизнеутверждающей вере в то, что источником всего живого являются Солнце, тепло, свет.

Петер медленно побрел дальше, подымая ногами желтую пыль. Он думал о тайнах, так долго скрывавшихся в песках пустыни и обнаруженных лишь благодаря случаю. Вот рядом с самой знаменитой пирамидой лежат барки, и никто о них не знал, так же как не знали о захоронениях фараонов, пока полстолетия назад их не открыл немец Бругш. Что еще погребено в песках? Сейчас насчитывается около восьмидесяти различных пирамид — и с плоскими гранями, и ступенчатых, и представляющих собой небольшие нагромождения квадратных камней, словно случайно сложенных в форме пирамиды. Были здесь и простые подземные склепы, обнаженные ветром, — могилы, могилы, могилы, грандиозный, широко раскинувшийся, все еще полностью не открытый город мертвых рядом с пустыней.

Когда Петер проходил мимо пирамиды Хеопса, он снова увидел машину, а рядом гида и иностранца. Турист в очках стоял на крутой возвышенности. Защищая глаза от солнца ладонью, он смотрел в долину и по-английски кричал гиду, стоявшему немного ниже:

— Я не вижу сфинкса.

На этот раз гид вежливо, но холодно ответил:

— Может быть, вы пожертвуете еще пятью минутами, сэр? Мы можем к нему подъехать.

— Тогда поехали! — воскликнул турист.

Пока он спускался, гид, не теряя времени, попытался расширить свою клиентуру.

— Идите сюда, сэр, — крикнул он Петеру, — вы можете поехать с нами!

Петер отказался. Автомобиль снова проехал мимо

него по направлению к бесформенным грудам камней, которые лишь вблизи принимали определенные очертания. В долине турист в последний раз проворно и ловко нацелился фотообъективом на сфинкса, быстро юркнул в машину и исчез окончательно.

Так вот он какой, знаменитый загадочный сфинкс, известный по многим изображениям. В отличие от пирамид он поднимается не над песком, а над уложенными вокруг него каменными глыбами, стенами, узкими каменными переходами... С трех сторон он окружен как бы высоким поясом стен и песчаных насыпей. Вытянутые передние лапы покоящегося льва очень длинны и похожи на балки с когтями. Туловище кажется огромным, не трудно поверить, что оно вытянулось на семьдесят три с половиной метра, как читал Петер. Над могучим телом животного возвышается человеческое лицо. Верно ли, что в сфинксе символически воплощены сила зверя и дух человека?

Петер постоял перед сфинксом, обошел вокруг, оглядел его со всех сторон. Он, конечно, вырублен из одной скалы. Арабы называют сфинкса «отцом ужаса», но Петеру он не казался страшным. Фигура выглядела удивительно живой. Тело напряженное, словно пружинящее, даже в покое. От каждого мускула исходит огромная, спокойная сила. Черты лица сфинкса будто меняются в зависимости от того, с какой стороны его рассматривает наблюдатель.

Когда час назад Петеру повстречались две египтянки, ему показалось, что одна из них похожа на сфинкса. Как и у него, ее обрамленное черным лицо было широким и строгим, сдержанным и гордым, непроницаемым и загадочным. «Шагающий сфинкс с корзиной на голове», — подумал он тогда и улыбнулся.

Он стоял перед произведением искусства, которое привлекало и еще будет привлекать к себе взоры многих поколений, и впечатление сходства не покидало его. Но вот он подошел ближе и внимательнее вгляделся в сфинкса. Женское лицо вдруг преобразилось. Щеки округлились, черты лица помолодели, глаза стали смелыми, и внезапно обнаружилось, что перед ним лицо молодого красивого мужчины.

«Возможно, — подумал Петер, — что впечатление загадочности, производимое скульптурой, создается этой

мнимой изменчивостью лица. Возможно также, что этого впечатления как раз и добивался скульптор. Отсутствие носа — ранее его длина равнялась среднему росту человека, теперь же от него сохранилось лишь основание — несомненно смягчило первоначальную резкость черт лица. Несомненно также, что при первом взгляде на фигуру впечатление женского лица создавалось головным убором. Несомненно, наконец, что первоначально сфинкс был мужского рода, а не женского *. Вполне правдоподобно поэтому предположить, что скульптор сам служил себе моделью при создании сфинкса и наградил бога Солнца Ра, которому посвятил свое творение, собственными чертами».

«Страж могил» — его лицо обращено к восходящему солнцу — сейчас был озарен светом. В нем не было ничего страшного, решительно ничего. Но если египтяне сами называли его «отцом ужаса», то, вероятно, в сфинксе они видели не соединение силы с духом, а какой-то иной символ. Возможно, он казался им человеком или фараоном, способным проявлять жестокость хищного зверя.

Когда Петер поднимался вверх по холму, стало уже совсем жарко. Со стороны пустыни навстречу ему к пирамиде Хеопса степенной походкой шел высокий и стройный человек с горделивой осанкой, одетый в галабию из золотистой парчи. На пересечении тропинок они встретились. Лицо египтянина, которому могло быть около шестидесяти лет, соответствовало его благородной осанке. Строгие черты лица, очки в тонкой золотой оправе, короткая с проседью щетина, умные глаза — все это придавало ему вид ученого, который, не побрившись, отправился на утреннюю прогулку.

Он любезно поздоровался, осведомился о намерениях иностранца, предложил свою помощь.

— Я — шеф гидов, — сказал он с достоинством по меньшей мере известного археолога.

* По-немецки слово «сфинкс» женского рода.

Пустыня зацвела

Солнце пекло нещадно, но в голове Петера звучал стих из Корана: «„Радостная весть вам сегодня!“ Сады, где внизу текут реки, — вечно пребывая в них. Это — великий успех».

Только что пальмы и маслины обрамляли дорогу, яркие цветы сияли среди зелени большого сада, садовник поливал овощи на грядках, пирамида Хеопса молчаливо посылала приветствия с высоты своей вершины, и вдруг сразу, без всякого перехода, началась пустыня. Один нажим на акселератор — и пышное изобилие юга сменилось безжизненной пустотой. Всколмленная поверхность земли то коричневого, то красноватого, то желтого, то светло-серого цвета была покрыта затвердевшей коркой. А ведь каждый год в марте буря поднимает тучи песка и гонит их до самого города, где тонкая песчаная пыль, проникая через закрытые двери и окна, затрудняет дыхание.

Песок — это гнев небес.

Когда в Европе выпадает снег, здесь порой проходят дожди, и на краю пустыни кое-где появляются цветы. Но теперь осень, и с самой весны не выпало ни одной капли влаги. Шоссе черной лентой обвивает раскаленную голую землю. Ни дерева, ни кустика, ни одного растения, ни одной травинки. Беспощадная, облитая мерцающим жаром пустота.

Редко-редко встречаются какие-нибудь признаки жизни. Вот к земле пригнулся, как бы стараясь спрятаться от зноя, осыпанный песком кустик какого-то мрачного зеленого цвета, рядом иногда второй и третий... А вот тут даже целая низина, покрытая грязно-зелеными пятнами, словно обрызганная... Вода? Воды нет. Разве что на очень большой глубине, но кто станет поднимать ее наверх и кому она нужна в этом мертвом царстве? Пустые черные бочки из-под асфальта, похожие на мрачные обломки колонн, выстроились вдоль шоссе, будто окаймляя въезд в ничто.

Даже следов деятельности людей в пустыне мало. Иногда попадаются щиты: маленькие — указывающие расстояние, более крупные — рекламирующие шины, одежду, гостиницы; кое-где валяются ржавые облом-

ки кузова; изредка виднеется палатка, в тени которой, сидя на корточках рядом со своими велосипедами, завтракают двое дорожных рабочих. И снова пустота... Только много времени спустя появляются на горизонте несколько верблюдов, их силуэты четко вырисовываются на фоне яркого неба. Это либо караван, либо полицейский патруль, старающийся проникнуть в тайны пустыни, может быть для того, чтобы арестовать контрабандиста, торгующего наркотиками. И снова вокруг надолго мертвая пустыня. Затем появляются наполовину занесенные, прикорнувшие в песке развалины оград и домов большого заброшенного селения.

— Бывшие военные бараки англичан, — деловито и удовлетворенно пояснил сопровождавший Петера египтянин.

Асфальтированная дорога сменилась бетонной.

— Недавно построена, — с гордостью отметил египтянин.

«Странное зрелище», — подумал Петер. С обеих сторон новая дорога была окаймлена молодыми деревцами с тонкими веточками и нежной зеленой листвой. Вид у них был какой-то робкий, застенчивый, будто они боялись: не слишком ли рискуют люди, оставляя их, таких молодых и слабых, во власти яростного солнца. Но деревца получали поддержку — желтая цистерна подвозила воду и поила их; земля вокруг была более темной от влаги.

Вблизи дороги под жгучим солнцем группа рабочих кирками и лопатами долбила белый песок пустыни. На большинстве из них были галабии белого цвета или других светлых тонов, а вокруг головы — белые шарфы, которые не только служат украшением, но и защищают от солнца. На двух рабочих было нечто вроде белых гольфов — короткие штаны, которые, ниспадая от бедер наподобие юбки множеством складок, тесно схватывали ногу ниже колена, оставляя икры открытыми. Резкий контраст между светлой одеждой и темной кожей вызывал воспоминания об отпуске, море и солнце. Рабочие казались мускулистыми и гибкими, все были босиком. Некоторые провожали машину улыбкой.

Машина промчалась мимо бульдозера, который выравнивал участок пустыни. Деревья стали больше, поливные шланги, соединенные с цистернами, автоматиче-

ски поворачиваясь, теряли часть драгоценной влаги на краю дороги. Далеко справа, над белой теперь поверхностью песка, показалась ярко-зеленая полоса, а над нею — светло-серые верхушки больших парусов.

Там протекал Нил.

А здесь раскинулась пустыня с деревцами по краю дороги. Пустыня, которая на протяжении тысячелетий была голой.

Поблизости отсюда в песке был найден коленный сустав огромного еще неизвестного животного.

— Животное жило на берегу Нила и попало сюда, заблудившись или спасаясь бегством, — говорили одни.

— Может быть, в этом месте прежде была растительность, — возражали им другие.

Но ни хроники, ни остатки стен, ни камни не говорят о том, что здесь когда-то была жизнь.

Пустыня — гнев неба.

Здесь, в этом безнадежном песчаном краю, где издали видна зелень, человек, как нигде, ощущает, что такое вода.

Где нет воды, там нет жизни!

Далеко у горизонта протекает рукав Нила, сюда же, насколько известно, его воды никогда не доходили.

В мае 1953 года египтяне решили изменить существовавший тысячелетиями ландшафт. И вот, как ни трудно в это поверить, в пустыне вырос поселок с новыми одноэтажными домами, под плоскими крышами.

Автомобиль остановился.

Пока он двигался и путники сидели в машине, ее крыша отбрасывала тень, их обвевал ветерок, температура была сносной. Но стоило им выйти, как жара набросилась на них со всех сторон. Воздух и песок, дома и дорога источали зной, словно стремясь иссушить их тела.

В доме было менее жарко.

— Стены сложены из пустотелого песчаника, — сказал гостям культорганизатор* в новом поселке. — А.

* Один из ответственных служащих Социального, или Учебного, центра, отвечающий за культурно-массовую работу среди населения входящих в него деревень. Обычно чиновник Министерства национальной ориентации или Министерства просвещения

крыши — из цементных плит, также полых. Это защищает от жары и от холода.

Затем они поехали в чудесную пустыню.

Называлась она «Ат-Тахрир» — «освобождение».

Однажды в пустыне поставили пять палаток. Это было началом. Потом прибыли землечерпалки и бульдозеры, грузовики и инструменты, камень и цемент, приехали египетские рабочие, чтобы копать и строить, египетские инженеры, архитекторы и агрономы, чтобы руководить землекопными работами и строительством.

И вот широкий канал вырыт. От дельты Нила до этого места двадцать километров. Шаг за шагом, метр за метром, километр за километром прокладывали рабочие русло для илистого эликсира жизни. Теперь широкая и спокойная водная гладь сверкала под яркими лучами солнца.

От главного канала отходила сеть узких каналов, выложенных цементными плитами, чтобы вода не просачивалась без пользы в землю. Насколько хватает глаз они в строгом порядке пересекали равнину во всех направлениях. Белые цементные края выделялись на фоне воды цвета глины.

Машина остановилась. Обширный участок вблизи дороги уже перестал быть пустыней, но еще не превратился в поле. Он был покрыт водой, затоплен. Песчаная почва неделями впитывала глинистую воду Нила, сначала жадно, затем спокойнее. Теперь вода, почти не двигаясь, медленно просачивалась и испарялась. Между желтоватой поверхностью воды и белым песком уже проступили темные полосы отложений ила. Задолго до этого ученые исследовали свойства почвы, которая получится в результате взаимодействия ила и песка, искали естественные и минеральные удобрения для повышения ее плодородия. Затем землю оросили, удобрили, засеяли — и чудо свершилось. Пустыня зазеленела!

Они ехали мимо этого чуда, содеянного трудом. Земля была полита потом египетских феллахов и агрономов. Там, где разбили палатки первые рабочие, пять месяцев спустя раскинулось прорезанное оросительными каналами поле земляного ореха. Лишь светлые песчаные пятна

между низкорослыми растениями напоминали о том, что еще недавно на этом месте был песок.

Здесь природу удалось покорить. День за днем у мертвой пустыни отвоевывали все новые участки и возвращали их к жизни. Петер Борхард с удивлением смотрел на усеянные плодами апельсиновые деревья, на посадки фасоли, картофеля и клубники, кукурузы и дынь, на поля пшеницы, земляного ореха и кормовых трав. При виде больших плантаций деревьев, часть которых была покрыта, будто шляпами, остроконечными колпаками из камыша, Петер, пораженный, спросил:

— А это что такое?

— Это молодые манговые деревья, через несколько лет они начнут плодоносить.

Манго? Так вот как растет этот изумительный плод, которым Петера в первый же день по приезде угощал в Каире его друг-египтянин. Манго плохо сохраняется, поэтому за границей он почти неизвестен.

— Мы называем манго пищей Аллаха, — сказал египтянин. — Возьми зеленый, он лучше освежает. Желтые обычно уже перезрелые и мягкие.

Они разрезали плод пополам, вынули крупную твердую косточку и принялись есть, маленькими ложечками вынимая мякоть из корки.

— В следующий раз попроси, чтобы плод выжали, и выпей сок, — посоветовал египтянин.

По вкусу манго напоминает многие изысканные фрукты. Ананас? Банан? Апельсин? А может быть, дыня? Похоже на все эти фрукты, и ни на один из них в отдельности! Короче, божественный плод, пища Аллаха.

«Он введет вас... в сады, где внизу текут реки, и в приятные жилища в садах Эдема. Это — высшая прибыль!»

О садах, богатых водой, говорится во многих стихах Корана, ибо где есть вода, там и рай. За посадками манговых деревьев снова начинался белый песок. Один неверный шаг — и рай снова превратится в пустыню.

— Шляпы не на всех деревьях? — спросил Петер.

— Только на мужских, — ответил египтянин.

— А почему женские не наряжают? Ведь они дамы!

— Мужские деревья кокетливее.

В маленьком открытом вездеходе Петер и египтянин

ехали по местности, еще до сооружения каналов выровненной бульдозерами. Они сгладили выпуклости и небольшие холмы, засыпали углубления и ложбины и превратили этот участок пустыни в равнину. Вдоль берегов каналов местами посажены деревья, но они еще слишком малы, чтобы отбрасывать тень или ослаблять силу ветра, дующего из пустыни. На полях между посадками сверкали белые пятна, напоминая о песке и пустыне. Трудно было избавиться от мысли, что песок может с чудовищной быстротой поглотить растения, как только рабочие и агрономы перестанут им помогать. Здесь еще не появилась естественная растительность, а были лишь гигантские парники, чудом созданные и поддерживаемые человеком. Но именно эта мысль помогала постичь значение созидательного труда людей. В Коране говорится: «... пролили воду ливнем, потом рассекли землю трещинами и взрастили на ней зерна, и траву, и маслины, и пальмы, и сады густые, и фрукты, и растения».

И человек увидел, что это хорошо.

Машина мчалась по лишенной тени дороге, ветер трепал волосы и охлаждал кожу. Вдали показалось здание.

— Цементный завод, — сказал египтянин.

Рядом с шоссе возвышалась башня.

— А это насосная станция!

По ту сторону поля виднелось еще два больших строения.

— Обувная и одеждажная фабрики.

Вокруг фабрик лежал белый песок. Они были построены из пустотелого кирпича, да и вся архитектура зданий была подчинена одной цели — создать внутри прохладу. Крыша служила вентиляционным устройством и походила на вытянутую гармошку. Рабочие и работницы сидели у современных машин в огромном зале — единственном на все предприятие, — таком высоком, что люди в нем казались пигмеями. Рабочих подыскивали во всех районах страны, но, прежде чем поступить на фабрику, они проходили специальную подготовку в учебном центре.

Он был построен, когда канал еще только проектировался и вокруг простиралась пустыня. С виду он ничем не отличался от других поселков на новых зем-

лях: такие же ряды одноэтажных домов под плоскими крышами, такие же здания для детского сада и школы, для женских и мужских курсов.

Тысячи людей уже давно работали в этом районе, и большинство из них не было связано с учебным центром. Они выравнивали пустыню, расширяли сеть каналов, распахивали целину, строили насосные станции и дороги, возводили поселки и фабрики. Когда их нанимали, думали только о том, справятся ли они со своей работой. В учебном же центре готовили людей, которым предстояло поселиться в новом краю навсегда.

— Как производится отбор и обучение будущих жителей и как они здесь живут, я расскажу вам в следующий раз, если вы сейчас не располагаете временем, — любезно закончил свои объяснения культорга-низатор.

— Я скоро опять приеду, — ответил Петер Борхард, — ведь из Каира сюда только час езды.

Корабли ждут лоцманов

На дорожных столбах стояли арабские цифры. Большинство из них ничуть не походило на те, которые в Европе называют арабскими. Схожи единица, девятка, зато наш ноль, только заостренный кверху, обозначает у арабов пятерку, а точка — ноль. Арабы явно не желают утруждаться ради «нулей»: поставили точку — и ладно!

Чтобы отвлечься от однообразия пустыни, Петер читал цифры. Они выглядят так:

١	٢	٣	٤	٥	٦	٧	٨	٩	٠
1	2	3	4	5	6	7	8	9	0

Через несколько часов рядом с шоссе показался оазис, где среди пальм возвышались гостиница и мечеть.

На дорожном столбе стояло 67 — ровно половина расстояния между Каиром и Суэцем.

— Оазис создан искусственным путем, — сказал водитель-египтянин.

Затем опять потянулась холмистая пустыня, прорезанная черной лентой шоссе, по которому в обоих на-

правлениях мчались автоцистерны и тяжелые грузовики: нефтепровод, недавно проложенный правительством от Суэца до Каира, пока еще не мог обеспечить столицу необходимым ей количеством горючего.

То и дело на глаза попадались бараки, почти всегда пустые. Часто это были лишь глиняные стены без крыши, с пустыми оконными и дверными проемами.

— Посты, прежде английские, теперь египетские, — гордо заявил водитель-египтянин. На нем был темный костюм с ярким галстуком и красная феска с черной кисточкой.

Два ряда тесно прижавшихся друг к другу квадратных глиняных хибарок образовывали узкую улицу с горбатыми тротуарами, которая кишела людьми. Это въезд в Суэц. На тротуарах возле домиков и на самой мостовой бурлила жизнь. Группы мужчин в галабиях, поджав ноги, сидели кружком на земле, болтали, наблюдали прохожих или просто дремали. Рядом играли или уверенно сновали в толчее дети в длинных светлых, часто грязных рубахах. Женщины с монашескими лицами, обрамленными черными платками или целиком закрытыми покрывалами, суровые и безмолвные, пробирались сквозь толпу, почти все с грудными младенцами на руках и ведя за собой малышей постарше. Мясник подвешивал к потолку своей лавки несколько ободранных бараньих туш. Розовое мясо было буквально усеяно красными печатями. Торговцы стояли рядом с лотками, зазывая покупателей или торгуясь. Что вы желаете купить? Консервы или сигареты? Кока-кола или гуталин? Ткани или расчески? Одежду или ювелирные изделия? Сорочки или носовые платки? Сандалии или зубную пасту? Амулеты, пуговицы для брюк или синие бусы? Одного взгляда достаточно, чтобы убедиться: здесь есть все.

Как только машина миновала предместье, картина резко изменилась. По обеим сторонам широких улиц стояли высокие современные дома, а над ними вздымалось высотное здание. Торговля отступила с тротуаров и скрылась в магазинах. На улицах наравне с галабиями появились костюмы.

Это Суэц.

А еще дальше, за незастроенным участком земли, — малоизвестный населенный пункт Тауфик. Этот городок

с его белыми домами, пальмами, эвкалиптами и цветущими акациями производит впечатление сказочного. Раньше здесь находился центр администрации Суэцкого канала, извлекавшей из его эксплуатации тридцать пять миллионов английских фунтов в год. В этот город-рай египтяне до недавнего времени могли попасть лишь в качестве слуг или чернорабочих.

Здесь кончается Суэцкий канал *.

Танкер прорезал сверкающие голубые волны Красного моря, трехцветный флаг слегка трепетал на ветру. Капитан получил от судовладельца радиограмму с указанием привести «Изокордию» в Тауфик пятнадцатого в шесть часов утра.

— Совершенно непонятно, — сказал капитан.

Всем, кто плавал в этих водах, было известно, что судно, прибывшее позже пяти часов утра, не может в тот же день пройти через канал. Если огромный танкер с двадцатью тремя тысячами тонн неочищенной нефти приползет в порт с опозданием на целый час, он останется в заливе до следующего утра. Тут уж ничего не поделаешь. Хотя они легко могли бы прибыть вовремя, капитану теперь придется уменьшить скорость, чтобы оттянуть час прихода, а затем целые сутки торчать перед входом в канал.

— Разве это не безумие!

Капитан приказал радировать, что он может прибыть до пяти часов. Радист покачал головой. Он уже восьмой раз проделывал этот рейс, но еще ни разу не сходил на берег. «Если мы задержимся, можно будет пойти в город, — подумал радист, — но старику это, видимо, безразлично».

Ответ судовладельца показался капитану еще более непонятным. Хозяин продолжал настаивать на шести часах, но, «конечно, — говорилось в радиограмме, — следует сообщить администрации, что танкер тем не менее желал бы пятнадцатого утром присоединиться к каравану судов, проходящих через канал».

Капитан приказал дать соответствующую радио-

* Египтяне считают, что канал начинается на севере, в Порт-Саиде.

грамму администрации канала. Задумываться над странным указанием судовладельца ему казалось бесполезным, тем более что он не сомневался в получении отказа.

Но тут произошло нечто неожиданное. Администрация канала ответила в ту же ночь и не по-французски, как обычно, а по-английски: «Yes you will join this morning convoy stop pilot will board you in time»*.

Ровно в шесть часов утра «Изокордия» прибыла в северную бухту Суэцкого залива и стала на якорь. Голубоватая вода светилась, солнце стояло уже высоко. На фоне лазурного безоблачного неба резко выделялись обнаженные контуры гор. Капитан с мостика разглядывал в бинокль еще спокойную бухту.

На всех кораблях был поднят полоскавшийся на ветру флаг Египта — зеленый с белым полумесяцем и тремя белыми звездами — и маленький желто-синий флажок, сигнализовавший: «Нужен лоцман». И так, еще ни на одном корабле не было лоцмана.

«Много им сегодня потребуется людей», — подумал капитан. Обычно через канал проходило десять, от силы пятнадцать кораблей. Теперь же, капитан сосчитал, в бухте стояло двадцать четыре корабля. Тем удивительнее казалось, что египтяне все-таки приняли запоздавший танкер.

Капитан повернулся к берегу. В домах, в которых, как он знал, живут лоцманы, у окон стояли люди и тоже смотрели в бинокли на залив. Ничего особенного как будто, но капитан обратил на это внимание. Отведя бинокль чуть в сторону, он заметил на берегу необычайное скопление людей, стоявших на одном месте или расхаживавших кто в одиночку, а кто группами. Многие из них тоже наблюдали в бинокли за бухтой.

Здесь, по-видимому, назревали какие-то события.

Люди расположились на обрамленной деревьями прибрежной улице, где стояло белое здание, в котором раньше располагалось отделение администрации Суэцкого канала. Она, наверно, и сейчас там находилась, хотя состояла теперь из египтян. Между стволами деревьев можно было ясно различить в бинокль широкие

* Утром присоединитесь к каравану точка лоцман своевременно инится на борт (англ.).

входные ворота. Охраны не было видно, но зато хорошо просматривались маленький садик и каменная лестница, ведущая через зарешеченную галерею непосредственно в кабинет директора. Так по крайней мере было некоторое время назад, когда, проезжая в качестве пассажира зону канала, капитан навестил своего земляка. Капитан скорее угадывал, чем различал дверь. На галерее тоже толпились люди.

Значит, там действительно что-то происходило.

Капитан опустил бинокль. Он попросил стоявшего поблизости помощника понаблюдать за берегом и дать ему знать, если случится что-нибудь важное, а сам отправился в каюту. Ему необходимо было подкрепиться чашкой кофе с коньяком.

Среди тех, кого французский капитан рассматривал в бинокль, не различая, впрочем, лиц, был норвежский лоцман Хендрик Бьёрнстон. Он стоял перед белым зданием администрации, беседуя со шведским журналистом Йогансеном.

— Значит, сегодня никто не поведет суда? — спросил швед.

Бьёрнстон покачал головой и произнес одно лишь слово:

— Никто.

— Ни один иностранец?

Норвежец в ответ только пожал плечами.

— Но здесь уже скопилось двадцать кораблей, — продолжал швед, пытаясь вызвать лоцмана на разговор.

— Двадцать пять, — холодно ответил тот.

— Что же, так они и будут стоять?

— Завтра, быть может, их будет уже сорок, — невозмутимо заметил лоцман.

— Но у египтян ведь тоже есть лоцманы!

Норвежец усмехнулся. Видя, что и швед молчит, он сказал:

— Человек шесть, не больше.

— Вы считаете, значит, — возобновил разговор швед, — что в Суэцком заливе ежедневно будет оставаться по двадцати судов, и все из-за того, что иностранные лоцманы отказываются работать.

— Возможно, — сказал норвежец.

— И в Порт-Саиде тоже?

Норвежец только пожал плечами.

— За неделю, значит, здесь скопится больше ста судов и больше ста — в Порт-Саиде?

Норвежец молчал.

— А дальше что? — настаивал швед.

Норвежский лоцман будто проснулся.

— А дальше снова возьмет на себя управление прежняя администрация Суэцкого канала, и тогда будет порядок.

Швед испытующе посмотрел на своего собеседника, стараясь понять, верит ли он в то, что говорит. Лицо лоцмана было непроницаемым.

— И тогда мы все опять приступим к работе! — сказал он наконец.

— А если египтяне сами справятся?

Норвежец засмеялся и сделал презрительный жест.

— А если не справятся, — не унимался швед, — они могут попросту заставить суда ждать в Суэцком заливе или даже в Красном море.

— Ха! — воскликнул норвежец, как будто он только этого вопроса и ждал. — Тогда мы, старые лоцманы, поднимемся на палубы судов и под прикрытием английских и французских военных кораблей проведем суда через канал.

То, что неразговорчивый норвежец разразился целым потоком слов, наводило на мысль, что слова эти чужие.

— Но это было бы вопиющим нарушением суверенных прав Египта, — сказал швед.

Лоцман снова пожал плечами.

— Что бы сделали англичане, — настаивал швед, — если бы иностранные военные корабли попытались силой прорваться в Темзу? Или французы, если бы подобное случилось на Сене?

— Начали бы военные действия.

— Здесь, на Суэцком канале, тоже?

— Возможно.

— Не думаю.

— Все консулы так говорят, — возразил теперь лоцман. — Все. Английский, французский и остальные тоже. Если окажется, что египтяне не могут справиться на канале без нас, что ж, тогда придется вмешаться. И что тогда начнется!

— Война?..

- Поэтому мы и отправили домой наши семьи.
- Поэтому?
- Ну, египтяне ведь могут попросту перерезать всех иностранных женщин и детей...
- Это тоже говорят консулы? — спросил швед.
- Конечно.

В это же время под деревьями перед зданием администрации прогуливались двое французов. Они познакомились несколько недель назад на террасе гостиницы Бель-Аир в Суэце и сегодня утром случайно встретились здесь. Один из них был корреспондентом парижской газеты в Каире. Пресс-атташе французского посольства посоветовал ему полюбопытствовать пятнадцатого числа, как караван судов пройдет через канал. Вот он и приехал накануне вечером в Суэц. Другой француз был лоцманом, жил здесь уже три года и сегодня утром пришел к заливу посмотреть, что произойдет. Он знал, что в этот день суда не пройдут через канал. Знал он также, что и в Порт-Саиде в это утро лоцманы будут бастовать.

- Сегодня все решится, — сказал он.
- А когда вы сами узнали о бойкоте? — спросил корреспондент Жюльен.
- Официально вчера.
- А неофициально?
- Там это решили десятого, а потом сведения постепенно просочились.
- Где решили?
- Ну, там.
- Кто рекомендовал вам, французским лоцманам, сегодня утром не приступать к работе? — настаивал Жюльен.

Лоцман засмеялся.

- Это неплохо сказано.
- Что? — спросил Жюльен.
- «Рекомендовал»!
- Почему?
- Eh bien, топ vieux*. Это вы знаете не хуже меня. Такое не рекомендуют. Такое предписывают.

* Брось, старина (франц.).

— Кто? — быстро спросил Жюльен.

— Наш консул.

— Послушайте, не может же консул приказывать работать вам или нет. Это вы сами решаете.

— Думаешь! — сказал лоцман вызывающе, растянув «*repenses-tu*» *, чтобы придать ему больше веса. — Это все гораздо хитрее. Сначала, несколько недель назад, консул приказал нам отправить домой женщин и детей из-за опасности войны. Ну, это его дело. Это он мог приказать...

— Приказать-то он мог, — прервал его Жюльен, — но выполнять приказ или нет — зависело от вас.

Загорелый человек лет тридцати, проходя мимо, кинул: «*Вопjoug*» **. Они ответили на приветствие.

— Посмотрите на этого парня, — сказал лоцман. — Он из Бреста. Упрямый бретонец поссорился с женой из-за того, что она не хотела ехать. Но и его консул обломал.

— Но как же так! — в голосе Жюльена слышалась досада.

— *Comment, comment* ***! Вот тебе и как! Сначала консул сказал: «Отправьте вашу жену домой, будет война». Тот ответил: «Моя жена не верит в войну и в любом случае хочет быть со мной». Тогда консул спросил: «Сколько осталось до конца вашего контракта? Пять месяцев. И вы хотите остаться? Да? Тогда отправьте лучше свою жену домой».

— А с консулом ему не хотелось ссориться, так, что ли?

— Конечно, так.

— И тогда он поссорился с женой, да?

— Но она же не хотела ехать. Говорит, не позволяй себя запугивать, не участвуй в этой войне нервов, и останусь.

Оба помолчали.

— И все же она уехала! — заметил наконец Жюльен.

— И не говорите! С тех пор Роже, так зовут парня, зверем на всех смотрит. Она ему ни разу не написала.

* Думаешь (*франц.*).

** Здравствуйте (*франц.*).

*** Как, как! (*франц.*).

Они прошлись до каменного льва, оскалившегося у входа в Суэцкий канал, и повернули назад.

— А ваша семья где? — спросил Жюльен.

— Моя жена с обоими сорванцами поехала в Нант к своим родителям. Там уже задули холодные ветры. Мы здесь потеем, а они мерзнут. Особенно ребята! Стоит детям пожить здесь несколько лет, как они совершенно отвыкают от европейской осени.

— А теперь, — с добродушной насмешкой сказал корреспондент, — вы хотите поехать вслед за ними, чтобы насладиться прохладным европейским климатом?

— Я вовсе не хочу, — возразил лоцман.

— Но вы участвуете в забастовке, и притом в политической.

— Политическая она или нет, что я могу сделать? Вы из «Юманите», вам легко говорить. Думаете, мне это нравится? Но если я бастую, прежняя администрация гарантирует мне жалованье на три года вперед.

— Гарантирует письменно? — спросил Жюльен.

— Нет, не письменно. Но что же делать?!

— Держаться египтян и приступить к работе!

— А если вернется старая администрация, — вспылil лоцман, — я вылечу и ни один судовладелец не даст мне работы. Они ведь все связаны между собой.

— А если канал останется у египтян, вы тоже лишитесь вашей прекрасной должности.

— Все это не так просто, — недовольно проворчал лоцман.

— Как ни крути, риск всегда будет. Уж такова жизнь, — сказал Жюльен.

В это же время в небольшом кабинете внутри белого здания раздался телефонный звонок...

Через открытую дверь комнаты были видны зарешеченная галерея, сад с деревьями, усыпанными яркими цветами, широкая улица, обсаженная пальмами, а за ней — сверкающий на солнце Суэцкий канал. Помещение было полно людей. Большинство мужчин в ожидании стояли в комнате или на галерее, несколько женщин сидели в широких кожаных креслах.

— Дамы и господа, — громким голосом произнес

человек за письменным столом, кончив говорить по телефону, — у меня для вас сюрприз.

С галереи все протиснулись в комнату.

— Несколько часов назад я получил следующую радиограмму: «Arrive Suez 6 heures prière aviser si convoi matinée 15 merci — commandant *». Судно уже здесь.

— Что он сказал? — спросил кто-то в коридоре, а другой быстро крикнул ему:

— Судно прибыло в шесть, хочет сегодня же войти!

— От кого радиограмма? — спросил чей-то голос по-французски.

— От капитана большого танкера «Изокордия» водоизмещением двадцать три тысячи тонн, — ответил человек за письменным столом по-английски.

— А вы сможете сегодня дать им лоцмана? — Спрашивавший явно был англичанином.

— В этом и заключается сюрприз, — ответил человек за письменным столом, — и для вас, мистер Ромм, судя по вашему вопросу, он представляет особый интерес: мы дадим «Изокордии» лоцмана.

Теперь зашумели со всех сторон:

— На якоре уже стоят двадцать четыре корабля!

— Ни на одном пока нет лоцмана!

— Еще и «Изокордия»?

— Из иностранных лоцманов ни один не вышел на работу, — уточнил мистер Ромм, корреспондент консервативной лондонской газеты.

— Это верно, полковник?! — крикнули из коридора.

— А почему иностранные лоцманы не вышли, мистер Ромм? — спросил человек за письменным столом.

— Наверно, не хотят.

— А кто приказал им не хотеть?

— Никто, я думаю.

— Вы уверены? — поинтересовался женский голос, но Ромм не ответил, и женщина продолжала: — Это не секрет, что лоцманам было приказано сегодня не работать.

— Ерунда! — воскликнул английский корреспондент.

* Прибываем в Суэц в 6 часов. Просим сообщить, сможем ли пройти канал 15-го утром. Благодарю. — Капитан (франц.).

— Хорошо, мистер Ромм, — произнес человек за письменным столом, — я сейчас позвоню английскому лоцману — он работает здесь семь с лишним лет — и спрошу его.

— Мистер Диксон, — сказал он в телефонную трубку, — почему вы сегодня не вышли на работу?

— Пожалуйста, не спрашивайте, — грустно ответил англичанин.

— Вы еще можете прийти, — сказал египтянин, — мы будем работать с вами, как будто ничего не случилось.

— Почему вы говорите со мной, сэр? — взмолился лоцман. — Мне и так тяжело. Я люблю свою работу, но мы получили указание от консула.

Его голос осекся.

Египтянин посмотрел на лицо английского корреспондента, выразившее недоверие, окинул взором напряженные лица мужчин и женщин в комнате и в проеме двери.

— Вы не верите, мистер Ромм, что я говорил с мистером Диксоном? Пожалуйста, позвоните сами.

Корреспондент не мог отказаться.

— Телеграфируйте вашей газете о том, что вы слышали, — сказал египтянин.

Англичанин был в нерешительности.

— Я оплачу телеграмму из собственного кармана.

Англичанин молчал.

— Уважаемые дамы и господа! — обратился тогда египтянин ко всем присутствующим. — Что могло побудить лоцманов добровольно рисковать прекрасной работой? Они жили со своими семьями — это для моряка редкое счастье, — у каждого был отдельный дом. Ежегодно они пользовались двухмесячным отпуском и бесплатным проездом для всей семьи до любого пункта. Они получали от трехсот до трехсот пятидесяти фунтов в месяц и, кроме того, дополнительно от десяти до двадцати четырех фунтов за каждое проведенное судно. У нас есть лоцманы, зарабатывающие от восьмисот до девятисот фунтов. И для этого им достаточно провести двадцать кораблей в месяц.

Большинство корреспондентов усердно строчили в своих блокнотах.

— Добровольно ни один капитан не откажется от

такого места, — продолжал египтянин. — Почему же иностранные лоцманы сегодня утром не явились на работу? Вы знаете теперь: потому, что так им приказали их консулы. Но вы не знаете того, что я сейчас вам скажу. Новая египетская администрация Суэцкого канала до сих пор официально не извещена о том, что иностранные лоцманы в полночь приостановили работу. События должны были застигнуть нас сегодня утром врасплох. Сюда направили необычно много кораблей — двадцать пять, и столько же — в Порт-Саид. В эту ночь еще и «Изокордии» было приказано затребовать лоцмана. Предполагалось, что, обрадованные большим числом кораблей, мы распределим между ними иностранных лоцманов, станем ждать — а ни один из них не явится на работу. Таков был план.

Человек поднялся из-за письменного стола.

— Внезапность — решающее условие успеха, — сказал он и улыбнулся. — Господа хотели нанести нам внезапный удар. Но мы решили ответить им тем же. А теперь давайте выйдем на улицу, иначе мы можем пропустить интересное зрелище.

Все высыпали из комнаты. Многие пересекли улицу и добежали до самого берега канала, где толпы людей безмолвно и напряженно всматривались в залив. А между тем все знали, что иностранные лоцманы не поведут корабли. Что же могло там происходить?

На одних кораблях желто-синий флажок: «Нужен лоцман» — уже был спущен и заменен бело-красным: «Лоцман на борту», на других как раз в это время меняли флажки. Вот еще на одном судне расцвел бело-красный флажок, и еще, и еще...

— Двадцать пять! — воскликнул наконец шведский журналист Иоганссен. — Все лоцманы на борту.

Первое судно каравана пришло в движение. Это был английский танкер, он приближался на большой скорости, оставляя за собой борозду белой пены. Когда он вошел в канал и поравнялся с белым зданием и с теснившимися на набережной людьми, они, к удивлению своему, увидели, что весь экипаж корабля выстроился вдоль поручней и машет тем, кто стоит на берегу. Прошел второй танкер, на этот раз французский, и снова то же самое. Никогда раньше такого не бывало, даже старожилы не могли припомнить ничего подобного.

— Они радуются, — сияя, сказал Жюльен своему французскому другу — лоцману, — что бойкот провалился.

Тот почесал в затылке:

— Никак не пойму, где это они взяли столько лоцманов.

— Я счастлив, что живу в такое время, — сказал египтянин, сидевший прежде в кабинете за письменным столом, окружившим его корреспондентам и лоцманам. — Мы присутствуем при возрождении нашей нации.

— Если только с этим караваном ничего не случится! — проворчал норвежский лоцман Бьёрнстон.

Моря встречаются

Быть может, это нельзя назвать случайностью... Петер Борхард прибыл в Суэц накануне и провел ночь в гостинице, заполненной, по-видимому, исключительно иностранцами. Гостиница находилась вблизи моря, и — как обещало ее название — прекрасного воздуха там было хоть отбавляй; но зато шума и суматохи — тоже, тем более, что комната Петера выходила на оживленную центральную улицу. В ресторане за ужином раздавался разноязычный говор, но преобладала английская и французская речь, и только глухой мог не слышать, что разговор все время возвращался к «каналу».

Петеру хотелось увидеть, как формируется караван судов в Суэцком заливе и как он проходит через канал, а если посчастливится, то даже пробраться на один из кораблей. За ужином ему показалось, что люди осведомленные чего-то ждут. Позже на слабоосвещенной террасе кто-то, очевидно приняв его за своего знакомого, таинственно шепнул ему сквозь листья низких пальм:

— Hallo, Frank, tomorrow at six*.

— А что будет в шесть? — весело поинтересовался Петер.

— О, извините!

— Ничего. Но что в самом деле будет в шесть?

* Привет, Франк, завтра в шесть (англ.).

— Небольшой сюрприз.

— На канале?

— Может быть.

— Благодарю.

Утром Петер стоял в толпе людей на берегу канала, слушал, спрашивал, смотрел и в конце концов присутствовал при развязке, втихомолку подготовленной египтянами. Она показалась ему великолепной, достойной восхищения.

Когда корабли начали проходить через канал, вездесущий мистер Ромм спросил:

— Где вы нашли столько лоцманов, полковник?

— Среди египтян, мистер Ромм, — ответил полковник и, весело рассмеявшись, добавил: — И среди наших друзей.

— Каких друзей?

— Несколько греческих лоцманов не оставили работы, и возможно, что к ним на помощь придут друзья и из других стран.

— Я лично желаю вам счастья, — сказал Ромм с некоторым высокомерием, — но боюсь, что вы не справитесь. Справедливость на нашей стороне.

— Кто прав, тот выигрывает. Согласны?

— Согласен! — воскликнул Ромм, удаляясь. — Good-bye *. Я еду в Исмаилию.

Он одним из последних отправился в Суэц, чтобы телеграфировать в редакцию о том, что случилось. Каждый из корреспондентов понимал, что присутствует при событии, которое обычно называют сенсацией. Будет ли оно подано как сенсация его газетой, зависело, конечно, от того, насколько это окажется ей на руку. Но телеграмму надо было отправить немедленно.

Иностранные лоцманы, поглощенные своими мыслями, медленным шагом разошлись по домам. Берег канала опустел. Петер, напряженно следивший за движением каравана сначала в широком заливе, а затем в канале, внезапно обнаружил, что остался на набережной один. Невдалеке он заметил белое здание и пошел к нему. Охрана у ворот пропустила его. Он поднялся по лестнице, прошел через галерею и приблизился к открытой двери.

* До свидания (англ.).

— Что вам угодно? — спросил человек за письменным столом.

— Только поздравить вас. Я немец...

— Так заходите же! — Полковник встал. — Садитесь, пожалуйста. Что вы будете пить: кофе, лимонад? Лучше кофе?

Это был смуглый человек лет пятидесяти, с проседью, одетый в темные брюки и белую рубашку с отложным воротником.

— Благодарю за поздравление, — сказал он и сел. — Мы, египтяне, любим немцев.

— А мы в Германской Демократической Республике рады, что Египет борется за свою национальную независимость.

— Мисс Перран — познакомьтесь: американская журналистка Ивонна Перран — только что сказала, будто мы перегнули палку.

Петер посмотрел на женщину, сидевшую в одном из широких кожаных кресел с маленькой чашечкой кофе в руках. «А она ничего», — подумал он.

— Мисс Перран, — вежливо продолжал египтянин, — только что разумно заметила, что, возможно, нам пока хватит лоцманов, если каждый из них будет проходить весь канал. Дело в том, что мисс Перран знает канал, знает, что обычно лоцманы сменялись в Исмаилии, примерно на полпути. И она справедливо спрашивает на сколько их хватит, если им придется день за днем проходить весь путь от Суэца до Порт-Саида и наоборот. Ей кажется, что через несколько дней мы сдадимся.

— Спасибо за объективное изложение. — У американки был приятный голос. — А вы как смотрите на мои «разумные замечания», полковник?

— Египтяне построили пирамиды, они в состоянии управлять и Суэцким каналом.

— А вы не боитесь международных осложнений?

— Боимся? Нет. Но мы готовы к худшему.

— Зачем же вы до этого доводите?

— Разве это мы доводим?

— Конечно. Тем, что национализировали компанию Суэцкого канала.

— Тем самым, мне кажется, мы избавились от полуколониального статуса нашей страны.

— Не спорьте, полковник! — Американка передала свою пустую чашечку слуге, который принес кофе новому гостю.

— Надеюсь, он вам понравится, — сказал полковник. — Иностранцы пьют его почти без сахара. Мы называем такой кофе «кахва масбут».

— Изумительно! — воскликнул Петер, отхлебнув горячего напитка.

— Хорошо, мисс Перран, — сказал полковник, — не будем, как вы выражаетесь, спорить. Что вас интересует?

— Моему редактору ваши рассуждения, наверно, показались бы интересными, но читателям нужны факты. Я уже собрала массу материала, но мне было бы куда легче, если бы вы согласились ответить на несколько вопросов.

— Разумеется, я к вашим услугам, мисс Перран. Я уверен, что нашему немецкому другу — простите, как вы сказали вас зовут?

— Петер Борхард.

— ...что господину Петеру это не покажется скучным.

— Что вы, напротив.

— Итак, я весь внимание, мисс Перран.

Закурив сигарету, американка спросила, как, собственно, началась вся эта история с Суэцем. Она вынула из сумки блокнот и приготовила авторучку.

— Вы имеете в виду Суэцкий проект?

— Да.

Человек за письменным столом выпил глоток воды.

— Вы хотите знать важнейшие факты?

— Вот именно.

Бесшумно шагая в легких туфлях, вошел слуга, взял пустую чашечку и снова вышел. Позади письменного стола висел клапанный коммутатор, он издал слабое жужжание. На этот звук явился человек лет тридцати в белых брюках и рубашке, поговорил по телефону и остался стоять возле коммутатора.

— В таком случае надо начинать с фараонов, — сказал египтянин.

— Вот как?

— Да, в то время существовал канал, соединявший

Красное море с Каиром. В Старом Каире, недалеко от района базаров Мусни, в том самом месте, где сейчас прокладывают широкую улицу — для этого даже собираются снести мечеть, — начинался канал, соединявший долину Нила с Красным морем и через него — с морями Азии. Узкий канал, конечно, — засмеялся он, — корабли были не чета нынешним танкерам, да и нефть тогда еще не добывали*.

Мисс Перран делала заметки в своем блокноте, а Петер Борхард внимательно рассматривал египтянина. Тот держался подтянуто и непринужденно, в одно и то же время производил впечатление и силы и легкости, казался человеком вежливым, но непреклонным, не солдатом в штатском, а скорее штатским с военной выправкой. Обходительно, будто беседуя со старыми друзьями, он рассказывал о событиях последних лихорадочных месяцев, в которых сам принимал участие, и тем самым давал американке урок, не впадая при этом, однако, в поучительный тон.

— Я, конечно, не хочу отвлекать вас событиями столь отдаленного прошлого, — сказал он любезно, хотя знал, что они известны лишь немногим иностранцам.

— А разве не было и прежде канала между Красным и Средиземным морями? — спросил Петер.

— Вы имеете в виду Суэцкий канал? — американка впервые с интересом взглянула на немца.

— Насколько мне известно, да.

— Да, был, — подтвердил египтянин. — Его начали строить в период Нового царства, в тысяча четырехсотом году до нашей эры, а закончили примерно девятьсот лет спустя.

— При персидском царе Дарии Гистаспе, если я не ошибаюсь, — добавил Петер.

* Французский инженер Фердинанд де Лессепс, считающийся создателем Суэцкого канала, лишь восстановил древний канал, в свое время построенный вдоль естественного водного пути. Когда-то один из рукавов Нила впадал в Красное море, от него остались Вадии Ат-Тумилат и озеро Крокодила (Бухайра ат-Тимсах), которые лежат на нынешней трассе Суэцкого канала. Канал Фараонов, о котором упоминает автор, был построен в VII—VI веках до н. э. Он был засыпан после персидского нашествия на Египет. Дарий восстановил канал в 518 году до н. э., но затем он снова исчез в песках пустыни. Птолеми, царствовавшие в Египте с 304 по 30 год н. э., снова восстановили канал, но он просуществовал недолго.

— Вы даже это знаете, — засмеялся египтянин.

— Я когда-то читал об этом.

— А что вы еще знаете о канале? — немедленно спросила американка, оторвавшись от блокнота и посмотрев на Петера.

— Если это вас интересует: в пятьсот двадцать пятом году до нашей эры персидский царь Камбиз покорил пришедшую в упадок империю фараонов. Канал предполагалось закончить в пятисотом году, значит, к приходу персов он был, по-видимому, почти завершен. Во всяком случае, нет сомнений, что весь канал был построен египтянами.

Помолчав немного, он продолжал:

— Сам я убежден, что строительство старого канала, если даже от него не сохранилось никаких следов, такое же замечательное достижение, как сооружение первых пирамид за одну или две тысячи лет до этого. Даже более замечательное, — произнес он задумчиво. — Пирамиды славили мертвых, канал же служил живым. Это, мне кажется, гораздо важнее.

Мисс Перран записала факты, а затем спросила:

— А что стало со старым каналом?

Немец, промолчав, сделал легкий вопросительный жест в сторону египтянина.

— Разрушился, — сказал египтянин.

— Когда? — спросила американка.

— Около тысячи лет спустя.

— Значит, на протяжении тысячи лет существовал Суэцкий канал?

— Да.

— Interesting*! — подумав, мисс Перран спросила: — А кто правил, когда канал разрушился?

— Ну, точных сведений об этом нет, — ответил египтянин. — Важнее всего, что египтяне построили первый Суэцкий канал задолго до того, как появились на исторической арене Франция и Англия. И что к началу нашей эры этот первый Суэцкий канал существовал уже пятьсот лет.

— Interesting! — повторила американка. — Но мои читатели захотят, конечно, узнать, кто виноват в том, что канал разрушился.

* Интересно (англ.).

Она взглянула на египтянина. Тот улыбнулся и сказал:

— Быть может, господин Петер знает.

Оба посмотрели на немца.

— Говорят, — сказал он, — что в восьмом веке нашей эры канал засыпали. В то время...

— Засыпали?

— В то время, — продолжал Петер, — здесь властвовали арабы. Они, словно буря, пронеслись по стране и вырвали Египет у римлян. Через несколько лет после смерти пророка Мухаммеда, основавшего ислам, арабы намного расширили свои владения.

— Well *, — сказала Ивонна Перран, — но из-за этого им не нужно было засыпать канал.

— Вы так думаете? — спросил Петер. — А может быть, они опасались, что канал откроет врагу путь в Египет, и из осторожности решили его засыпать?

— Во всяком случае, — вмешался египтянин, — арабы пришли в Египет через Синайскую пустыню, и первой на египетской земле они увидели крепость Пелузий на Средиземном море, вблизи тогдашнего Суэцкого канала и к востоку от нынешнего Порт-Саида.

Ивонна Перран захлопнула блокнот, закурила новую сигарету и засмеялась.

— Довольно истории, — сказала она. — Не могу же я послать в газету исторический очерк.

Египтянин вежливо кивнул, но Петер не мог воздержаться от замечания, которое он высказал как бы в задумчивости:

— Как интересно, — сказал он. — У старого Суэцкого канала родился арабский Египет, у нового теперь зарождается его свобода.

— Это зависит от западных держав, — безапелляционно заявила американка. — О нынешнем Суэцком канале мы, к сожалению, еще совсем не говорили.

Соглашение о строительстве второго Суэцкого канала было заключено в 1854 году вице-королем Египта Мухаммед-Саидом и французским виконтом Фердинандом де Лессепсом, в 1856 году оно было расторгнуто и

* Хорошо (англ.).

заменено новым. Последнее предусматривало строительство канала между Красным и Средиземным морями и судоходного пресноводного канала, который соединил бы Нил вблизи Каира с Суэцким каналом в его средней части, проведение оросительных каналов и сооружение гавани для морских судов у озера Тимсах, через которое должен был пройти канал. Необходимую ей землю, за исключением той, которая находилась в частном владении, Компания Суэцкого канала получала от правительства Египта безвозмездно. Тот, кто хотел оросить свои земли пресной водой из каналов, должен был за это платить. Срок концессии Компании Суэцкого канала устанавливался в девяносто девять лет. После этого канал должен был перейти в собственность египетского правительства. На все время концессии правительство предоставляло компании «преимущественное право безвозмездно пользоваться сырьем, добываемым в государственных рудниках и каменоломнях». На первые девяносто девять лет египетскому правительству было обещано пятнадцать процентов чистого дохода, в каждые последующие сто лет эта сумма должна была увеличиваться на пять процентов, так что через пятьсот лет она в случае возобновления концессии достигла бы максимума — тридцати пяти процентов.

Работы по сооружению канала начались 22 апреля 1859 года.

В феврале 1865 года в дополнительном соглашении между Компанией Суэцкого канала и Высокой портой — Турецкой империей, под властью которой находился Египет, — были определены «окончательные условия». В них черным по белому было написано: «Компания Суэцкого канала является египетским обществом, подчиняющимся египетским законам и обычаям».

Дополнительное соглашение 1866 года начиналось словами: «1. Отменить принудительные работы на канале» — и перечеркивало принятый летом 1856 года пункт, гласивший: «При всех обстоятельствах четыре пятых рабочих, участвующих в строительстве канала, должны быть египтянами».

На строительстве первого канала, так же как и на строительстве пирамид, использовался принудительный труд египтян. Они не получали ни денег, ни довольствия. Из них больше ста тысяч погибли, умерли от го-

лода, были засыпаны и заживо погребены песком, пали жертвой несчастных случаев и эпидемий.

Деревенские старшины были обязаны «поставлять» феллахов. «При всех обстоятельствах четыре пятых рабочих, участвующих в строительстве канала, должны быть египтянами».

Когда в 1866 году это условие было аннулировано соглашением «Об отмене принудительных работ на канале», с начала строительства миновало уже семь лет.

За отмену принудительных работ правительство Египта заплатило Компании Суэцкого канала в оставшиеся три года неустойку в тридцать восемь миллионов золотых франков. Еще тридцать миллионов оно заплатило за то, что забрало обратно шестьдесят тысяч гектаров орошаемой земли, которые десять лет назад безвозмездно предоставило Компании Суэцкого канала.

Деньги выжимались из египетского народа. Он оплачивал расходы правительства мозолями и потом, голодом, истощением, нищетой.

Куда девались эти огромные суммы, не трудно было догадаться позднее, когда виконт Лессепс во время строительства Панамского канала был осужден на пять лет тюрьмы за мошенничество и взяточничество.

В ноябре 1869 года Суэцкий канал был открыт. Это несомненно явилось событием мирового значения. Более чем тысячу лет спустя пески Синайской пустыни снова прорезала водная магистраль. Океанским пароходам, отправлявшимся из Европы в Азию, не надо было огибать мыс Доброй Надежды. Теперь они пересекали пустыню и попадали прямо в Индийский океан.

По случаю открытия канала композитор Верди написал оперу «Аида», в Каире был построен оперный театр, и французская королева Евгения прибыла в столицу Египта на премьеру. Все превозносили великий подвиг гения и энергии человека, и лишь два обстоятельства омрачали торжество: ужасные условия, в которых трудились строители канала, и неизбежность новой политической борьбы между ведущими европейскими державами.

Строительство канала усилило Францию экономически и политически, но у Англии были в районе Суэца жизненно важные интересы. Она выжидала только подходящего случая. Вскоре он представился. Египетскому

трону грозила опасность: народ восстал против своих угнетателей. Англия заключила союз с королем Египта против египетского народа и в 1882 году ввела свои войска в Александрию.

Так Англия появилась на берегах Суэцкого канала и оставалась там семьдесят четыре года.

После первой мировой войны Османская империя распалась, Египет освободился от турецкого владычества.

Но англичане остались.

— Когда мое поколение подросло, — сказал полковник, — это было в начале двадцатых годов, — мы увидели, к своему ужасу, как англичане расстреливают людей, добивающихся свободы и независимости родной страны. Это определило нашу судьбу.

Слева — Африка, справа — Азия

Баркас прорезал синие с белой каймой пены воды Красного моря. Пассажирские и грузовые суда уже вошли в канал; в заливе находились только ожидавшие лоцманов танкеры, которые должны были следовать за грузовыми судами с интервалом в пятьдесят минут. Красные флажки у них на борту сигнализировали: «Опасный груз».

Было полвосьмого утра, двадцать восемь градусов в тени. Баркас подошел к «Вибексу», самому большому танкеру компании «Шелл», грузоподъемностью тридцать одна тысяча тонн и максимальной для канала осадкой — тридцать пять футов. Трое мужчин и одна женщина поднялись из качающегося баркаса по трапу на палубу.

— Кто это с вами? — спросил капитан египетского лоцмана, который должен был провести корабль через канал.

Вопрос был задан в тот момент, когда лоцман и его помощник уже приблизились к капитану. Все трое поднесли руку к фуражке и обменялись рукопожатиями.

— Американка и немец, — ответил лоцман, — хотят посмотреть, как мы будем проходить канал.

Капитан процедил сквозь зубы приветствие и ушел.

Все это, собственно, произошло совершенно нежи-

дашно. В конце беседы с полковником Петер Борхард спросил, нельзя ли ему на одном из кораблей пройти канал.

— Конечно, — ответил египтянин и вежливо обратился к Ивонне: — Вы тоже хотели бы?

— С удовольствием.

— Когда?

— Когда хотите.

— Через несколько минут, к сожалению, отправится последнее судно сегодняшнего каравана. Итальянское пассажирское судно. Четверть часа назад я мог бы пристроить вас еще сегодня.

— А в другой раз?

— Подождите-ка.

Он позвонил по телефону, затем поговорил с человеком, стоявшим у коммутатора, и сказал гостям:

— Этот джентльмен доставит вас в гавань. Быть может, он что-нибудь устроит.

Через несколько минут они получили билеты, автомобиль домчал их до пристани, возле которой на волнах покачивался баркас, они прыгнули в него и направились наперерез итальянскому кораблю «Европа». Вспенивая килем воду, он шел из залива в канал.

— Хэлло, хэлло! Двое иностранцев хотят плыть с вами до Порт-Саида, — крикнул по-французски рулевой баркаса в микрофон. — Пожалуйста, спустите трап.

Капитан итальянского корабля ответил тоже по-французски:

— Я никого больше на борт не возьму.

Рулевой-египтянин сделал еще одну попытку — такие просьбы, по-видимому, допускались неписаными законами администрации канала, но и на этот раз его старания не увенчались успехом. На поручнях гроздьями висели пассажиры, они с любопытством и как бы в ожидании чего-то рассматривали баркас, плясавший на волнах рядом с огромным кораблем, но на этом дело закончилось. Корабль исчез. Баркас вернулся на берег, поездку пришлось отложить.

Теперь Петер Борхард и Ивонна Перран стояли на палубе английского танкера. Ивонна не возражала против совместной поездки; кто знает, может быть, ей удастся выудить у немца еще какие-нибудь сведения, которые украсят ее корреспонденцию в качестве исто-

рических анекдотов. Ну, а Петер тем более не имел ничего против хорошенькой попутчицы, не доставлявшей ему к тому же никаких хлопот.

— Капитан предлагает вам каюту на случай, если вам захочется отдохнуть, — обратился к ним помощник капитана. — Разрешите проводить вас?

— Спасибо, — сказала Ивонна и, улыбаясь, посмотрела на Петера. — Он, видимо, считает нас парой.

Но офицер показал им две каюты рядом. Едва он успел распрощаться, как на пороге вырос стюард.

— Что вы желаете на завтрак, чай или кофе?

— Мне кофе, — ответила Ивонна.

— Два раза кофе, — сказал Петер.

— Оба в мою каюту.

— Слушаюсь, мэм.

Петер зашел к себе в каюту. Она была обставлена просто и со вкусом. Две кровати, застеленные пушистыми белыми пледами, напоминали диваны. Примыкающая к каюте ванная комната сверкала белым кафелем. На всех одеялах, полотенцах, на мебели, равно как и на огромной трубе на палубе, виднелось изображение морской раковины — фирменный знак компании «Шелл».

Каюту Ивонны была обставлена так же. Когда принесли завтрак, оказалось, что фарфор и приборы помечены той же раковинкой.

— Нет сомнения, — пошутил Петер, — что мы в гостях у крупнейшего английского нефтяного треста. Как бы вам не пришлось держать ответ за это перед конкурирующей американской фирмой Стандарт Ойл.

— Это действительно опасно, — ответила она в тон ему, — особенно если я не привезу интересной «story»*.

Кофе оказался ей вкусным и ароматным.

— Ну, вряд ли ради вашей «story» произойдет какая-нибудь сенсация, — заметил Петер.

— Кто знает! У этого танкера осадка тридцать пять футов. Мне сказали, что в канале есть места, где глубина не чамного больше, и то лишь в очень узком фарватере. Лоцману придется быть начеку, иначе танкер «сядет».

— Он будет, будет начеку, — быстро и решительно

* Сообщение, статья (англ.).

ответил Петер, хотя он только что откусил от своего бутерброда.

— Он уже несколько дней подряд плавает с утра до вечера и, наверно, здорово устал. Но я не возражаю, если даже он «посадит» нас на дно. Каюта хорошая, еда, как видно, приличная, время у меня есть, вы мне еще не надоели...

— Сенсаций не будет, — повторил Петер.

— С вами, по-видимому, нет, — сказала она.

Петер встал, подошел к окну и, между прочим, поинтересовался:

— Кстати, откуда у вас французское имя?

— Моя мать была канадской француженкой. Ее так звали.

— Значит, вы гочорите по-французски?

— Немного.

— И симпатизируете Франции?

— Но не в вопросе о Суэцком канале, если вы это имеете в виду. Я американка.

Петер взглянул в иллюминатор.

— Мы уже тронулись, — сказал он, — а я и не заметил.

Они вышли на палубу. Было без чего-то девять. Танкер, как спокойно плывущий приморский замок, почти бесшумно двигался на север. По ту сторону залива в безоблачное небо вздымалась горная цепь пустыни, слева у берега рядами стояли напоминавшие белые цилиндры цистерны компании «Шелл» и несколько нефтехранилищ египетской нефтяной фирмы. Дальше в резком свете солнца сверкали белые дома Суэца.

Когда танкер вошел в канал, капитан, проходя мимо своих гостей, остановился и показал рукой сначала налево, затем направо:

— Это — Африка, а это — Азия.

По руслу шириной от пятидесяти до восьмидесяти метров они плыли между двумя материками, направляясь к Средиземному морю.

Петер тоже показал направо:

— Здесь, по-видимому, Синайская пустыня.

— Где Моисей получил скрижали законов, — подхватил Ивоэна.

— Это произошло на горе Синай, — поправил капитан, — а она находится дальше на юго-восток.

— Ну, это точно неизвестно, — сказал Петер. — Смотрите, вон цапли! Крылья огромные, серого цвета, под ними белые пятна. Хоп! — вот она бросилась за рыбой! А много здесь рыбы, сэр?

— Я еще не ловил, — ответил капитан. — На мостик вы уже поднимались?

— Нет.

— Пойдемте!

Капитан вскоре ушел, а Петер и Ивонна остались на мостике рядом с лоцманом. «Справа — Азия, слева — Африка». Азиатское побережье представляло собой холмистую пустыню, почти лишенную растительности. Лишь кое-где торчали кустики жухлого зеленого цвета, засыпанные песком. На африканской земле редкие ряды пальм обрамляли автостраду, проложенную вдоль канала. На полях, удивительно тучных с виду, росли рис и овощи — их питал узкий пресноводный канал. По шоссе навстречу друг другу мчались машины. Рабочие-египтяне в белых галабиях, некоторые в брюках, несмотря на палящий зной, работали на берегу канала. Дальше виднелась типично египетская картина: отец, мать и сын, он в белой галабии, она в черном, мальчик в ярко-зеленом.

Каменная стена, ограждающая канал, кое-где была снесена и заменена толстыми листами железа. За ними на ширину нескольких метров был вынут песок. В других местах землечерпалки расширяли русло канала.

Лоцман-египтянин видел только канал. То и дело раздавалась его спокойная уверенная команда. Ее громко повторял матрос в длинных штанах, стоявший у штурвала. Иногда лоцман говорил: «Благодарю вас, очель хорошо». Карта ему была не нужна, каждый метр канала он знал как свои пять пальцев. Когда предстоял спокойный участок пути, он, случалось, вставал со своего места, прохаживался взад и вперед по мостику, съедал ломтик апельсина или выпивал кофе, который ему присылал капитан. Обедал он тут же, поглядывая то на канал, то в свою тарелку.

— Давно вы плаваете? — спросил Петер.

— Двадцать девять лет*.

— Уже?

* Таких опытных лоцманов-египтян в Компании Суэцкого канала служило немного.

— В тринадцать лет я поехал в Лондон и поступил в четырехлетнее морское училище, — рассказал лоцман. — Учение обходилось моим родителям в шесть английских фунтов в год.

Лоцман был смуглый человек, среднего роста, с вьющимися, коротко остриженными волосами. Его лицо выражало спокойную уверенность и напряженное внимание. Короткие до колен штаны, носки, ботинки — все было белое. На белую же спортивную рубашку была накинута светло-серая шерстяная безрукавка, а на шею — шелковая косынка яркой, но не кричащей расцветки. Рядом стоял коренастый мужчина лет тридцати пяти с густой черной непокорной шевелюрой в таком же костюме, что и лоцман, но без косынки. Все, что говорил лоцман, он записывал. Он сообщил Ивонне, что родился на Балканах и приехал в Египет, когда лоцманы объявили бойкот. Скоро он сам будет водить корабли по каналу.

Капитан в это время отдыхал — сидел у себя в каюте, прогуливался, насвистывая, по палубе или наведывался на мостик к лоцману.

— Пятый раз провожу этот танкер, — сказал лоцман Петеру, — но капитан сегодня впервые поднимается ко мне.

— Из сочувствия к Египту, как вы думаете?

— По-видимому, да.

Время от времени Петер и Ивонна, утомленные пребыванием на мостике, ненадолго спускались в свои каюты. Старший инженер показал им свое «царство» — огромное машинное отделение, капитан поболтал с ними на палубе и пригласил к обеду, а вечером за стаканом виски с увлечением рассказывал о своем домике в Шотландии.

— Я плаваю сорок лет, — сказал он, — и в будущем году окончательно сойду на берег.

— На пенсию? — спросил Петер.

— Да, слава богу.

— Нам сказали, что вы везете нефть-сырец из Кувейта.

— Да, точно.

— Я не знаю никого, кто бы там бывал. Что, собственно, представляет собой эта страна?

— Она купается в нефти.

— Большая страна?

— Ну, как вам сказать... Не больше двухтысячной части территории Египта, но запасы нефти пока неисчерпаемы.

— У Персидского залива, кажется?

— Да.

— Британский протекторат?

— Примерно так.

— А вам не кажется, что Суэцкий кризис имеет некоторое отношение и к арабской нефти?

Капитан быстро и испытующе взглянул на Петера.

— Я не интересуюсь политикой, — заявил он.

Ивонна поспешила перевести разговор на другую тему.

— Сколько раз вы проходили канал?

— Давно со счета сбился.

— Всегда с лоцманами-египтянами?

— Нет.

— А что вы думаете об этом лоцмане, там, наверху?

Капитан замялся. Видно было, что он не из тех, кто любит расточать похвалы направо и налево. Но затем лицо его посветлело и он сказал:

— Это очень хороший лоцман.

— Иностранные лоцманы свалили дурака, — продолжал он. — Сюда им больше не вернуться.

— Они думали, что будет война, — бросил Петер.

— Война это не выход. Если бы капитаны управляли государствами, — в голосе капитана звучала гордость, — войны бы никогда не было. Моряки всегда договаряются между собой.

— Даже если по каналу будут ходить американские и советские лоцманы? — спросила Ивонна. — Об этом поговаривают.

— Даже тогда. — И капитан повторил: — Моряки всегда договорятся.

Пройдя примерно треть канала — его длина составляет сто шестьдесят девять километров, — караван на полтора часа бросил якорь в Горьких озерах. Здесь ожидали корабли, прибывшие с севера; теперь они отправлялись на юг. Лоцман «Вибекса» отдыхал.

Когда корабль приблизился к Исмаилии, большому городу, расположенному примерно посередине пути, день уже клонился к вечеру.

— Дети, наверно, будут встречать меня на берегу,— произнес лоцман радостно.— Я уже неделю не был дома.

Солнце зашло, таинственные сумерки охватили канал, быстро, очень быстро свет сменился мраком, и вскоре на небесном куполе засверкали и засияли звезды.

— Теперь осталось только полтора часа, — объявил лоцман.

Издалека уже показались пестрые цепи огней Порт-Саида. Петер и Ивонна вышли на палубу и остановились у поручней. По дороге проносились огни автомобилейных фар, кое-где светились окна станций канала или деревенских хижин. Глухо гудели турбины. Больше не было слышно ни звука. Пустыня спала в полной темноте.

На фоне тысяч огненных точек портового города показался баркас и, покачиваясь на волнах, приблизился к огромному танкеру, рядом с которым он казался карликом.

— Спасибо, капитан. Счастливого плавания.

За час до полуночи лоцманы и их гости высадились на берег.

Когда Петер и Ивонна, напоенные солнцем и ветром, утомленные и взволнованные, сидели на террасе гостиницы, Ивонна сказала:

— Ничего особенного сегодня не случилось.

— Никакой сенсации, — с насмешкой ответил Петер и серьезно добавил:

— Но нечто важное произошло.

Женщина бросила на него вопросительный взгляд.

— Что вы имеете в виду?

— Египтяне стали хозяевами канала, своего канала.

Почему ты приехал в Египет?

Около семи часов утра на пятом этаже гостиницы распахнулась балконная дверь. По сравнению с вечером с улицы, вливавшейся неподалеку в главный проспект, доносилось мало шума. Над домами повисло окруженное дымкой жгучее солнце. Как и в гостинице, все окна шестиэтажного дома, стоявшего напротив, выходили на

балконы. На некоторых из них, завернувшись в одеяла, еще спали люди, в комнате слишком жарко, а может быть, не хватает места. Женщины в небрежно накинутых халатах, шаркая туфлями, расхаживали из комнаты на балкон и обратно.

Петер Борхард постоял на балконе, затем позавтракал и вышел из дому. С широкой улицы через переулок был виден канал. Магазины, витрины которых были убраны в расчете на иностранцев, уже торговали. Их владельцы стояли в дверях или на тротуаре, всем своим видом выражая готовность обслужить покупателей. Они предлагали сувениры, бумажники, коврики, кофе, платки и украшения. Другие лавки, торгующие бельем или готовым платьем, ничем не отличались от европейских. Мирно прогуливающиеся мужчины с ящиками для щеток становились назойливыми, если иностранец не сразу соглашался быть облагодетельствованным ими и лично убедиться в том, каких высот они достигли в искусстве чистки обуви.

Улица выходила к Средиземному морю, ослеплявшему своей яркой синевой. На углу ее стояла огромная гостиница, на сваях над морем расположилось кафе, к которому вели сходни. Вдоль пляжа тянулись многочисленные легкие постройки на высоких ножках — дачи богатых любителей купания.

На террасе кафе, отдав свои туфли во власть чистильщика, сидела Ивонна. Петер уселся рядом. Немедленно перед ним появился чистильщик, постучал щеткой по деревянному ящику и жестом предложил иностранцу поставить ногу на железную подставку. Петер повиновался. Затем он вместе с Ивонной отправился в порт, чтобы узнать, где находятся вновь прибывшие иностранные лодчаны. Египтянин в белом костюме проводил их в комнату отдыха.

Жара уже стояла невыносимая. В помещении с кондиционированием воздуха, обставленном круглыми столиками и креслами, громко играло радио. Иностранные капитаны, поспешившие сюда после того, как лодчаны объявили бойкот, сидели по двое и по трое, что-то читали или писали, дремали в дыму сигарет или беседовали.

— У нас здесь есть американец, — сказал лодчанин-египтянин в белом костюме.

Мистер Эстелль сидел за столиком один. Лицо его было иссечено мелкими морщинами, нос, словно положенная поперек вершина горы, выдавался намного впереди впалых щек, хладнокровные глаза глядели добродушно. Он сообщил, что ему сорок девять лет.

— Чем вы занимались в Штатах? — спросила Ивонна своего земляка.

— Я был капитаном, у меня жена и семилетняя дочь. Я не хотел оставлять их одних, да и корабля мне уже не давали. Пришлось стать рабочим на верфи.

— Где?

— В Нью-Йорке.

— А теперь?

— Я, собственно говоря, слишком стар для лоцмана. Но в египетском посольстве в Вашингтоне мне сказали, что меня возьмут, и оплатили билет на самолет. Если я сдам экзамен и получу «job»*, я вызову сюда жену и дочь. Здесь я смогу зарабатывать больше и буду жить с семьей.

— А как отнеслись к вашей поездке в государственном департаменте?

— Не запретили, но заявили, что я еду на свой страх и риск.

— Ясно? — спросил Петер, когда они отошли от стола американца. — Здесь он заработает больше, а работать будет меньше. Поэтому он приехал.

— Вам не хватает, наверно, изъявлений пламенной симпатии? — усмехнулась Ивонна.

Петер пропустил это замечание мимо ушей и спросил египтянина, сможет ли американец, если он останется здесь, устроить свою дочь учиться.

— Это очень просто, — ответил тот. — В Порт-Саиде есть школы, где обучение ведется на английском и французском языках.

Они оглянулись. Комната была заполнена людьми.

— Вон там польские лоцманы, — показал египтянин.

— Я бы хотел с ними поговорить, — попросил Петер.

Американка пошла с ним. Они приблизились к столу, за которым сидели четверо мужчин изучавших по тетрадке морские знаки и правила движения по каналу.

* Работу (англ.).

— Почему вы приехали сюда? — без обиняков начал Петер.

Моряки с усмешкой переглянулись, потом один не спеша, степенно произнес:

— По двум причинам. Во-первых, конечно, чтобы помочь египтянам, и, во-вторых, чтобы иметь возможность жить со своими семьями.

Петер вопросительно взглянул на Ивонну:

— Это звучит уже несколько иначе, не так ли?

Петер и Ивонна поехали по широким улицам «европейского города», вдоль которых стояли современные дома, и миновали «арабский город», поразивший их своей сутолокой, нищетой и грязью. У обитателей деревянных хибарок и барачков, одетых в светлые, часто грязные галабии, была такая гордая осанка и такая величественная походка, будто они принцы крови, расхаживающие по роскошным залам.

Дальше шоссе вело в Исмаилию.

Слева от дороги сверкал Суэцкий канал, справа вдалеке дремал узкий канал с пресной водой цвета глины. Наступил полдень. Петер и Ивонна перегнали шведское судно, шедшее с севера, затем английское и норвежское. Голландский корабль «Нордзее» тянул на буксире две баржи из ГДР. Корабли шли с интервалом двести-триста метров. Изредка между ними проскальзывала моторка, пересекавшая канал. На берегу возле большой лодки возились рабочие; промелькнула землечерпалка; позади остались небольшое грузовое судно, не спеша бороздившее воду, и железнодорожный состав, который шел рядом с шоссе. В узком канале — он долго тянулся параллельно Суэцкому — рабочие, стоя по пояс в илистой воде, серпами срезали камыш. Их товарищи, тоже с серпами в руках, под палящим солнцем шагали по шоссе к своим жилищам. Большой участок дороги заново засыпали гравием и трамбовали катками.

— Странно, — сказала Ивонна. — Океанские пароходы на канале, современные поезда в пустыне, асфальтированное шоссе — все рядом, и тут же — серпами срезают тростник для крыш.

Они проехали через небольшую деревню. Осел, запряженный в маленькую повозку, пил из лужи. На повозке, держа поводья, сидел мужчина в белой галабии. У покрытых растрепанным камышом глиняных хижин

плели корзины. В тени дерева кружком сидели на корточках мужчины. Один читал вслух арабскую газету, остальные, видимо, были безграмотными. У края дороги красовался огромный рекламный щит, расхваливавший «свежие американские сигареты», а английские и арабские надписи на полуразрушенных ларьках призывали утолять жажду кока-колой.

— Посмотрите, — сказал Петер, — рядом с телеграфными столбами и мачтами высоковольтных линий в пустыне стоят палатки. Двадцатый век бок о бок с тысячелетним прошлым.

— Я могу, сэр, говорить с вами о деловой стороне управления каналом. Политика не в моей компетенции, — ответил директор правления Суэцкого канала Петеру.

Его и Ивонну шоссе внезапно вывело из пустыни на широкую улицу, обсаженную пальмами, эвкалиптами и цветущими акациями. Это была Исмаилия! Теперь они сидели в кабинете директора правления канала — генерал-майора египетской армии в отставке.

— Когда двадцать шестого июля пятьдесят шестого года канал перешел к нам, — продолжал он, — некоторые иностранцы посмеивались, считая, что из-за отсутствия технического персонала египтяне не сумеют управлять каналом. Но мы справились. Я скажу даже, что наши египетские техники не хуже тех, что служили в Компании Суэца, хотя и среди них были весьма квалифицированные работники. В общем, мы привыкли меньше говорить и больше делать, доказывать свою правоту фактами. А факты нельзя долго отрицать.

— О каких фактах вы говорите? — спросила Ивонна.

— Когда мы — я и мои сотрудники — взяли на себя управление каналом, в зоне канала работало около ста шестидесяти лоцманов. Некоторые находились в отпуске. Прежде здесь никогда не было больше ста шестидесяти пяти лоцманов. У нас же к середине октября будет двести пять обученных лоцманов.

— А лоцманы, новые и старые, ладят между собой? — спросил Петер.

— Что вы имеете в виду?

— Среди них не бывает трений?

— Мы, египтяне, — сказал шеф, — миролюбивый народ и хорошо относимся к людям. Например: вы мне нравитесь, мадам, и хотя, может быть, мне не нравится политика вашего правительства, это здесь значения не имеет. Старые египетские лоцманы обучают новых. Лоцман работает не в коллективе, а индивидуально. Он один берет на себя управление кораблем, он, и никто другой, проводит корабль по каналу, и отвечает он только перед администрацией канала. А на досуге лоцманы могут встречаться с кем угодно, заводить любые знакомства. К тому же, их объединяет то, что все они говорят по-английски или по-французски.

Петер разглядывал директора, пока тот говорил. На нем были темные штатские брюки и традиционная белая рубашка с отложным воротником, на фоне которой его лицо овальной формы и коротко стриженные волосы казались особенно темными. Держался он с непринужденной сдержанностью, глаза его смотрели пронзительно и спокойно. Он бегло говорил по-английски с оксфордским произношением — бесспорный признак того, что этот человек жил в Англии и учился у своих врагов.

Петер поддержал разговор о лоцманах.

— Когда мы беседовали с вашим помощником, к нему явился голландский корреспондент и сообщил, будто многие из новых лоцманов, приехавших из Западной Германии, уехали обратно и отсоветовали тридцати своим соотечественникам вербоваться сюда из-за якобы невыносимых условий.

— Здесь был один-единственный немецкий лоцман с Кильского канала, — тем же спокойным тоном ответил директор, — он не остался из-за того, что плохо переносил климат, — директор показал на грудь. — Он уехал. Мы никого не удерживаем. Потом я читал в газетах, что он предостерегал других от поездки в Египет. Это все. Но могу вам сообщить, что у нас здесь еще три лоцмана с Кильского канала, одиннадцать других немецких лоцманов и еще четыре должны прибыть из ГДР.

— Американцы еще не приступили к работе? — поинтересовалась Ивонна.

— Еще нет. Первыми после объявления лоцманами бойкота приехали советские моряки.

— Верно ли, что именно вы наладили навигацию после затруднений пятнадцатого сентября? — спросила американка.

— Трудности начались раньше, двадцать шестого июля.

— Какие трудности?

Генерал в штатском улыбнулся уголками рта.

— Некоторые мои технические указания не были выполнены. Но я узнал об этом. Тогда я повторил свои распоряжения непосредственно тем, кто должен был их выполнить, а нерадивым служащим сказал: «Я как раз проходил мимо и уже распорядился на месте. Вы, очевидно, забыли передать мои поручения. Всего хорошего».

Петера восхитил этот гибкий способ улаживать недоразумения.

— Тем же менее, — сказал египтянин, — мы ни одного человека не выгнали. Закон запрещает увольнять тех, кто работает в зоне канала.

— Более того, — вмешалась Ивонна, — по закону каждый, кто после национализации оставил работу, мог быть посажен в тюрьму.

Генерал снова улыбнулся уголками рта, но промолчал.

— Скорее всего, — продолжала Ивонна, — те, кто составлял законы, хотели предотвратить осложнения на канале, которые могли бы привести к конфликту.

— Западные лоцманы сговорились бросить работу, — сказал теперь генерал. — Ни одного из них мы не преследовали по закону. Все они спокойно уехали домой.

— А преднамеренные проступки служащих вы тоже оставили без последствий?

— Этих людей мне было жаль. Я ведь знал, что они действуют не по доброй воле, а выполняют приказания некоторых иностранцев.

Петер спросил, где директор научился управлять каналом и регулировать навигацию.

— Я — солдат. Как бывший офицер генерального штаба, я должен уметь планировать. Мы привыкли составлять планы, считаясь с возможностью худшего. Взяв в свои руки канал, мы также планировали в расчете на худшее. Кроме того, я инженер.

— Так что вы хорошо знаете канал?

Египтянин снова улыбнулся:

— Никто не может похвастать тем, что знает канал до конца. Я все еще учусь.

— Но вы знаете канал, насколько это возможно?

— Мне кажется, да. Ведь я инженер.

Ивонна спросила, верно ли, что он служил инженером на нефтеразработках.

— Не на разработках, — ответил тот. — До того как я пришел на канал, в моем ведении находилась вся добыча нефти в Египте.

— И «Шелл» тоже?

— Вся добыча нефти в Египте.

— Вы, значит, строили и нефтепровод между Суэцем и Каиром?

— Это был один из наших проектов.

— А сколько времени продолжалось строительство?

— С января пятьдесят пятого года до июня пятьдесят шестого. Этими проектами предусматривалось также строительство новых нефтеперегонных заводов.

— Благодарю вас.

— Нефть бесспорно сыграет еще большую роль в борьбе за независимость. Я имею в виду арабскую нефть, — заявил Петер.

Египтянин взглянул на него своими блестящими глазами и промолчал.

— Я заметил, — невозмутимо продолжал Петер, — что египтяне, с которыми мне приходилось встречаться; страстно любят свою родину. Чем вы это объясняете?

— В тысяча девятьсот девятнадцатом году, когда кончилась первая мировая война, мы были юношами. И мы видели, что наши старшие братья подвергаются тому, что мы называем колониальным гнетом. Мы видели, как британские солдаты убивали египтян только за то, что они требовали национальной независимости.

Нечто подобное они слышали уже в Суэце.

— В университете, — добавил директор, — мы поняли, что губернаторам короля, властвующей династии и некоторым господам из администрации безразлично, будет наша страна свободна или нет. Но мы, египтяне, народ свободолюбивый, мы хотим, чтобы вся страна в целом и каждый человек в отдельности были свободны.

Он помолчал.

— Мы хотим, — сказал он, — чтобы по каналу свободно могли проходить суда всех стран. Но канал — часть Египта, и Египет может быть свободен только в том случае, если он управляет каналом.

Ибис — священная птица

Они поехали назад, в Каир, по той же хорошей, асфальтированной дороге, затененной деревьями, вдоль пресноводного канала, мимо полей и лугов, через деревни и городки.

У одной из деревень вплотную к дороге пахал феллах. Плуг тащили два буйвола со странно изогнутыми рогами, будто стилизованные.

«Природа, — подумал Петер, — быть может, решила стилизоваться, дабы доказать некоторым буйволам, что существует не одна форма реализма».

Борозды поля кишели белыми птицами. Близость людей и буйволов несколько не смущала их, с философским спокойствием они оглядывались, подпрыгивали, иногда поднимались в воздух, опять садились и что-то клевали в борозде. Они составляли неотъемлемую часть ландшафта в окрестностях канала. Целыми стаями сидели они на лугах, выделяясь белыми пятнами на их зеленом фоне, дремали неподвижно на эвкалиптах — издали казалось, будто их ветви усыпаны белыми цветами, — прогуливались по пашне.

— Эту птицу, — заметил водитель-египтянин, — нельзя убивать и ловить. Нарушителю грозит строгое наказание.

— Почему? — спросила Ивонна.

— Без нее не было бы урожая.

— Что это значит?

— Давайте спросим феллаха.

Они остановились. Вместо объяснения феллах жестом предложил иностранцам следовать за ним к соседнему кукурузному полю. Он выбрал молодой стебель, осмотрел его и разломал. Отогнув лист от стебля, он показал обломанный кусок. Там извивался вспугнутый жирный червячок.

Энергично жестикулируя, феллах охотно рассказал, что белые птицы поедают червячков, без них червяки

опустошили бы поля. Он показал на два обгрызенных стебля на краю поля, похожих на остатки листьев после пиршества майских жуков.

Ибис, белый африканский аист с длинным клювом, не такой крупный, как сказочный аист, приносящий детей, но бесспорно приносящий сказочную пользу, выполнял роль санитарного инспектора.

Когда они снова сидели в машине, Петер сказал:

— Древние египтяне поклонялись ибису как священной птице.

— За то, что она уничтожает червей?

— По дошедшим до нас сведениям, священная птица имела другое оперение и была больше, но принадлежала, наверно, к тому же виду.

С лугов возле канала поднялась стая птиц и несколько поодаль опустилась. Белые, как чайки, они были мельче, да и летали иначе, чем те.

— Что касается червей, — промолвил Петер, — то на эту тему можно было бы сочинить такую сказку:

«Жил-был крестьянин. Его поля приносили ему хороший урожай. И пока он пахал или пока посева росли, рядом стаями сидели ибисы и выклевывали червей из стеблей и борозд, а всходы не трогали.

Но в тех краях было много голодных. Они ставили силки, ловили вместе с другими птицами ибисов и ели их. Ибисов становилось все меньше, они не успевали уничтожать червей, урожай год от года ухудшался.

Тогда умный крестьянин отправился к фараону и сказал:

— Голодные ловят ибисов, от этого поля пустеют. Накорми бедняков и запрети ловить ибисов, ибо, где они водятся, там урожай обильный, а где их нет — скудный. Если ты не прикажешь защитить птицу, голодать будут все и ты также.

И фараон запретил голодным под угрозой смерти ловить и убивать ибисов.

Но среди бедняков были такие, кто не испугался. „Какая разница, умрем ли мы с голоду или от руки палача“, — говорили они. И продолжали ловить ибисов, где только могли, убивали их и ели, а перья бросали в реку, и по воде плавали белые и серые перья, и все видели, что приказ фараона не выполняется. И хотя много голодных, и виновных и невинных, было убито

для устрашения остальных, перья ибисов продолжали плавать по Нилу.

Тогда крестьянин снова пошел к фараону и сказал:

— Накорми голодных. Они не боятся смерти, потому что надеются на лучшую жизнь после кончины. Если им удастся поймать ибиса и не быть схваченными, они наедаются досыта. Если же по твоему приказу их убивают, они перестают чувствовать голод. Накорми их, фараон! Поля наши почти опустели, нам тоже нечем больше утолить свой голод.

Фараон призвал самого умного и хитрого советника и передал ему слова крестьянина:

— Стране грозит беда. Как посоветуешь мне поступить?

— Хочешь ли ты накормить голодных? — спросил придворный.

— Пусть не будут они дерзкими.

— Хочешь ли ты напугать дерзких?

— Они должны быть наказаны.

— Страшатся ли они наказаний, известных им?

— Нет, не страшатся.

— Так пригрози им другими карами.

— Я не знаю таких.

— Так пригрози им наказанием после смерти.

— Говори, что мне делать?

— Прикажи поймать большого красивого ибиса, убить его, забальзамировать и показать народу. Затем позови лучшего твоего скульптора и вели ему изваять тело прекрасного юноши с головой ибиса и дай ему имя. Назови его Тотом. Потом объяви, что это бог мудрости. Ибо мудра птица, совершающая мудрые поступки, непонятные людям.

И фараон воскликнул:

— Да будет так, как ты сказал! Я возведу, что ибис — божество! Я возведу, что тот, кто убивает его, поднимает руку на бога мудрости и обречен на вечное проклятие!

Так оно все и было.

И голодные испугались вечного проклятия больше, чем голода и смерти, и перестали убивать ибисов и стали поклоняться им.

«Но плодов земли они получали так же мало, как прежде».

Можно ли жить в пустыне?

— Тот, кто сюда переселяется, должен не только ничего не потерять, но даже во многом выиграть, — сказал культурорганизатор в учебном центре на новых землях.

Петер Борхард снова был в мудирии Ат-Тахрир — Провинции освобождения, созданной в пустыне.

— Каждый, кто здесь живет, — добавил культурорганизатор, — сам того пожелал, причем он не только приехал добровольно, но еще и прошел тщательную проверку.

Они шли по образцовому поселку. Петер видел здоровых детей, красивых женщин, сильных мужчин. Египтянин рассказывал:

— Переселяться сюда разрешалось мужчинам в возрасте от двадцати трех до тридцати лет, уже служившим в армии, обязательно женатым, но имевшим не более одной жены и не более троих детей, жившим в перенаселенной местности и не владевшим имуществом. Короче, «тот, кто сюда переселяется, должен не только ничего не проиграть, но даже во многом выиграть».

Кандидаты, отвечающие всем этим условиям, проходили медицинский осмотр. Больных тут же вычеркивали из списка. У лиц, признанных здоровыми, проверяли умственные способности. При этом не имело решающего значения, сколько лет они посещали школу. Ведь пока в стране хозяйничали англичане и их приспешники, народное образование находилось в жалком состоянии. Главное внимание поэтому уделялось умственному развитию человека после школы. Его образование служило лишь отправной точкой для проверки. Предполагалось, что человек, закончивший школу, должен был преуспеть в своем развитии больше, чем тот, кто посещал только два класса. Даже неграмотные, которым условия жизни не позволили учиться, не вычеркивались автоматически из списков. И для них решающим было умственное развитие, а читать и писать они могли научиться потом. Зато психиатр в продолжительной беседе с желающими переселиться проверял, насколько быстро они реагируют на изменение внешних условий, смогут ли они приспособиться к жизни на новом месте. Наконец выяснялось, что они умеют

делать и есть ли у них способности в области механики.

Если результаты испытания оказывались положительными, члены семьи будущих переселенцев тоже проходили медицинский осмотр. Жену, кроме того, проверяли учитель и психиатр. Только в том случае, если все было в порядке, семье разрешалось переселиться в учебный центр. Петер зашел в один из домиков. Гостей встретила приветливо улыбавшаяся хозяйка; муж ее был в поле, она же не работала, так как ждала ребенка. Пройдя мимо низкой цементной ограды, призыванной, очевидно, скрыть ничем не украшенный фасад дома, Петер вошел внутрь и оказался в небольшой передней, которая могла служить и жилой комнатой. Отсюда узкий коридор вел в спальню с платяным шкафом, встроенным в специальную нишу, и двумя кроватями под белыми покрывалами — широкой и узкой. В шкафу лежало белье. Вторая спальня была пустой, у молодой четы еще не было детей. В кухне, освещавшейся электричеством, рядом с плитой висела мойка, к ней из глубокого колодца была подведена вода. Рядом находился туалет с душем.

— Все дома на новых землях построены по одному плану, — сказал египтянин.

Задняя дверь из кухни вела во дворик шириной три, длиной десять метров — новоселы могли использовать его по своему усмотрению. Молодая хозяйка раскопала здесь огород. Высокий подсолнух тянулся над тощей, жалкой картофельной ботвой, полегшей на песчаной земле. Три голубя сидели в клетке, а у ограды стояло несколько затянутых провололочной сеткой ящиков для кур.

Петер заметил, что хозяева смотрят на эти дома с гордостью, и они имели полное основание на то. Молодые супруги, как рассказала женщина, приехали из перенаселенной деревни. Родители их жили в глиняных хижинах, состоявших из одной комнаты, без всякой мебели. В родном доме жены спали пять человек, мужа — семь, взрослые и дети — все вповалку. Пол был покрыт сухим тростником, угол, где спали родители, — отделен тростниковой же перегородкой в рост человека.

Проезжая через деревни, Петер и сам видел, как строятся такие хижины.

Строительным материалом, как во времена фараонов, служил речной ил. Его выкладывали на берег, подсушивали, лепили из него кирпичи и складывали их штабелями. Прямоугольные кубики ила лежали на берегу до тех пор, пока под палящим солнцем не становились твердыми. Крышу настилали из пальмовых листьев и сухого коричневатого тростника, его укладывали, не переплетая. Поэтому многие крыши выглядели так, будто в хижине живет лохматый великан, наполовину высунувший голову наружу.

— В учебном центре, — сказал египтянин, — молодые семьи живут шесть месяцев, на это время рассчитана программа обучения. Она включает физическую подготовку, занятия по сельскому хозяйству и скотоводству, овладение специальностью слесаря-инструментальщика, тракториста, шофера и так далее. На досуге у нас смотрят кино, танцуют, играют на народных инструментах, ставят любительские спектакли, устраивают общие беседы. Обсуждаются местные происшествия и национальные проблемы. Женщины занимаются отдельно от мужчин по специальной программе. Они учатся доить коров и разводить кур, готовить, шить, вязать... Им объясняют также, как экономно расходовать заработок и как важна чистота. Особое значение придается уничтожению мух, опасных разносчиков инфекции.

Петер зашел в школу. Две молодые женщины учились писать — здесь не должно было быть неграмотных. В другом классе женщины вышивали, в третьем вязали, дальше — учились мастерить бумажные цветы. Лица у всех были красивые и милые, некоторые казались застенчивыми: быть может, они привыкли к покрывалу и еще стеснялись, ведь в новых поселениях женщины не закрывали лиц. Мужчинам разрешалось носить галабии или нечто вроде формы, состоящей из зеленовато-синих брюк и серой хлопчатобумажной рубашки навыпуск.

У темноволосых смуглых школьников как раз была перемена. На площадке для игр мальчики и девочки возились около спортивных снарядов. Больше всего им нравилась горка. Ребята визжали от восторга, ничуть не стесняясь иностранца. Не обратил на него внимания и восьмилетний мальчик, единственный, кто остался

в классной комнате. Он, видимо заупрямившись, сидел на полу, хотя учительница, державшая в руках тонкую тростниковую палку, склонилась над ним и настойчиво уговаривала встать. Петер неодобрительно посмотрел на палку, но учительница, заметив его, выпрямилась и улыбнулась совершенно естественно, будто говоря: «Вы поймете меня». У нее было широкое, крепко сбитое лицо, блестящие глаза, черные волосы. Мальш наконец соблаговолит подняться и медленным шагом вышел из комнаты, в углу которой стоял шкаф с блестящими музыкальными инструментами.

В детском саду был завтрак. Дети ели бутерброды с салатом. Некоторые детишки стояли в тени дома, а один трехлетний бутуз в светлых ботиночках и темных штанишках, без шапки разгуливал по белому песку двора, задумчиво рассматривал свой бутерброд и, наслаждаясь одиночеством, аппетитно уписывал его за обе щеки. Очаровательные детишки, ухоженные, хорошо и опрятно одетые.

— Откуда в новых поселках учителя? — поинтересовался Петер. Ему охотно ответили.

У учительницы, которую видел Петер, было законченное педагогическое образование, а для работы в новых селениях она прошла еще и специальную подготовку. Старшим учителем деревенской общины считался мусульманский проповедник — шейх. В Египте церковь не отделена от государства, как в других современных странах. Основой воспитания провозглашался принцип: «Что на пользу твоему соседу, на пользу и тебе, что ему во вред — вредит и тебе. Мы все — единое целое, одна большая семья». Можно добавить: патриархальная семья, в которой одни приказывают, другие подчиняются.

Мужчины и женщины молятся отдельно. Разделены и клубы. Но при желании мужчины и женщины могут проводить время вместе.

— Эмансипация женщины в быту поощряется, но не навязывается в нарушение древних традиций, — признал египтянин.

В первые годы после революции мужчины исполняли все роли в любительских спектаклях собственного сочинения, позже в плясках стали выступать уже и женщины. Преодоление «древних традиций» наталкивалось на

большие трудности и часто тормозилось религиозным фанатизмом и косностью, но ничто не могло остановить этот процесс.

Гости — к Петеру присоединилась супружеская чета из Александрии — ходили по поселку, пока их не пригласили обедать. В гостиной им прежде всего подали освежающие напитки.

На стене висел большой план освоения пустыни, испещренный каналами, деревнями, городами, промышленными центрами. Пройдет много лет, пока эти два миллиона моргенов* земли получат воду. А для этого надо было прежде всего построить Асуанскую плотину, которая позволит регулировать спад вод Нила.

На обед подали бульон, курицу с рисом, баранину с картофелем и морковью, на десерт — ананас и кофе. Возле каждого прибора стоял стакан. Пили воду — чистую дезинфицированную воду. Египтяне пили много и с удовольствием.

— Как вы сами, собственно, попали сюда? — спросил Петер культурорганизатора. — Вы агроном?

— Нет, юрист, — засмеялся тот.

— Вот как!

— Юрист и офицер запаса. Кстати, я был противником проекта.

— И поэтому приехали сюда?

— Вот именно! — Он снова засмеялся, показав крупные белые зубы. — Правительство предложило мне этот пост. Я сказал: «Это невозможно! Я противник проекта». Меня спросили: «А вы знакомы с ним?» Я сказал: «Конечно!» Меня спросили: «А вы видели, как он осуществляется?» — «Нет!» — «Тогда поезжайте, а потом решите». Я приехал и остался.

— А чем вы занимаетесь, — спросил Петер, — когда вам не приходится, как сегодня, удовлетворять любопытство посетителей?

— Гости приезжают почти каждый день, — ответил культурорганизатор, — со всех концов мира.

— Быть может, мне следует поставить вопрос иначе: каков распорядок дня новоселов?

* Морген равен 0,25 гектара.

— В шесть часов утра начинается гимнастика для женщин; тренировка в ходьбе и беге для мужчин, иногда еще они учатся стрелять; и те и другие играют в волейбол и баскетбол. Обед берут с собой на работу. В четыре часа дня рабочий день кончается. Вечером мы в течение часа обсуждаем вопросы, накопившиеся за день, за этим следует короткая беседа о важнейших политических проблемах страны. Свободное время люди проводят дома или в клубе. С десяти часов вечера — сон. Так примерно проходит день.

— А ночных клубов нет?

— Как же, как же, есть, — культурорганизатор заговорщически подмигнул, — открыты ежедневно до десяти часов вечера.

— А чем занимаются посетители?

— Играют в шахматы, беседуют, музицируют, танцуют, играют в любительских спектаклях.

Через шесть месяцев новоселы переезжают в деревню, где им предстоит жить в дальнейшем. В каждой деревне будет триста семей, каждая семья получит по пяти федданов, или примерно по восемь моргенов земли, так что усадьба поселка составит около двух с половиной тысяч моргенов. На каждые двадцать селений будет создан один городской промышленный центр.

— Таковы наши планы, — заключил культурорганизатор. — Начало положено. Каждый день осваивается тридцать федданов земли.

— А кому она принадлежит?

— Земля и дома, в которых живут переселенцы, станут их собственностью через двадцать лет, когда они ежегодными взносами погасят их стоимость. Работают они не как мелкие единоличники, а всей деревней, объединившись в кооператив.

— Значит, собственниками земли они станут только через двадцать лет?

— Да.

— А пока?

— Освоение новых земель финансируется правительством. В первые три года оно потратило восемь миллионов египетских фунтов. Оно не только владеет, но и распоряжается всем, что создано на новых землях. Ему принадлежат земля, дома, фабрики, электростанции и водокачки.

— Это значит, что рабочие живут здесь как бы в большом государственном кооперативе?

— Да.

— А на какие средства они живут?

— Они получают заработную плату. Мужчины — двадцать пиастров в день, не меньше, женщины — не менее десяти пиастров.

— А почему женщины получают меньше мужчин?

— Женщины используются на более легких работах и работают шесть часов, а не восемь.

Они закончили пить кофе, и египтяне из Александрии сели в машину и уехали.

— У них молочно-животноводческая ферма, — объяснил культорганизатор. — Они приезжали посмотреть, нельзя ли у нас что-нибудь позаимствовать. Так мы помогаем друг другу.

Утром, когда приехал Петер, улицы деревни были почти безлюдны. Сейчас, после окончания рабочего дня, центр поселка буквально кишел мужчинами в галабиях и костюмах, в головных уборах и без них. Одни толпились перед большим продовольственным магазином или булочной, другие стояли внутри. В пекарне, изделиями которой торговала булочная, гостю с гордостью показали механическую тестомешалку. Люди стояли и перед чистой парикмахерской, заходили на почту, помещавшуюся в современном здании, в аптеку, окружали киоски, торгующие безалкогольными напитками. На тротуарах, словно белые хохлатые птицы на жердочке, сидели мужчины в галабиях и национальных головных уборах и, казалось, отдыхали под яростными лучами солнца.

В зубной амбулатории с современным оборудованием молодая женщина-врач уже закончила прием, но в больнице, рассчитанной на тридцать коек, рабочий день продолжался. Когда Петер вошел, один из врачей как раз диктовал медицинской сестре истории болезни принятых в тот день пациентов. На приеме побывало около ста больных из числа новоселов и еще сто жителей Дельты Нила. Главный врач рассказал, что большинство больных жалуются на травмы, шистозоматоз и амёбную дизентерию.

— Почему больные из Дельты идут сюда в такую даль?

— Медицинское обслуживание у нас бесплатное.

— Вы, значит, не ограждаете поселенцев от окружающих жителей?

— Напротив, мы предлагаем им посещать свои прежние деревни и рассказывать, как они живут. Феллахи приходят, осматривают селение, многие хотят тут же остаться. Это, конечно, не разрешается. Отбор ведь очень строгий. Но таким образом мы оказываем влияние на старые деревни. Мы создаем образец нового египетского общества.

— А если поселенцам не понравится, они могут вернуться в свою деревню или уехать в другое место?

— Немедленно, — ответил врач.

— Такие случаи были?

— Пока ни одного. Все остаются, хотя работа тяжелая. Но мы помогаем им выбраться из нужды и показываем, какой может и должна стать наша страна.

— Вы воспитываете крестьян-воинов?

— Кто готов отдать за свою страну жизнь, — ответил врач, — тот хорошо трудится на ее земле. Мы показываем пример всей стране. Мы освобождаем себя своим трудом. Поэтому эти новые земли и называются «Провинцией освобождения».

И, как бы продолжая свою мысль, добавил:

— Мы уже освободили Суэцкий канал, и он останется египетским.

Он произнес это очень серьезно, затем несколько мгновений молча смотрел на собеседника и улыбнулся, полный силы и оптимизма.

Нил — кормилец страны

Петер Борхард стоял на берегу Нила под старыми могучими, густыми деревьями. Прислонившись к ограде, он смотрел на реку.

«Добрый день, старина! Мы ведь уже давно знакомы, хоть и заочно. А вот теперь я стою перед тобой, как в молодости стоял перед твоим северным братом — Рейном. Но ты выглядишь иначе. Ты представлялся мне совсем другим. Еще год назад я видел тебя на экране, старина. И что же они в тебе нашли, чтобы показать? Крокодила с угрожающе разинутой пастью.

Говорят, что если плыть вверх по твоему течению, то на юге Верхнего Египта, ближе к Судану, действительно можно встретить крокодилов, но они вовсе не характерны для Египта. Это здесь знают все. И о „голубом“ Ниле я слышал, но, знаешь, в Каире ты голубой не больше, чем Дунай в Вене. Он такой же мутный, как ты. Ты, вернее, не мутный, а желтый или красновато-коричневый, подобно земледельцу, который долго бродил по полям и с ног до головы вымазался в глине. Там, где на берегах твоих стоят пальмы, твой наряд действительно кажется экзотическим. Когда по водам твоим скользят светло-серые крылья парусов и рыбаки, похожие на босоногих карликов, карабкаются по мачтам, плывущий по тебе груз подобен сказочным иероглифам, но сам ты, знаешь ли, с неумытой твоей физиономией, сам ты в сущности вовсе не красив.

Ты силен, ты кормилец страны, без тебя не было бы и самого Египта, на его месте простиралась бы пустыня, и я склоняюсь перед твоей мощью, перед твоим величием. Если нет здесь крокодилов, я бы охотно поплавал в твоих водах — в такую-то жару! Понимаешь? Да и не только из-за жары... Доброго друга охотно обнимаешь, тебя обнять я не могу, не могу прижать твои воды к потной своей груди, в тебя даже нельзя окунуться. Этому мешает ил, которым покрыто твое дно, да и врач не разрешает. Поэтому на глади твоей почти не видно спортсменов, разве что проплывет изредка прогулочная лодка, но никто не прыгает с нее со смехом в воду, нет на твоих берегах и пляжа с веселыми купальщиками. Ты удивительно полезный старик, но ты не близкий друг, которому можно довериться.

Но когда я долго стою на твоём берегу или сижу в ресторане-поплавке и вижу, как заходит солнце, наступают сумерки и с приходом ночи ты расцветиваешься множеством красок, я понимаю, как ты красив, понимаю, почему тысячелетия назад тебя называли „загадочным“ — уж, конечно, не только потому, что не знали еще, где твои истоки. Тогда ты переливаешься оттенками, которые трудно изобразить на полотне и тем более — описать пером. Мне рассказали, что какой-то известный немецкий художник долго глядел на краски твоей страны, но так и не смог написать ни одной картины, такими странными, расплывчатыми, ска-

зочными они казались ему. Что же могу сказать о твоих красках я?

Когда на противоположном берегу заходит солнце, оно висит на горизонте, как раскаленная монета. Возможно, никогда небо не пылает у нас так ярко, как пылает здесь из вечера в вечер. Но нечто подобное бывает и у нас. Изумительно красива на склоне дня световая дорожка на воде, качающаяся на волнах Нила, — будто солнце перебирает в воде своими серебряными пальцами. Однако и это нам не в новинку. Но даже в Бранденбургской песочнице, где песок, казалось, мог бы создавать сходные условия, даже на Шпрее не увидишь, например, как раскаленная монета солнца на мгновение повисает в листьях пальмы, превращая ее в черный силуэт, погруженный в расплавленное золото. Не увидишь там также, как раскаленный диск соскальзывает вниз по стволу и в одно мгновение поглощается корнями дерева. При этом земля вращается здесь, конечно, не быстрее, чем у нас. Раз-два-три — и солнце исчезло, а ты, старина, тем временем уже изменил свой наряд.

Здесь не бывает мягких, задумчивых, мечтательных, медленно надвигающихся сумерек, к которым мы привыкли в Европе. Внезапно твой наряд из глинисто-желтого с серебряным солнечным поясом превращается в свинцово-серый. Небо над тобой становится блеклым. Наступают минуты волшебства. Светло-серая ли мантия срывается с горизонта и окутывает тебя? Или темно-серая с едва заметным золотым свечением? Или цвета тумана с голубоватым палетом? Это магия, неуловимая, оцепеняющая, потрясающая. Она наполняет счастьем и заканчивается так же быстро, как началась.

И тогда твой наряд, старина, темнеет. На обнаженном небесном своде над тобой появляются алмазы звезд, они светят в ночи, мерцают и блещут. Из черного твой наряд становится темно-синим. Поднимается луна, сначала кроваво-красная, но затем она становится золотистой. И ты молча лежишь в ночи, ты лежишь в ослепительной синеве.

Ты — голубой Нил, „отец богов“.

Видимо, в эти минуты к тебе возвращается легендарный цвет твоей юности, старый облепленный глиной Нил, великий и могучий источник жизни страны!»

Завтра, — сказала Ивонна Перран в телефонную трубку, — я последний день на берегу Нила.

После поездки по каналу они больше не виделись, только однажды говорили по телефону, когда Петер раскопал в книгах кое-какие интересные сведения.

— Еще раз благодарю вас за информацию и — всего хорошего.

— Мило, что вы позвонили. Чем вы заняты завтра? — спросил Петер.

— Ничем особенным.

— Никаких сенсаций — уже знакомо. Но, быть может, мы все же завтра встретимся на прощанье?

— Почему бы и нет, — ответила она с полным безразличием, будто пожалав плечами.

«Вот дура», — подумал Петер и тут же пожалел о своем предложении, но отступить было поздно.

— Где и когда? — коротко спросил он.

— Если у вас есть настроение, — нерешительно произнесла Ивонна, — приезжайте, пожалуй, в половине одиннадцатого к Мена-хаузу. Хорошо?

— Как вам угодно.

— Мы пойдем плавать, а потом пообедаем вместе.

— Согласен.

— А там видно будет.

На следующее утро Петер отправился в гостиницу у подножия пирамид, где последние дни жила Ивонна. Она ждала его на террасе. На ней было пестрое летнее платье с широкой юбкой и обтянутым лифом с узкими бретельками. Руки, плечи и шея до самой груди были открыты. «Хорошо загорела, — подумал Петер. — Видно, часто ходит плавать».

Он поздоровался с холодной сдержанностью, но она весело улыбнулась ему, сразу встала и сказала:

— Рада вас видеть. Сегодня у нас будет выходной день. Пошли. — И она взяла его под руку.

Петер окинул взглядом террасу.

— Да, — сказала она, будто угадав его мысль, и остановилась, — на всем этом, без сомнения, лежит печать «английского колониализма». Мне знакомо это по Штатам. Здесь, между прочим, во время последней войны находился штаб английской ближневосточной армии, здесь же, в этой гостинице, состоялась встреча Рузвельта и Черчилля.

— Очень интересно, — вежливо произнес Петер. — Я смотрел на галдящих воробьев. Вы заметили, где они гнезятся?

Не ожидая ответа, он показал на узкие стропила, поддерживающие крышу деревянной террасы; в отверстие в одном из них как раз забрался воробей, а за ним и второй.

— Это мои хорошие знакомые, — сказал он. — Они были в весьма близких отношениях со мной или, вернее, с моим столом, когда я здесь завтракал. Пойдем купаться?

— Позже, если вы не возражаете. Теперь мне хотелось бы отправиться в одно место, куда я одна не решусь пойти. В трех минутах ходьбы отсюда. Хотите?

Петер оставил сумку с купальными принадлежностями в гостинице, и они вышли в парк, где в день приезда Петера птица пела хвалу Аллаху. Ивонна в белых сандалиях легким шагом шла рядом с ним по направлению к воротам.

Пока они медленно шли по обочине шоссе, им предложил свои услуги один гид, затем второй, третий... «Такси!» — раздавался крик то с одной стороны, то с другой. Они проходили мимо машин, стоявших рядами в ожидании пассажиров, провожаемые взглядами водителей, полицейских, гидов, людей, которые сидели и стояли на всех углах...

— Куда вы меня ведете? — спросил наконец Петер.

— Туда, — засмеялась она. — До сих пор я все это видела, только проезжая мимо. Но одна я не отбилась бы от всех этих предложений.

— Вам нужен был защитник? — спросил он.

— Да, — засмеялась она и шутливо пожала его руку.

Еще до того, как они подошли к месту, на которое указала Ивонна, к ним бросились люди и по-английски стали предлагать верблюдов и лошадей.

— Добрый день, — сказал Петер по-немецки и хотел было пройти дальше, но путь ему был отрезан со всех сторон, а вокруг царило вавилонское столпотворение. Здоровенный египтянин протиснулся к ним и приветствовал Ивонну тоже по-немецки: «Добрый день, господин графиня! Желаете верхом? Самый красивый верблюд. Зовут Бисмарк. Верхом на верблюде Бисмарк.

Поедемте!» Ивонна отмахнулась от египтянина, хотя ничего не поняла, но стоило ей произнести «No, no!», как хомьева верблюдов разразились потоком английских заклинаний:

Wonderful ride, Miss Millicent! Best cam I Eisenhower! Come on!*

Они проложили себе дорогу сквозь толпу и прошли мимо длинных рядов стоящих и лежащих верблюдов и лошадей, которые ждали пассажиров-иностранцев, расположившись в тени по обе стороны дороги. Верблюды Бисмарк и Эйзенхауэр уже были выведены и следом за Петером и Ивонной обходили фронт других животных. Рядом пританцовывали несколько породистых арабских скакунов, сидевшие на них верхом хомьева изо всех сил старались перекричать владельцев верблюдов. Невдалеке остановился автобус. Наряду с местными жителями — а их сразу можно было узнать по одежде — из автобуса вышли человек шесть иностранцев, и зазывалы набросились на вновь прибывших, надеясь, что они окажутся более уступчивыми.

«Эйзенхауэр» тоже направился к новым клиентам, и лишь «Бисмарк» не отставал от Петера и Ивонны.

— Хотите? — спросила Ивонна.

— Я уже был у пирамид, — ответил Петер.

— Я тоже, но не верхом на верблюде.

— Тогда рискнем.

Владелец верблюда, едва услышав начало разговора, ударил «Бисмарка» палкой по ногам и громко по-арабски выкрикнул приказание. Верблюд, носящий имя немецкого канцлера, послушно опустился сначала на колени, затем на грудь и лег на землю, вытянув шею и голову высоко вверх. «Пожалуйста, мисс Миллион!» — предложил египтянин и тоном, исполненным заботы о седоке, стал расхваливать прекрасное седло, спокойную, уверенную поступь животного, пестрое одеяло... Ивонна забралась в седло.

— Поедемте вместе! — крикнула она.

— Еще одного верблюда, — быстро проговорил египтянин.

— Тогда уж лучше лошадь, — ответил Петер.

* Замечательная прогулка, мисс Миллион! Лучший верблюд Эйзенхауэр! Поедемте!

Египтянин с быстротой молнии подозвал владельца лошади и одновременно так сильно дернул уздечку, что верблюд разинул пасть, угрожающе оскалив огромные зубы. Затем хозяин ударил его палкой. Верблюд, покачиваясь, поднялся на ноги, и Ивонна, весело вскрикнув, закачалась вместе с ним.

— Держитесь! — крикнул Петер.

— Поехали, — отозвалась она с высоты.

— Но только до следующей пирамиды!

— Да, да!

Тем временем иностранцы, приехавшие в автобусе, тоже уселись на верблюдов, и маленький караван потянулся вверх по изогнутой полумесяцем дороге, к пирамиде Хефрена. В пути один из седоков придержал своего верблюда, который спокойно остановился у края дороги. Седок, человек лет тридцати, по-видимому заранее договорившись с хозяином животного, подал ему свой фотоаппарат, обвязал вокруг головы платок бедуина и стал позировать перед объективом. Затем он вернул платок и забрал аппарат. Настоящий балаган рядом с городом мертвых у края пустыни!

Ивонну словно подменили. Холодная чопорность, как бы ограждавшая ее прежде от всего окружающего, сменилась ребячливой веселостью. Разгоряченные и возбужденные, они вернулись в гостиницу, освежились и отправились плавать.

Выложенный цементом бассейн, обнесенный оградой, находился на возвышенном месте, рядом с большим садом, где египтянин, одетый в штаны и рубашку, поливал из длинного шланга цветы.

Вода в бассейне была зеленоватая. Три стороны вместе с мостками освещались солнцем. Пространство перед мужскими кабинами, затененное тентом, было превращено в кафе, здесь стояли столики и кресла. В некотором отдалении помещалось несколько душевых кабин. В бассейне плавали человек десять мужчин, несколько иностранок и египетских девочек. Ни одной взрослой египтянки не было видно в воде, хотя в тени на террасе сидели матери, наблюдая, как резвятся их дети.

Прохладная чистая вода, сменявшаяся каждый день, замечательно освежала в полуденную жару. Ивонна и Петер несколько раз проплыли вдоль стенки бассейна,

перфорасываясь шутками, долго кувыркались, вздымая вокруг себя каскады брызг, а затем, смеясь и отдуваясь, вылезли на освещенную сторону, чтобы обсохнуть под лучами солнца. Камень оказался настолько горячим, что лечь на него было невозможно. Служащие бассейна уже знали Ивонну, и один из них молча принес нечто вроде матраца и мохнатое полотенце, а кроме того — мухобойку и бутылочку какого-то масла, которое якобы обладало способностью отпугивать мух. Но у мух, очевидно, был насморк, и они не чувствовали запаха масла. От их назойливого внимания и от жары оставалось лишь одно спасение — бассейн. Ивонна и Петер снова прыгнули в воду и затеяли там веселую возню.

— Пообедаем здесь, — предложила Ивонна, когда они по дорожке, обсаженной пальмами, возвращались к террасе.

Петер согласился. Он остался на террасе, а Ивонна отправилась в свою комнату в гостинице. Когда она вернулась, на ней была широкая желтая юбка и тесно облегающая черная шелковая блузка с маленьким стоячим воротничком.

Кроме купальных принадлежностей Петер положил в сумку чистую тенниску и теперь надел ее — прежняя в один миг стала совершенно мокрой от пота, — а пиджак повесил на спинку стула. Ивонна и Петер миновали фойе, прошли мимо швейцара с пышными усами, мимо стоявших в ряд «ббев» уже довольно зрелого возраста, одетых в яркие галабии всех цветов радуги и низко кланявшихся гостям, мимо продавца книг, торговца сувенирами, мимо парикмахера. Петер нес свой пиджак, перекинув его через руку.

— Вам не холодно? — спросила Ивонна в дверях ресторана.

Он засмеялся.

Она осталась серьезной и, когда они вошли в ресторан, сказала:

— Почти все мужчины в пиджаках.

Петер пропустил ее вперед и шепнул ей чуть ли не на ухо:

— Почти все, Ивонна.

Первый раз он назвал ее по имени.

Метрдотель в черном смокинге подвел их к столи-

ку. Они сели, и Петер снова повесил пиджак на спинку стула.

Официант в черных брюках и белой куртке подошел, чтобы принять заказ. Кушанья разносили мужчины в ярких галабиях. Один из них тотчас же поставил на стол хлеб и воду.

— Мы еще не выбрали, — сказала Ивонна, и официант отошел. — В Штатах, — произнесла она затем, глядя в меню, — в приличные рестораны не пускают мужчин без пиджаков.

— Если бы женщины в такую жару носили шерстяные кофточки, — ответил Петер, — они имели бы право требовать от мужчин, чтобы те не снимали пиджаков. Ваш великий Авраам Линкольн, даже будучи президентом, наверняка не раз сидел в обществе без пиджака. Желаю вам приятного аппетита и хорошего утреннего настроения.

«Все-таки она глупа», — подумал он.

Тучи бродят над Каиром

Неделю спустя впервые с начала весны небо заволокли тяжелые мешки тучь. Невидимые конвейеры быстро несли их на запад. Солнце отдыхало за этими мешками и людям не показывалось. Правда, оно все же поддерживало температуру на уровне двадцати четырех градусов по Цельсию, но европейцы в этот день смогли перевести дух. Летом им иногда приходится выносить и сорокапятиградусную жару. Рассказывают, что в один из таких дней в Каир возвратился европеец, проводивший несколько недель в Париже.

— Какая была погода? — спросили его.

— Великолепная, — ответил он, — восемь градусов по Цельсию и каждый день дождь.

Но вот некоторым египтянам тучи, видимо, послужили сигналом к тому, чтобы вытащить из шкафа пальто. На улице вдруг появились мужчины, одетые поверх галабий в легкие шерстяные пальто до колен — на первый взгляд этот наряд напоминал вечернее платье с накидкой. Особенно бросались в глаза пальто из тканей в полоску. В Европе из таких материалов обычно шьют костюмы.

Петер решил воспользоваться пасмурным днем и осмотреть наконец город. Он уже довольно много ходил по Каиру и знал его в общем неплохо, но для обстоятельного осмотра до сих пор было просто слишком жарко. Петер очень гордился тем, как разумно он собрался в дорогу, но в первый же день ему пришлось купить египетские тенниски. В тех рубашках, что он привез с собой — слишком плотных и тяжелых, — он нишемогал от жары и обливался потом. Материалы, из которых были сшиты его костюмы, тоже казались по сравнению с египетскими цементом. А когда Петер с гордостью облачился в тенниску из перлона, составившую украшение его гардероба, он не мог не рассмеяться. Его хватило ровно на то, чтобы пройти от номера до дверей гостиницы, после чего пришлось возвратиться, принять душ и переодеться.

Теперь умудренный опытом Петер, перейдя мост через Нил, направлялся из предместья Замалек, где он жил у своих друзей непосредственно на берегу Нила, к центру города.

Шел он по улице, которая, как ему объяснили, в память революции 1952 года, свергнувшей короля, называлась «улицей 26 Июля». Но никто не утруждал себя такими сложными названиями. Прежде это была «улица Фуада» — в честь умершего короля Фуада, и народ продолжал говорить: «улица Фуада», «мост Фуада», хотя все ненавидели монархию и вспоминали ее как кошмарный сон.

По мосту в противоположных направлениях двигались два потока машин. Среди них были вкраплены в одном месте трамвайный вагон, в другом — повозка, запряженная ослом или лошадью. Мчались велосипедисты, и издали казалось, что это пляшущие на воде легкие куски дерева. Подойдя ближе, Петер увидел, что потоки автомобилей отнюдь не двигались по определенному руслу. Они как бы выходили из берегов и, где это возможно, сливались; машины обгоняли друг друга не только слева, но и справа, хотя это запрещалось. И если одна проезжала мимо другой на расстоянии сантиметров, то только потому, что водитель или еще не умел, или просто не желал экономно использовать пространство. А вообще-то считалось, что достаточно интервала в несколько миллиметров. Разделяемые

таким расстоянием, машины шли рядами или обходили друг друга со скоростью восемьдесят, а то и сто километров в час. Сыны феллахов бесспорно были виртуозами по части вождения автомобилей. Они любили свои машины, как дети любят игрушечную железную дорогу или самокат, и упивались современной технической игрушкой, которая им должна была казаться тем забавнее, что многие из них видели в детстве только древний деревянный плуг и колодец с журавлем. С такой же детской радостью они — чаще всего без надобности — почти непрерывно изо всех сил нажимали на сигнал, атакуя барабанную перепонку новичка, словно для того, чтобы испытать ее на разрыв.

За рулем они сидели, конечно, в превеселом настроении, с улыбкой победителя в глазах, если не на устах. Бум! На крыле автомобиля появилась вмятина... Впрочем, это случалось сравнительно редко для такого беспорядочного движения, но когда случалось — никто не бранился. Среди водителей царил полный мир, никаких конфликтов не возникало. Никому и в голову не приходило обижаться или сердиться, если другой водитель обходил его справа. Каждый думал: «Сегодня он меня обошел, завтра я его обойду». Желая обогнать машину, шофер бесшумно проезжал мимо или, наоборот, начинал неистово сигналить, и тогда водитель автомобиля, идущего впереди, высовывал из окна руку. Если большой палец был обращен книзу, значит, обгон невозможен. В иных случаях водитель плавным движением руки или одних пальцев предлагал товарищу проехать мимо. Почти никто не пользовался указателем поворота, его с успехом заменяли руки водителей — тонкие, смуглые, выразительные.

Полицейский в белой форме регулировал движение, сидя на деревянной тумбе у въезда на мост и протянув ногу чистильщику ботинок. Полицейский сам улыбался, мысленно глядя на себя со стороны. Петер подумал, что в уличном движении проявляются черты национального характера: детская веселость, дружелюбие, умение приспособиться к обстановке и быстро понять и использовать свои преимущества в соответствии с принципом «живи и давай жить другим».

Большинство автомобилей были как будто довольно новыми, весьма элегантными, находились в хорошем со-

стоянии. «Какое в общем неверное представление создается о стране, которую колонизаторы называют неразвитой!» — подумал Петер. Он знал, что промышленность Египта невелика, что сельское хозяйство большей частью находится не на современном уровне, но ему и не снилось, что в Каире такое же движение, как в любой другой столице мира. Не думал он также, что на берегах Нила увидит белые современные дома и пять, шесть и больше этажей, что при переходе через улицу Фуада его подхватит поток людей, ловко лавирующих между машинами, а на тротуаре он попадет в бурлящую толпу.

По обеим сторонам панели шли в противоположных направлениях пешеходы, некоторые из них останавливались, чтобы поболтать со знакомыми, на стульях, выставленных перед маленькими кафе, на обочине тротуара вплотную к домам сидели мужчины и пили кофе. Десятилетняя девочка стояла за наспех сколоченной стойкой, на которой лежали хлебцы в форме кренделей. Один человек торговал горячей фасолью, он доставал ее из небольшой «походной кухни» и накладывал между двумя ломтями хлеба. Этот завтрак бедняков — «фуль» — стоил один или полтора пиастра. Тут же, на тротуаре, сидели на корточках или прямо на земле ремесленники и торговцы. Сморщенный старик с бородой сидел, поджав ноги, на камнях и кусками от старых автомобильных покрышек латал обувь, которую антиквар, наверно, смог бы продать с надбавкой за древность. На протяжении нескольких сот метров расположилось не меньше шести таких «холодных сапожников», одни еще бездействовали в ожидании заказчика, другие уже стучали молотком по ботинку клиента, который, держа на весу босую ногу, примостился рядом. И все оживленно беседовали.

Здесь же сидели на корточках мужчины, дети, даже женщины в черном, все они предлагали свои товары, разложив их на куске оберточной бумаги или газеты: расчески, щетки, бумажники, старые брюки, пуговицы, украшения, ношенные ботинки, завернутые в целлофан плоские кожаные сумки с рельефным изображением двугорбого верблюда под пальмами... А рядом с ними у края тротуара и у края жизни неистовствовали, бушевали и грохотали машины, одно запасное колесо

которых дороже всех убогих товаров, разложенных на расстоянии тысячи метров от моста Фуада до здания суда.

Здесь начиналась аристократическая часть улицы 26 Июля. Она отличалась от Пятой авеню в Нью-Йорке или от бульвара Мадлен в Париже только по ширине, отнюдь не уступая им в богатстве и элегантности магазинов.

Здесь, видимо, можно было купить все — ткани и шоколад, медикаменты и мыло, обувь и драгоценности, зажигалки и ковры, готовое платье и сласти, фрукты и детские игрушки; здесь рядом с огромными универсальными магазинами теснились узкие пассажи и крохотные лавчонки, стояли уличные торговцы; здесь можно было увидеть пешеходов в старых традиционных одеждах и в современных модных нарядах. Рассказывали, что самый большой универмаг принадлежит жене одного весьма влиятельного политического деятеля Франции, совсем недавно занимавшего пост премьер-министра. Об английских коммерсантах египтяне высказывались весьма нелюбезно: прежде они скупали весь урожай хлопка в Египте «for nothing» — «задарма», — а взамен поставляли Египту дорогие ткани.

Петер осмотрел витрины, убранные с большим вкусом, и зашел в несколько магазинов. Шерстяной джемпер прибыл из Франции, костюм — из Англии, вечернее платье — из США. Обувь доставлялась из Лондона, чулки — из Парижа, лезвия для безопасной бритвы — из США. И так все. В аптеке медикаментам, по преимуществу швейцарским, было отведено самое скромное место, зато широко были представлены косметика, фирменные мыла, духи из многих стран. В магазинах любой предмет роскоши иностранного происхождения можно было купить в любом количестве. А в гастрономах прилавки ломились под грузом мясных и овощных консервов, вин и ликеров из разных государств*.

* Так было до 1957 года. Сейчас место иностранных товаров заняли египетские.

Злых духов выкуривают

Вблизи улицы Фуада жил Ахмед, который встретил Петера в свое время на аэродроме. Была пятница — мусульманское воскресенье, и Ахмед был дома, но как раз собирался пойти к портному. Тот был португальским христианином и отдыхал поэтому в воскресенье. Жена портного — египтянка — по пятницам ходила в мечеть, но вместе с мужем праздновала и христианское воскресенье. Портной в свою очередь перенял некоторые египетские обычаи.

Все это Ахмед весело рассказал Петеру по пути к улице Фуада; здесь у портного было ателье, где он делал примерку и продавал свои изделия. Швейная мастерская помещалась где-то в бедной части города.

Они прошли мимо площади, где находилось желтоватое квадратное здание оперы, сооруженное в честь открытия Суэцкого канала, и повернули на улицу Фуада. Против самого крупного универмага разместился пассаж, построенный в форме буквы Y и имевший, следовательно, в начале два, а далее четыре ряда красивых витрин. Там и помещалось ателье портного. Лифт обслуживал смуглый египтянин в щеголеватой зеленой куртке, он приветливо, как старому знакомому, улыбнулся Ахмеду. Широкоплечий плотный португалец был один в комнате. Прекратив кроить, он немедленно заказал для своих гостей кофе по-турецки.

Ахмед заговорил с портным по-арабски, а Петер вышел на маленький балкон, нависавший над улицей Фуада. Грузовики и такси, повозки, запряженные ослами; женщины в изящных костюмах или в черных одеждах, девушки в ярких платьях; мужчины в костюмах или галабиях — синих, серых или белых с золотыми галунами; одни в шелку, другие в лохмотьях; мальчики в легкой полосатой фланели, как будто выскочившие на улицу в пижамах; уличные торговцы, продавцы газет — с высоты третьего этажа взору открывалась вся эта пестрая шевелящаяся смесь старого и нового, благосостояния и бедности, богатства и нужды. Когда Петер вернулся в комнату, портной обратился к нему:

— Несколько лет назад вы, наверно, не вышли бы на балкон.

— Почему же?

— Улица была черна от мух.

Петер подумал: «Тогда я не хотел бы жить в Каире». Отвращение отразилось на его лице.

— Вы преувеличиваете, — сказал он.

— Нисколько. Их выкуривали. С самолета.

— В деревнях тоже?

— Еще нет. Но будут!

— А это не для выкуривания? — шутя спросил Петер, указывая на металлический предмет, похожий на небольшой старый фонарь или спиртовку, который стоял на полу у стены.

— Да, — ответил портной.

— Для выкуривания мух?

Портной немного смутился и сделал серьезное лицо.

— Нет, злых духов.

Ахмед засмеялся.

— Да, да, — сказал он, — такие вещи существуют.

— Существуют?! — возмутился портной. — Выгляните-ка в пятницу утром на улицу, когда открываются магазины. Люди ходят от одного магазина к другому с такими штуками и прогоняют злых духов*.

— Здесь, на улице Фуада, тоже? — удивился Петер. Он с трудом представлял себе, что богатые владельцы фешенебельных магазинов могут быть настолько суеверны. В деревне в лачугах, где царят темнота, бедность, нищета, страх перед жизнью, там это было понятно, но здесь?

— Конечно, здесь тоже, — настаивал портной.

— Но вы ведь сами... — засмеялся Ахмед.

— Я в это не верю, — возразил портной, — но вот жена... Если я в пятницу этого не сделаю, у нее всю неделю не будет покоя.

— А что вы, собственно, делаете, чтобы прогнать злых духов? — любопытствовал Петер.

Портной пустился в многословные объяснения — из них явствовало, что внутрь прибора кладут древесный уголь и поджигают, — но не поднял загадочный предмет с пола, чтобы показать, как это делается. «Кто знает, не пришлось бы мне расплачиваться за такую вольность!» — казалось, думал храбрый портняжка.

* Описание этого обычая на совести автора.

И это все? — спросил Петер.

Ахмед молча следил за разговором и только подмигивал, показывая, как ему весело.

На древесный уголь кладут кое-что, образующее дым, — раскрыл тайну портной.

«Кое-что»?

Портной медлил с ответом, будто размышляя, накажут ли его духи, если он расскажет все как есть.

Нечто вроде ладана, — сухо объяснил Ахмед.

И этот дым?.. — начал было Петер.

Этот дым, — решился портной, — прогоняет злых духов.

Теперь все разъяснилось, но Петеру еще хотелось знать, куда деваются пепел.

Пепел, — нерешительно промямлил портной, — высыпают в стакан с водой и хранят до следующей пятницы.

— Зачем?

— Если кто-нибудь заболит, его смазывают этой жидкостью.

— А врача не зовут?

— Многие говорят: «Я к врачу не пойду».

Возможно, потому что это стоит денег, а они бедны, — предположил Петер и спросил, чем, собственно, эти так называемые злые духи могут повредить человеку.

— Они приносят несчастье, — заявил портной, а когда Петер с недоверием посмотрел на него, добавил, пожав плечами: — Так люди говорят.

— А вы хоть раз проверяли, что произойдет, если вы не станете выкуривать духов? — не унимался Петер.

— Знаете, — ответил портной, — стоит пропустить одну пятницу, так, что бы ни случилось в эту неделю: потеряет ли человек деньги, лишится выгодной сделки или еще что-нибудь в таком роде, — он обязательно скажет: «Этого не произошло бы, если бы я выкурил злых духов».

— Весьма возможно, — признал Петер. — Но разве с вами никогда не случалось неприятностей после того, как вы произвели выкуривание в своей комнате?

— Случалось, конечно.

— Так что же?

— Но я ведь и не верю в это, — попытался оборо-

няться портной, и все трое рассмеялись, отчего портной почувствовал себя как бы приобщившимся к числу просвещенных и обратился к Петеру: — Вы даже не представляете себе, какие у нас суеверные люди.

— У нас тоже еще есть такие, — сказал Петер.

Но портному хотелось во что бы то ни стало доказать, что он заслужил честь принадлежать к людям благоразумным и всячески им содействовать.

— А вы слышали о синей бусине?

— Нет, — ответил Петер.

Ахмед снова засмеялся и кивнул.

— А видели ее?

— Не знаю, — ответил Петер.

— Темно-синюю бусину?

— Где?

— Да везде, — портной сделал широкий жест рукой. — Неужели не видели? Например, в такси, над сиденьем водителя?

— Ах, да, — сказал Петер, — бусинка, подвешенная на нитке, иногда несколько штук или даже целое ожерелье.

— Они есть почти в каждой машине, не так ли?

— Да, кажется.

— А знаете, для чего их подвешивают?

— Нет.

— Они охраняют от глаза дьявола.

— Ерунда, — вырвалось у Петера.

— Я вас уверяю, — настаивал портной. — Некоторые люди ездят только в синих машинах. — Он выглянул в окно, выходящее в переулок. — Посмотрите, вон там стоит одна такая. И подобных вещей сколько угодно! Например, талисман, который египтяне называют «хегаб». Это кусок бумаги с написанным на нем стихом из Корана. В него кладут бусину и ладан, заклеивают, и все это зашивают в шелковый или хлопчатобумажный мешочек и носят от дурного глаза.

Ахмед подтвердил слова портного и сказал:

— А помнишь, Петер, когда мы учились в Берлине, многие тогда бегали к гадалке?

Петер кивнул.

— Мы говорили, — продолжал Ахмед, — «дураки не переводятся». Никто из нас не знает, что случится завтра или даже через час. Но каждый, у кого есть

хоть капля ума, понимает, что жизнь складывается из света и тьмы, как сутки — из дня и ночи. Человек разумный старается наслаждаться светом и сориентироваться во тьме, чтобы как можно быстрее выйти из нее. Невежды же и трусы думают, будто темноту можно предотвратить при помощи какой-нибудь бусины. Конечно, неуверенность в завтрашнем дне и нужда способствуют распространению суеверий, а наш народ очень долго жил в нищете, и мы лишь недавно стали хозяевами своей жизни.

— Да, это верно, — тихо и задумчиво произнес портной. — Я живу здесь больше двадцати лет и знаю, почему мать вешает на шею новорожденному синюю бусину: жизнь редко ей улыбалась, пусть она будет благосклонна к ее ребенку.

За окном

Они вышли из пассажа, и Петер остановился, удивленно уставившись на противоположный тротуар улицы Фуада.

— Что случилось? — спросил Ахмед.

— Ивонна! — пробормотал Петер. — А мне она сказала, что на следующий день уезжает.

Ахмед последовал глазами за взглядом Петера:

— Это вот та стройная девушка, которая разговаривает с пожилой дамой с голубоватыми волосами?

Петер кивнул:

— Именно она.

— Бывает, мой милый, — ухмыльнулся Ахмед. — Может быть, ты не в ее вкусе. Откуда она?

— Из США.

Они сошли с тротуара и, оглядываясь направо и налево, быстро пересекли улицу. Ивонна как раз произнесла, улыбаясь, «good-bye» * и, повернувшись к большому универмагу, увидела Петера. Их взгляды на мгновение встретились, но каждый сделал вид, что не заметил другого. Какую-то долю секунды оба колебались, как поступить дальше, но неожиданно раздался голос, который произнес по-английски:

* До свидания (англ.).

— Здравствуйте, мисс Ивонна! Мой друг Петер много рассказывал мне о вас.

Это говорил Ахмед.

Все трое остановились.

— Вот уж неправда, — запротестовал Петер.

— Как поживаете, мистер Линкольн? — спросила Ивонна, улыбаясь.

— Великолепно, дочь революции, — отпарировал Петер, зная, что она его поймет. «Дочерьми революции» называли чопорных дам, духовно близких эпохе, предшествовавшей восемнадцатому веку. — Надеюсь, вы попрежнему чувствуете себя хорошо в Египте?

— Я не понял ни слова, — обратился Ахмед к Ивонне. — Прошу извинить меня и не думать обо мне плохо.

— Рада была с вами познакомиться, — произнесла Ивонна. — Я иду к Сикурелю за покупками. — И, взглянув поочередно на мужчин, сделала движение по направлению к универмагу.

— Выпьем потом вместе кофе, Ивонна? — сухо спросил Петер, и она так же сухо ответила:

— С удовольствием. Где?

Они договорились встретиться через час в немецком кафе на небольшой площади перед зданием суда. Петер предложил это заведение, так как еще не был там. Когда Петер и Ахмед, пройдя между машинами, стоявшими у тротуара, приблизились к месту встречи, уже начинался вечер. У края тротуара сидели на корточках мужчины, некоторые держали в руках большие трубки. Один из них как раз собирался передать свою трубку другому, когда Петер пристально посмотрел на него. Сидящий на корточках египтянин в свою очередь взглянул на Петера и, улыбаясь, протянул ему трубку. Они прошли мимо.

— Гашиш? — спросил Петер.

— О нет! Просто кальян. За гашиш дают двадцать пять лет тюрьмы.

— И все же он ввозится контрабандно?

— Газеты пишут об этом только в тех случаях, когда контрабандиста удастся задержать.

Они вошли в кафе, которое, впрочем, больше походило на столовую. Петер предложил подождать Ивонну у открытого окна. Ахмед уселся с той стороны стола, которая почти не была видна снаружи. Через откры-

то окно Петер видел небольшой узкий сумрачный двор, переходящий в переулок. По двору шатались мужчины и парни. У самого окна один из них поставил деревянные козлы с вертикальными колышками, на которые были нанизаны хлебцы в форме кренделей. Спереди к козлам был подвешен ящик, в котором навалом лежали булочки из белой муки, похожие на тонкие палочки. Женщина неопрятного вида купила полдюжины таких булочек и унесла их в руках, но вскоре вернулась и три из них бросила обратно в ящик. Вместо них она взяла крендели.

Ахмед раскрыл меню.

— Петер, а что такое «gebratene Leder» *?

— Ты хочешь сказать «Leber» **

— Здесь написано «Leder».

— Приятного аппетита.

— Спасибо. А вот еще кое-что в этом роде. — Он засмеялся и выглянул в окно. Не видя Ахмеда, какой-то парень предлагал лепешки, напоминавшие черствый омлет. Петер отрицательно покачал головой, но парень продолжал настаивать. Тогда вмешался Ахмед.

— Ля! — сказал он, и парень ушел.

— Волшебное слово, — заметил Петер.

— Попробуй произнеси его, — предложил Ахмед, когда перед окном появился другой торговец. Это был мужчина в галабии, протягивавший иностранцу корзину с плодами манго. Петер охотно взял бы плод, но как-то не решался и, кроме того, не представлял себе, как его здесь есть. Он произнес волшебное слово:

— Ля!

Мужчина не ушел и стал еще больше расхваливать свой товар.

Тогда Ахмед произнес:

— Ля!

И мужчина исчез. Ахмед засмеялся.

— Видишь ли, «ля», означающее «нет», вовсе не волшебное слово. Но эти люди, даже не старые, годами уже продают свой товар на улице и научились безошибочно узнавать иностранцев. В этом отношении Египет не отличается от других стран, живущих за счет

* Жареная кожа (нем.).

** Печень (нем.).

туризма. «У иностранца есть деньги, иначе он не приехал бы сюда. Он полон решимости истратить их здесь. Что не смогу выманить я, достанется другим. Почему же мне не насесть на него, пока он не уступит? Даже если я его немного надую, он потеряет меньше, чем я заработаю». Так примерно рассуждает каждый из этих уличных торговцев. Они прекрасные психологи, у них острый глаз и точный слух, и если не сразу при виде иностранца, то после первого же произнесенного им слова, пусть даже французского или английского, они точно определяют, откуда тот приехал. А как только торговец замечает, что с ним разговаривает араб, он понимает, что тут дело не выгорит, и уходит. Вот в чем тайна волшебного слова.

Петер снова выглянул в окно; тотчас же подошел парень, вопросительно взглянул на него и, не сказав ни слова, предложил газету на английском языке. Петер лишь покачал головой и отвернулся. Кто-то тронул его за плечо. Это был все тот же парень, так же он глядел и тем же жестом предлагал газеты, только на этот раз немецкие.

Тут же подошел другой парень с хитрым лицом. Под мышкой и в руках он держал кнуты. Один он протянул Петеру, затем, усмехнувшись с видом заговорщика, взялся за рукоятку и медленно, чтобы усилить впечатление, вытянул из кнута, оказавшегося ножами, длинный, узкий четырехгранный кинжал. Довольный произведенным впечатлением, он произнес по-английски: «Дешево», всунул кинжал в ножны и украдкой оглянулся, будто делал нечто незаконное, хотя никто не обращал на него ни малейшего внимания. Видимо, это входило в программу продажи.

— Дешево, — повторил он, — только двадцать пять пиастров, четверть фунта только.

У соседнего столика официант в белой куртке разговаривал по-немецки с двумя мужчинами, с которыми он, казалось, был немного знаком.

— Сколько это стоит? — спросил один.

Ахмед и Петер прислушивались к разговору, так как ждали этого же официанта.

— Фунт за бутылку, — небрежно бросил официант.

— Ничего себе, — несколько неуверенно протянул посетитель, — говори делом, сколько?

— Ну ладно, давайте шестьдесят пиастров.

Затем официант подошел к столику Ахмеда и Петра, и они заказали по стакану сока манго.

— Это он, конечно, забавлялся, — сказал Ахмед. — У арабов забава и дело нераздельны. Многие запрашивают высокие цены, но если им сразу платят, они, хоть и довольны, что заработали, не получают от сделки никакого удовольствия. Интересно поторговаться. Потребовать фунт за вещь, которая стоит половину, затем сбавить цену до восьмидесяти, семидесяти, шестидесяти и наконец получить за нее пятьдесят пять, то есть пять пиастров сверх ее цены, — вот это сделка, это доставляет радость!

Ахмед говорил с таким оживлением, будто, рассказывая о трюках своих соотечественников, сам испытывал торговый азарт.

Тем временем перед окном появился новый субъект. Он играл свою роль, как актер в детективном фильме. Этому человеку было, наверно, лет тридцать, на нем была не галабия, а коричневый костюм, хотя и сильно поношенный, но еще приличный. Галстук отсутствовал, и верхняя пуговица на светлой полосатой рубашке была расстегнута. Левую руку человек держал в кармане пиджака. Не вынимая ее, очень таинственно, с большой опаской, он поднес карман к глазам Петра и тут только высунул наружу большой и указательный пальцы, между которыми на миг блеснуло кольцо с изумрудом и сверкающими камешками. Затем рука поспешно погрузилась обратно в карман.

— Нашел на улице, — шепнул мужчина, — очень дешево! Десять фунтов!

— Ля!

Карман пиджака снова приблизился к глазам Петра, снова вынырнули пальцы, на этот раз они сжимали ручные часы.

— Четыре фунта, — прошептал мужчина.

— Ля.

— Очень дешево. Три фунта.

— Ля.

— Мне нужны деньги. Два фунта.

Но когда и эта цена не соблазнила покупателя, египтянин, забыв о таинственности, внезапно преобразился в почтенного купца, совершенно открыто вытащил

из другого кармана пиджака темные очки и предложил их купить по случаю за три фунта.

— Такие очки ты можешь получить в магазине за двенадцатую часть этой суммы, — спокойно сказал Ахмед, бросил торговцу несколько слов по-арабски, и тот исчез в темноте переулка.

Но вслед за ним к окну приблизился старик в темной галабии и помахал блестящим браслетом цвета серебра:

— Первоклассный браслет для первоклассной дамы.

Для ассортимента он вытащил из-под мышки плоский пакетик в целлофане:

— Первоклассная китайская сумка для первоклассной дамы.

Сверху он положил еще цветные открытки, затем марки и предложил браслет, сумку, открытки и марки, все первоклассное, за смехотворную цену в двадцать пять пиастров.

— Минимум восемнадцать он на этом заработает, — прокомментировал Ахмед.

Петер ничего не купил, и, очевидно, во дворе стало известно, что он только делает вид, будто хочет что-то приобрести, и что к тому же рядом с ним сидит араб. Торговцы больше не показывались у окна. Вместо них в полутемном дворе появился седобородый старик. Он снял со спины шарманку и начал крутить ручку. Из ящика полилась однотонная арабская мелодия. Звуки тамбурина, по которому слабо ударял маленький мальчик, не только не оживляли, а скорее делали ее еще монотоннее. Затем старик заиграл модную западную песенку, а мальчик, протягивая тамбурина, подошел к окну и большими глазами выжидательно посмотрел на иностранца. Петер взглянул на Ахмеда.

— Дай ему пиастр, — сказал тот.

Мальчик взял монету, сунул ее себе в карман, опустил тамбурина и протянул Петеру ручонку.

— Сигарету! — сказал он и показал на старика с шарманкой, который, улыбаясь и кланяясь, заранее благодарил за персональный подарок.

— Час почти прошел, — сказал Ахмед.

— Ты соскучился по Ивонне? — спросил Петер.

— Нет, но любопытно.

Снова потянулся караван торговцев, но Петер поч-

он утратил к ним интерес. Один предлагал графин со стаканом, другой держал в руках птицу, третий продавал нижние сорочки, четвертый — табачные изделия. На него Петер посмотрел пристально — ему показалось, что египтянин слеп на один глаз.

— Трахома, — сказал Ахмед, когда торговец отошел. — Скверная глазная болезнь здешних мест. Переносится мухами. Больные слепнут, если не обращаются к врачу.

— А есть такие, что не обращаются?

— Ну, теперь в этом отношении стало уже гораздо лучше. Но не думаешь же ты, что англичане беспокоились о том, кто здесь болен и кто здоров?

Мимо прошел полицейский в белом костюме с желтым поясом и в белом шлеме. Тучный человек в белой галабии — он не поднимал глаз, и это придавало ему таинственный вид — встретил знакомого, пожал ему руку и тут же что-то зашептал на ухо. Торговцы снова предлагали браслеты, бумажники, ковровые дорожки.. мальчишка лет четырнадцати в грязной галабии стоял перед окном, широко раскрыв рот, и маленьким грязным кулаком делал быстрые движения, как бы поднося еду ко рту. Мужчина без обеих рук, сжимавший культиями голубоватый листок, опустил его на подоконник. Испуганный Петер не знал, что делать.

— Это лотерейный билет и к тому же очень дорогой, — определил Ахмед и сказал инвалиду несколько приветливых слов. Тот смочил культю слюной, прижал ее к лотерейному билету и забрал его.

Шарманка играла песню о ласковых ночах на Капри.

Экзотика и нильская грязь

Как это бывает в кино, когда монтируются два кадра, на экзотической террасе у подножия пирамид какая-то итальянка, с виду похожая на светскую даму, пела ту же сентиментальную песню. Время приближалось к половине десятого.

Ивонна предложила отправиться сюда. Ведь этот вечер был для нее действительно последним в Каире, если только она не получит опять особого поручения, «как неделю назад». Эти слова были обращены к Ахмеду,

но предназначались Петеру. Короче говоря, ей хотелось поехать на террасу, тем более, что это было совершенно безопасно — без пиджака в такой вечер там было бы слишком прохладно. При этом она улыбнулась Петеру, а он, улыбнувшись ей в ответ, сказал:

— Линкольн ведь тоже не был догматиком и не снимал пиджака только для того, чтобы досадить женщине.

Выйдя из светлых сумерек парка и поднявшись по короткой каменной лестнице, они ступили на террасу. Посетителей было еще мало. Старший официант в черном костюме предложил им на выбор столики рядом с площадкой для танцев или подальше, где спокойнее. Они выбрали места у балюстрады, обрамленной вьющимися растениями и цветами. Недалеко от них поднимались стройные пальмы, освещенные снизу ярким или рассеянным светом. В густых кустах висели цветные фонарики. На столах стояли яркие цветы в фарфоровых вазах, основания которых источали бледный свет. Обстановка напоминала навеянный волшебной сказкой сон. А над всем этим висел серебряный серп луны, ее сияние пробивалось сквозь листья пальмы, на бархатном куполе неба горели белые огни звезд.

Столик был убран словно ненароком набросанными цветами, а кроме того, официант принес Ивонне венок из сладко пахнущего жасмина. Она надела его на шею так, что вырез ее облегающего платья из светло-серой парчи остался открытым. Белый жасмин еще ярче оттенял золотую цепочку на ее шее и восточные серьги в форме колокольчиков, которые Петер видел на ней впервые. Казалось, что их звон привлек на ее плечи цветы.

Певица пела в сопровождении итальянского джазового трио. Ее черное вечернее платье украшал венок из белого жасмина и роз, руки были обвиты браслетами из жасмина. Когда она пела, то в такт музыке слегка покачивала бедрами. Голос ее был манящим, как ночь.

Терраса вдруг заполнилась посетителями, будто они сговорились между собой. В половине десятого было принято ужинать. Мужчины были одеты в черные костюмы или белые пиджаки и черные брюки, женщины — в нарядные платья с широкими юбками, легкими, как дуновение, но сохранявшими свою форму не хуже церковного колокола благодаря нескольким тугоakraхма-

нишим нижним юбкам конусообразного фасона. Петеру даже почудилось, что, когда красавица, осторожно переступая на шпильках, задевала подолом стул и возмущенная ткань, не сминаясь, колыхалась вокруг ее ног, раздавался звон серебряных колокольчиков.

Он попросил у официанта карточку блюд из бара-шны.

Ахмед, сидевший напротив Ивонны, завел с ней разговор, которому, казалось, не будет конца. Петер из нежливости делал вид, будто прислушивается к беседе, на самом же деле старался незаметно рассмотреть посетителей. Он знал, что из-за Суэцкого кризиса в Египте в те месяцы было мало иностранцев. Туристские группы приезжали редко, еще реже задерживались на долго одиночки или пары. На террасе собрались почти одни египтяне: мужчины лет тридцати или старше с красивыми, стройными, гибкими дамами. Женщины вели себя сдержанно, и только блеск их темных глаз говорил о том, что они умеют быть весьма оживленными. Было и несколько иностранцев. Эту блондинку, например, Петер уже видел где-то несколько недель назад. Ее, бесспорно, самое дорогое платье слишком бросалось в глаза; на пальцах, в ушах, на руках и на шее сверкали драгоценности. Высокая и стройная, она со спины казалась молодой, но лицо у нее было потрепанное, помятое, слишком сильно накрашенное. Даму и в этот раз сопровождал мужчина на полголовы ниже ее, с лысиной в форме полумесяца, то ли возникшей естественным путем, то ли выбритой по прихоти женщины специально для поездки на Восток. Судя по вялым движениям губ этой пары, они говорили по-английски.

Как ни странно, свет, хотя и приглушенный, не привлекал на террасу мух и других насекомых.

Иерархия официантов и здесь тщательно соблюдалась. Встречал гостей метрдотель, весь в черном, официанты в черном и белом принимали заказы, записывали и передавали одному из многочисленных разносчиков блюд, которые были одеты в яркие галабии и молча, с каменными лицами, обслуживали посетителей.

На закуску предлагали на выбор двадцать различных блюд, затем куриный бульон, форель с растопленным маслом и картофелем, баранину с молодой фасолью и жареной картошкой, салат и помидоры, моро-

женое и фрукты в корзинах — апельсины, манго, бананы, а также черные финики и инжир со льда в хрустальных вазах. На столах стояли графины с водой, редко — пиво или вино.

Петер отделялся односложными замечаниями, хотя был в прекрасном настроении. Ему просто нравилось наблюдать за тем, что происходило вокруг. Он стал прислушиваться, когда Ивонна со свойственной американцам бесцеремонностью, порой наивной, но чаще бестактной, заявила:

— Ну конечно, мой ужин будет стоить не меньше полуторамесячного дохода большинства египтян. По официальным данным рекламной листовки об освобожденной провинции Ат-Тахрир, средний доход большинства египтян составляет шесть египетских фунтов в год, или пятьдесят пиастров, то есть полтора доллара в месяц. Мой ужин стоит семьдесят пиастров, с чаевыми больше, чем полуторамесячный доход египтянина. Что вы на это скажете? — спросила она Ахмеда.

— Такого, конечно, в США не бывает?

— Конечно, нет!

— Это хорошо, — произнес Ахмед. — Шесть фунтов в год действительно слишком мало. Но я как-то читал, что, по официальной статистике, десять миллионов американских семей имеют доход, который не подлежит обложению налогом. Им, наверно, тоже туго приходится.

— Но и они, конечно, имеют все же больше, чем египтяне.

— Возможно. Но и денег им нужно больше!

— Безусловно!

— К тому же не следует забывать, что последние английские солдаты ушли из США почти двести лет назад, а из Египта — только в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году.

— Но нельзя же во всем винить англичан!

— Конечно, нет.

— Тем не менее вы это делаете.

— В самом деле, не следует забывать и французов, — усмехнулся Ахмед.

— Ну, еще бы, они тоже виноваты!..

— Вы отлично понимаете, что я хочу сказать. Французы и англичане каждый год получали от Суэцкого ка-

шла тридцать пять миллионов фунтов прибыли, что составляет полтора фунта, или около пяти долларов, на душу населения Египта, иначе говоря, трехмесячный доход большинства египтян. Эти деньги они каждый год вынимали из нашего кармана. Это вам ясно?

«Я люблю тебя до самой моей смерти...», — пропела по-английски певица.

— Я имею в виду вот что, — с раздражением сказала Ивонна. — Англичане и французы виноваты во многом, спору нет, но и египтян тоже нельзя полностью оправдывать. Тут вы меня не переубедите. Кто им мешал лучше хозяйничать и сделать свою страну индустриальной?

— Кто?

— Да, кто?

— Хорошо, — сказал Ахмед. — Были, действительно, египтяне, которые из собственных интересов стояли на стороне богатых иностранцев и не думали о бедняках Египта. Признаю. Но что произошло, когда люди, которые сбросили короля и его шайку, захотели осваивать новые земли и строить заводы?

— Им понадобились деньги, — сухо бросил Петер, и Ивонна откинулась на спинку стула, как будто очень довольная тем, что разговор продолжают мужчины.

— Конечно, им понадобились деньги, — Ахмед по-прежнему обращался к Ивонне. — Они даже составили грандиозный план, предусматривавший не только создание «провинции освобождения», но и сооружение огромной плотины на Ниле у Асуана, вблизи суданской границы.

— Это я знаю, — прервала Ахмеда Ивонна.

— Сейчас кончу. Вы знаете также, что американское правительство предложило Египту кредит в сотни миллионов долларов, но с условием, что оно будет контролировать хозяйство страны и расходы правительства на сооружение плотины, будет определять, конечно, кто получит заказ на строительство, да и все остальное тоже, — короче, будет осуществлять контроль над всем Египтом и перекачивать его богатства в Америку.

— Разве не прекрасны эти пальмы? — спросила Ивонна.

Ахмед удивленно посмотрел на нее и машинально ответил:

— Конечно, прекрасны.

— К чему толковать о таких серьезных материях, вместо того чтобы наслаждаться прекрасным вечером? — спросила Ивонна с наигранной озабоченностью. — Извините, но Петер ведет себя благоразумнее.

— Благоразумен тот, кто не возражает Ивонне, — заметил Петер.

— Правильно, милый, — ответила она. — Ваш друг разговаривает со мной так, будто я миллионерша. Но я ведь не миллионерша.

— Вы — нет, но, может быть, ваш издатель? — сказал Ахмед.

Ахмед ушел. Он распрощался с видом некоторого превосходства, когда из-за соседнего столика поднялись двое его знакомых.

— Бизнес. — извинился он перед Ивонной, — на редкость удачный случай поговорить с нужными людьми.

Ивонна нашла, что Ахмед неплохой собеседник, умный, находчивый, не лишенный чувства юмора, но то, что он ушел, ее не огорчило и не могло испортить остаток вечера. Если Ивонна еще попадет в Египет, он может ей пригодиться — ведь по нему можно судить о настроении в стране, и она попросила Петера дать ей номер телефона Ахмеда.

— 80180... а дальше я не скажу, пока вы не сознаетесь, для чего он вам нужен.

— Я собираюсь пофлиртовать с ним, — солгала она.

— Это веская причина, — Петер назвал последнюю цифру. — А что мы теперь будем делать?

— Танцевать, — ответила она.

Он взял ее за талию. Она танцевала легко и просто. Места было мало, и всякий раз, когда им приходилось уступать дорогу другой паре, их тела соприкасались, но они делали вид, что не замечают этого, и немедленно восстанавливали дистанцию.

— Вам не кажется странным, что вы и я сидим здесь вместе? — спросила она, когда они возвратились к своему столику.

— Быть может, странно, — сказал он задумчиво, шутливым тоном, — быть может, весело, быть может, ин-

терпено, быть может, поучительно, быть может, больше, быть может, меньше. Этого я еще точно не знаю. Пути судьбы неисповедимы.

— Из-за такого количества «быть может» вы так ни на что и не решитесь, — съязвила она.

— Быть может, — упорно повторил он.

— Что бы сказали у вас дома, — продолжала она в том же тоне, — если бы узнали, что вы — гражданки коммунистического государства — танцуете с капиталисткой?

— Вы, значит, все-таки миллионерша? — спросил Петер.

— Почему?

— Потому что назвали себя капиталисткой.

— По своей идеологии, скажем. Я ведь все же пришла из буржуазной страны.

— Вы, значит, капиталистка с идеологией, но без капитала.

— Хватит острить, отвечайте! Что бы сказали у вас дома?

— Во всяком случае, поинтересовались бы, а есть ли у вас хотя бы эротический капитал?

— Во всяком случае! Я, впрочем, во время танца подумала нечто подобное.

— И поэтому заговорили о капитализме и коммунизме?

— Не могла же я заговорить об эротике.

— Почему, собственно?

— Большинство американцев не признают чувства. Только money * и sex **.

— В это я не верю.

— У вас есть опыт в этой области?

— Слишком мало. А у вас?

— Я была замужем.

— Уже?

— Темпы у нас иногда сногшибательные. Но вы так и не ответили на мой вопрос серьезно.

— Серьезно?

— Именно.

— Мне бы больше хотелось еще раз потанцевать с вами.

* Деньги (англ.).

** Пол (англ.).

Обняв ее, он сказал:

— Лучше танцевать, чем драться. А серьезно я отвечаю так: мы везде ищем контактов и не боимся их, как вы.

Они пошли танцевать.

— Как можно более тесных контактов, кажется, — заметила она.

— Если того требуют обстоятельства, — отпарировал он. — Даже на маленьком пространстве можно ладить друг с другом.

Они спустились по каменной лестнице к выходу в парк, дорожки которого скудно освещались цветными фонариками. За этим полумраком лежала тьма, полная, казалось, тайн. Рядом, чуть не задев их головы, промчалась летучая мышь. Кошка прошмыгнула в кусты. У стены гостиницы был привязан ослик, он стоял неподвижно, будто спал. Мимо, словно привидение, бесшумно проскользнул человек в белой галабии. Они вышли на свет.

— Знаете, где я еще ни разу не была? — спросила Ивонна. — В Сахара-сити.

— Я тоже.

— Если завернуть туда, мы потеряем каких-нибудь четверть часа.

Таксист взялся найти ночью дорогу в пустыню, но увидели они не много. Несколько раз они проезжали словно через ущелья.

— Стены гробниц, — пояснил водитель.

Затем далеко впереди в пустыне показались огни и они поняли, что, описав большую дугу, движутся по направлению к ним. Петер и Ивонна попросили остановить машину и вышли.

В пустыне было тихо и очень темно, серп луны исчез, над мраком в вышине мигали и сверкали звезды; одни искрились, другие излучали ровное белое сияние. В свете фар виднелись неясные очертания дороги. Они попросили выключить фары.

Ни звука — тишина как в могиле. Ни огонька — сплошная тьма, полная неясных предчувствий. Кругом ни души — глубокий покой на грани между жизнью и смертью.

Сахара-сити состоял из нескольких охотничьих шатров свергнутого короля, которые ловкий делец превра-

гил в бары. Пестрые фонарики висели здесь на искусственной пальме, венки были сплетены из бумажных цветов. В этот вечер шло представление, устроенное с благоговительной целью, и в главной, самой большой палатке яблоку негде было упасть.

— Подождите, пожалуйста, пока кончится танец. Тогда я провожу вас на место, — сказал метрдотель Петеру и Ивонне, остановившимся у входа.

На сцене, расположенной у противоположной узкой стенки палатки, египетская танцовщица исполняла танец живота. Верхнюю часть ее тела прикрывал только узкий бюстгальтер. Сквозь широкую черную тюлевую юбку до пят проглядывали голубые плавки, настолько крохотные, что даже пупок оставался открытым. При виде ее мясистого тела Петеру вспомнилось замечание портного-португальца:

«Египтянам нравятся полные женщины с широкими бедрами».

Но и в этой области, очевидно, произошли изменения. Чтобы убедиться в этом, достаточно было посмотреть на стройных грациозных египтянок, сидевших в зале рядом со своими мужьями. В тех слоях общества, которые были здесь представлены, женщины не закрывали лица и головы, не носили покрывал и платков. Мужчины все были в костюмах, Петер не обнаружил ни одного в галабии.

Он и раньше слышал о танце живота. Ему рассказывали, будто этот танец действует возбуждающе, будто он груб и даже непристойен. Ничего подобного он не заметил. Смуглое тело танцовщицы двигалось с размеренной ритмичностью, его гибкость вызывала у зрителей спокойное восхищение. Время от времени танцовщица делала несколько шажков по сцене, но в основном ее несколько откинутае назад тело, напоминавшее широко открытый серп луны, почти не двигалось, а лицо сохраняло отсутствующее выражение, точно она спала.

Танец, как оказалось, был разработан весьма тщательно. Телодвижения, вначале сдержанные, постепенно становились все более эмоциональными, и под конец зритель становился свидетелем экстаза. Верхнюю часть туловища танцовщица откидывала далеко назад, груди ее напрягались, изогнувшееся тело содрогалось в страст-

ных конвульсиях, на лице появлялось выражение восторга. Но даже в этот кульминационный момент танец сохранял известную сдержанность.

У входа в палатку в ожидании мест стояли посетители. Один из них окликнул Ивонну.

— Хэлло, Боб,— ответила она.

— Нет смысла торчать здесь, — сказал он, — пойдемте лучше в бар гостиницы. Я угощаю.

— Хорошо, — согласилась она, — поезжайте вперед и закажите для меня тоже, я приеду.

Он ушел. Петер и Ивонна поехали на своем такси обратно через пустыню.

— Пойдете в бар? — спросила Ивонна. — Боб — мой коллега и земляк.

— Нет.

Перед гостиницей, в которой остановилась Ивонна, они вышли из машины. Прелестный вечер манил Петера пройти пешком через мост, который начинался вблизи гостиницы и кончался на той стороне — недалеко от его дома. Ивонна согласилась, что вечер действительно сказочно хорош: не душно и не холодно.

— Не пойду в бар, — заявила она и взяла его под руку. Они прошлись немного по берегу Нила. Мосты были обрамлены гирляндами темно-синих фонарей, но Нил был скрыт мраком. Темная поверхность воды сливалась с линией берега.

— Мне страшно, — сказала Ивонна и прижалась к руке Петера.

Они повернули обратно. Дальше все произошло очень быстро. С Нила раздался голос, как будто звавший на помощь. Потом ясно послышалось: «Ивонна!». Они быстро пошли на зов, и Петер крикнул по-английски:

— Есть там кто-нибудь?!

— Помогите! — ответили ему.

— Да ведь это же Боб! — воскликнула Ивонна. — Где же он?

Боб видел, как Ивонна и Петер подошли к гостинице и затем снова исчезли в темноте. Почему-то он решил последовать за ними, но потерял их из виду, и, стараясь снова найти, очутился на сходнях. У самого берега, поскользнувшись, он рухнул в воду. К счастью, падая, Боб успел хватиться за сходни, иначе бы его

неминуемо засосало илом. Теперь он стоял по пояс в иловом иле, судорожно цепляясь за сходни и чувствуя, что силы покидают его.

Петер осторожно сошел с набережной и спустился к сходням. Он слышал, как рядом кто-то кряхтит и гонит от напряжения. Затем к нему, широко расставив ноги, стало приближаться какое-то существо. Бобу удалось выбраться наверх, но передвигался он крайне медленно. Петер повернул к набережной. Боб, чертыхаясь, ковылял за ним.

— Немедленно в гостиницу! — воскликнула Ивонна.

— Это невозможно! — выпалил Боб. — В таком виде! Вся гостиница будет потешаться надо мной. Немедленно разнесется слух, что я пьяный упал в воду, или что я выслеживал вас, или что-нибудь в таком же духе. И какой-нибудь мошенник из конкурирующей газеты еще тиснет заметочку под заголовком: «Покушение на самоубийство».

Но что же вы собираетесь делать? — спросила Ивонна.

Боб, казалось, нашел выход из положения.

— Это несчастный случай, — заявил он, продолжая стоять на широко расставленных ногах у самого края набережной. Петер и Ивонна держались на почтительном расстоянии от покрытого илом американца, тем более, что от него исходил пренеприятный запах гнилой воды.

— Без сомнения, — подтвердил Петер, с трудом подавляя смех, который овладел им, как только прошел первый испуг.

— Мне пужны другие брюки.

— Очевидно, — согласился Петер.

— Ивонна, вы живете в той же гостинице, что и я. Возьмите ключ от моего номера и принесите мне брюки.

Ивонна громко рассмеялась.

— Сумасшедшая идея! Мне взять брюки из вашего номера и принести их сюда! Вы действительно пьяны, Боб!

— Пожалуйста, Ивонна, сделайте это для меня, — измолился он. — Не могу же я в таком виде пойти в гостиницу, чтобы за мной тянулись мокрые следы.

— Тогда подождите, пока закроют бар и гости разойдутся.

— И до трех часов утра я буду торчать здесь, весь облепленный илом, — скулил он.

— Ил скоро высохнет, — успокаивала его Ивонна, — и при вечернем освещении почти не будет виден. Он ударил рукой по своим брюкам.

— Они уже почти сухие.

— Вот видите... Пошли!

— Не убегайте! — крикнул он. — В гостинице вам придется меня загородить. Я спрячусь за вами.

— Ладно, — решил Петер. — Надо помочь бедняге.

Когда они проходили через запасной вход и шли к лифту, Боб то шагал между Петером и Ивонной, то прятался за их спинами, то снова забегал вперед.

— Заходите, — произнес он с облегчением, очутившись перед своей дверью, — вы честно заслужили рюмочку виски.

При свете Петер рассмотрел брюки Боба. Они были похожи на помятые печные трубы и казались не менее твердыми, чем жесть. Петеру хотелось посмотреть, как Боб будет их снимать, и он, кивнув Ивонне, принял приглашение.

— Прошу, — сказал Боб, — вон там стоит виски, — и заковылял в ванную.

Невозможно было разобрать, где кончаются его ботинки и начинаются брюки. Он шел словно на глиняных столбах.

— Поделом ему, — заметил Петер, наполняя рюмку. — Он ведь бултыхнулся в воду, пытаясь выследить нас. Могло плохо кончиться, а получилось очень забавно. Ваше здоровье, Ивонна! Может быть, он ревнует?

— Никаких оснований, — сказала она. — Он безнадёжно нормален, а я, наверно, склонна к эксцентричности, иначе не находилась бы с вами в номере гостиницы. Ваше здоровье! — закончила она и шутливо шлепнула его.

Вдруг из ванной раздался крик:

— Я не могу стянуть с себя штаны! Они стали как каменные! Помогите мне! — Дверь из ванной распахнулась. — Я сорвал спереди все пуговицы, но дальше ничего не получается.

Пиджак Боб снял. Рубашка была вся в пятнах, конец галстука превратился в ком глины. Руки Боба были черными, лицо и шея измазаны. Через растегнутые

рюки виднелось совершенно черное белье. Глядя на эту картину, Петер разразился громким хохотом, Ивонна присоединилась к нему.

— Выпейте сначала виски, — сказал Петер. — Так! Ваше здоровье! А брюки, — он постучал по ним, — нам не снять. Видите, сколько глины несет с собой Нил, поэтому его воды так плодородны.

— Разрежьте, — посоветовала Ивонна.

— Хорошие штаны! — возразил Боб, не желавший терять свое имущество.

— Во всяком случае, удобренные, — засмеялся Петер. — Тогда есть только одно средство. Ванна уже наполнилась. Садитесь в нее прямо в брюках, и они снова обретут гибкость. Спокойной ночи.

— Подождите, — крикнул Боб, — не можете же вы меня так оставить! Я едва двигаюсь, с этими негнущимися трубами на ногах мне ничего не стоит утонуть в ванне.

— Ну, живо, — скомандовал Петер, — лезьте в поду!

Боб сел на край ванны, поднял ноги, но, потеряв равновесие, плюхнулся вниз. Вода выплеснулась через край и залила пол. Боб захлебнулся, откашлялся, судорожно задвигался и наконец выпрямился.

— Вот и все, — сказал Петер, — желаю вам в следующий раз удачнее охотиться за информацией. И кланяйтесь от меня Нилу!

Богачи и батраки

— Слово «бер» на протяжении тысячелетий означает «склад», — сказал агроном-египтянин, — а «нашт» — «пшеница». Следовательно, «бернашт» — это склад пшеницы. Здесь еще во времена фараонов находилась житница, это подтверждается тем, что недавно в песке обнаружили древний склад.

— Где? — спросил Петер.

— Недалеко отсюда. На краю пустыни.

— Замечательная находка! — воскликнул Петер. — Можно пойти туда?

— Конечно, — засмеялся египтянин, — и кто знает, может быть, это один из складов библейского Иосифа?

Петер находился в шестидесяти километрах к югу от Каира, где раскинулось целое объединение из семи деревень с населением до пятнадцати тысяч человек.

Врач из Социального центра* отправился вместе с Петером в деревню, носившую легендарное название Бернашт. Серые каменные стены домов под плоскими крышами издали казались скалистой крепостью, над которой кое-где возвышались пальмы. Дорога, ведущая от центральной улицы в деревню, тоже была каменистой и к тому же ухабистой. Никто им не встретился. В самой деревне они шли между высокими серыми оградами с широкими запертыми воротами. Врач постучал в одни из таких ворот, они чуть приоткрылись. Петер и врач вошли внутрь и оказались в большом дворе, с трех сторон обнесенном каменной стеной, а с четвертой — замыкавшемся широким одноэтажным зданием с плоской крышей, сложенным, как и ограда, из крупных камней.

Гостей, видимо, ждали. Во дворе, похожем на неровный, бугристый темный ток, стояли скамья и крепкие деревянные стулья. Находившиеся здесь несколько мужчин при виде врача приветливо заулыбались. Но сейчас же все повернулись к дому, в дверях которого появился старик с седой бородой, одетый в черную галабию и белую шапочку. Слегка опираясь на палку, он дошел до середины двора, с ласковой улыбкой пожал руку врачу, а затем так же сердечно поздоровался с иностранцем.

— Салам!

— Это шейх Хассим Сайат, — сказал врач.

— Салам, — произнес Петер и добавил слово «шейх» в арабском произношении: «тшех».

* Социальные центры существовали в Египте до революции 1952 года, но их было мало, и они были плохо обеспечены оборудованием и кадрами. 16 марта 1954 года Постоянный совет социального обслуживания принял решение о создании объединенных социальных центров с амбулаториями, больницами, школами и агрономическими пунктами, каждый из которых обслуживал бы группу деревень с населением 15 тысяч человек. Задача центров — способствовать улучшению жизненных условий в египетской деревне, в частности пропагандировать передовые методы ведения хозяйства феллахами. Первый новый Социальный центр начал функционировать 13 июля 1955 года в Бернаште. О нем рассказывает автор. Всего предполагается создать более 800 социальных центров.

Шейх сел, оперся руками на палку и добродушно и внимательно посмотрел на посетителей.

Лишь после этого остальные стали здороваться с гостями и рассаживаться вокруг шейха. Те, кому не хватило места, продолжали стоять.

Вы пьете кофе? — радушно спросил шейх.

Только масбут, — ответил Петер, и все весело смеялись, оценив вежливость иностранца, который произнес слово на их языке. Один из молодых людей пошел в дом и вскоре вернулся с подносом в руках. Из маленького медного кофейника он в маленькую чашечку налил сваренный по-турецки кофе — его подавали вместе с осадком — и предложил ее иностранцу. Врач тоже взял чашечку кофе, и, когда началась беседа, оба они держали в руках блюдца. Врач сообщил, что Петер хочет узнать, как живет деревня и как ей помогает Социальный центр.

Шейх кивнул и посмотрел на Петера. Тот спросил:

Могу я задавать вопросы?

— Любые.

У всех был теперь серьезный вид. Петера не интересовали статистические данные — их он мог с таким же успехом получить в центре. Ему хотелось по душам побеседовать с феллахами. Поэтому он начал разговор подалека — с высоких финиковых пальм, росших вокруг, и лица крестьян расплылись в улыбке.

— Сколько пальм в вашей деревне? — спросил он.

Феллахи переглянулись, прикинули и решили, что не меньше десяти тысяч.

— А может, и все двенадцать, — подсказал кто-то.

— А кому они принадлежат?

Шейх сделал широкое движение рукой:

— Жителям деревни.

— У каждого есть пальмы?

На это полный человек лет сорока ответил, что у одного много пальм, у другого — мало, а у некоторых нет совсем, и они вынуждены арендовать деревья.

— Это сын шейха, — шепнул Петеру врач.

— Сколько же платят за аренду? — поинтересовался Петер.

— Пятьдесят пиастров в год.

Остальные кивнули.

— А сколько можно заработать на одной пальме?

— Египетский фунт.

«То есть сто пиастров. Иными словами, арендаторы получают сто процентов дохода», — подумал Петер. Ему показалось, что они находятся в очень выгодных условиях.

— Один фунт при самом высоком урожае? — спросил он.

— Да.

Это звучало уже более убедительно.

— А почему владелец сдает деревья в аренду? Он ведь мог бы нанять рабочих, снять урожай и заработать таким образом больше.

— Ну нет.

— Почему же?

— За деревьями нужно ухаживать, а это надо уметь. Положение постепенно прояснялось, но Петер не успокоился:

— А как специалист ухаживает за пальмами?

— Он производит искусственное опыление.

Петер уже знал, что в этом районе по желанию владельцев производится искусственное осеменение коров, но об искусственном опылении деревьев слышал впервые.

— А как это делается? — спросил он.

Теперь с увлечением заговорили все сразу, и Петер никак не мог уяснить себе, что же именно происходит с деревьями. Но он понял, что один из присутствующих, стройный худощавый человек лет тридцати пяти, сам владелец финиковых пальм, и у него постепенно выудил пужные сведения.

Оказалось, что есть деревья мужские и женские, примерно тысяча мужских на десять-одиннадцать тысяч женских, причем одно мужское дерево может оплодотворить не меньше тридцати женских. Опыление можно предоставить случаю, а можно осуществлять искусственным путем.

— Да, но как?

— Хозяин пальм ждет, пока распустятся мужские цветы. Тогда он снимает их, забирается на женское дерево и подвязывает мужские цветы к женским.

— И цветок остается там?

— Двадцать дней.

«Какая трудная кропотливая работа!» — подумал Петер. Теперь ему стали понятны и отношения между

владельцем пальмы и арендатором. Не вкладывая никакого труда, владелец получал за аренду столько же, сколько мог заработать арендатор, проделав тяжелую и сложную работу, да и то лишь в том случае, если ему удавалось получить максимальный урожай.

Петер от души поблагодарил египтян за объяснение и, прежде чем перейти к социальной структуре деревни, задал еще несколько вопросов:

— Так как рядом со мной сидит врач, — шутливо сказал он, — мне бы хотелось знать, довольны ли крестьяне медицинским обслуживанием?

— Меня в центре вылечили, — крикнул один. Это был феллах Салама Сакари.

— А чем вы болели?

— Шистозоматозом.

— Заразились от нильской воды?

— Да, — сказал врач.

Феллах рассказал, что у него при мочеиспускании выделялась кровь, что он страдал от болей в мочевом пузыре и постоянно чувствовал слабость. Врач сделал ему за месяц двенадцать уколов. Это его вылечило.

— С тех пор я чувствую себя на двадцать лет моложе и снова могу работать, как прежде, — заключил он.

— Больница у нас хорошая, — добавил его сосед, мучившийся прежде от почечных колик, и с благодарностью посмотрел на врача. Шестнадцатилетний парень, по имени Саки, энергично закивал головой. У него была паховая грыжа, он не мог поднимать тяжести. В больнице его оперировали, теперь он крепок, как дуб.

— Где вы работаете? — спросил Петер.

— Ну, на земле.

— А у отца есть земля?

— Нет.

— Вы работаете у крестьянина?

— Да.

— А у меня два феддана земли, — гордо заявил Салама, тот самый, который вылез из шистозоматоза.

— А у вас сколько? — обратился Петер к сыну шейха.

— Да федданов двенадцать будет, — сказал тот, но все, за исключением шейха, посмотрели на него и улыбнулись. Петер понял, в чем дело.

— Немного больше, наверное, — сказал он.

— Может быть, пятнадцать, — согласился тот.

— Двадцать, — надбавил Петер.

Теперь смеялись уже все, даже сам сын шейха.

— Ну, может, и двадцать, — протянул он.

— А может, и тридцать! — воскликнул Петер, и все расхохотались.

— Нет, двадцать, — сказал сын шейха со смехом, но, казалось, все же немного смущенно.

— Двадцать восемь?

Снова раздался смех.

Сошлись на двадцати.

— Из живности, — сообщил сын шейха, — у меня шесть коров, два буйвола, шесть лошадей, два осла и пять кур.

— Пятьдесят кур?

— Нет, пять, — повторил он под общий смех. — И, — он повысил голос, — у меня есть трактор. Вот он стоит.

Молодой рабочий подошел к трактору, взобрался на него, и, громко тарахтя, машина поехала по двору. Шейх с сыном, феллахи и врач провожали ее гордым взглядом. Чтобы еще больше удивить зрителей, сын шейха что-то крикнул водителю, тот нажал рычаг, лемехи опустились, и плуг начал распахивать двор, будто это было поле.

Все присутствующие так восхищались чудо-машиной, что им казалось недостаточным показать ее действие всего лишь на нескольких метрах. Трактор ездил взад и вперед до тех пор, пока не вспахал почти половину двора.

— Вы, наверно, не в состоянии своими силами обработать землю? — спросил Петер, когда трактор смолк.

— Нет.

— У вас есть работники?

— Да.

— Сколько они получают?

— Пятнадцать пиастров в день, — выпалил сын шейха, но в глазах его было выражение некоторой неуве-

ренности, и Петер вспомнил разговор о двенадцати, пятнадцати и двадцати федданах земли.

— Может быть, десять? — спросил он.

— От десяти до пятнадцати, — уточнил сын шейха.

Петер узнал, что в деревне Бернашт две тысячи федданов пахотной земли, которые принадлежат ста землевладельцам. Остальное взрослое население — всего в деревне жили три тысячи человек — вынуждено батрачить. Выращивают здесь хлопок, пшеницу и овощи — их продают главным образом в Каире, куда доставляют на грузовиках. У ста землевладельцев было пятьсот коров, тысяча буйволов, полторы тысячи ослов, двадцать верблюдов и пятьдесят лошадей.

Социальный центр давал крестьянам рекомендации, что сеять и как ухаживать за пашней. Один из собеседников Петера с удовлетворением заметил, что благодаря новым методам урожай на его полях возрос в полтора раза — с пяти до семи с половиной кантаров *. Другой засмеялся и заявил, что, хотя тамошний бык, спору нет, скотина что надо, ему лично искусственное оплодотворение больше нравится. Раньше он этот способ ни во что не ставил, но, раз-другой испробовав, убедился, что приплод получается здоровее и крепче. Но, конечно, не без того, многие еще предпочитают водить коров к быку...

Это был веселый разговор. Почтенный шейх говорил мало, но направлял беседу кивком, улыбкой, утвердительными или отрицательными жестами, взглядом своих умных и живых глаз.

— Он старший в деревне, поэтому его называют шейхом, — шепнул врач.

Почтительность односельчан шейх принимал как должное, дружелюбно и с чувством собственного достоинства. Сын его также был приветлив, по ему не хватало отцовской спокойной уверенности в себе. Видимо, ему труднее было добиться авторитета. Феллахи вели себя весело и непринужденно, ибо чувствовали свою силу. Они и прежде-то боялись одного — болезни, которая может лишить их сил. Ведь лечение требовало денег, а денег не было. Теперь же они знали, что если заболеют, то есть кому прийти им на помощь.

* Египетский кантар равен 49,93 килограмма.

Центр деревенского объединения размещался в нескольких новых зданиях, построенных правительством недалеко от большой дороги, вблизи деревни Бернашт. Подчинялся он Министерству просвещения.

— Пойдемте сначала в детский сад, — предложил врач. — Его посещают дети от трех до шести лет.

К своей радости, Петер увидел навес для защиты от солнца: ему казалось, что здесь, в деревне, еще жарче, чем в безоблачный день в Каире. В тени навеса находилась яма с песком и небольшая площадка для игр, на которой возились малыши. При виде гостей дети прекратили игру и уставились на незнакомцев своими большими темными глазами.

Рядом с навесом расположился одноэтажный дом, состоявший из двух комнат. Чернокудрой воспитательнице в пестрой ситцевой юбке и белой полотняной блузке было не больше двадцати двух лет, но она уже успела получить специальное педагогическое образование. Воспитательница явно гордилась своими питомцами. Она отвела четырех девочек в дом, где они переоделись в длинные белые рубахи, после чего спели и станцевали гостям.

Напротив детского сада помещалось здание с еще бóльшим навесом, покрывавшим просторное помещение, с трех сторон обнесенное стенами. Оно служило классной комнатой. Около тридцати мальчиков корпели здесь над своими тетрадями. На детях были белые или светло-серые штанишки до колен, белые рубашки с отложными воротниками и длинными рукавами и тапочки. Каждый ученик сидел за отдельным столиком. В соответствии с новейшими рекомендациями медицины сиденья стульев были спереди закруглены во избежание застоя крови в ногах, легко вызываемого острыми краями сиденья. Пухленькая учительница в простом синем платье из льняного полотна, с пышной копной волос над блестящими глазами, выдававшими твердый характер, держала класс в руках. Но стоило ей объявить перемену, как тридцать мальчишек словно с цепи сорвались.

— В этом помещении, открытом с одной стороны, — сказал врач, — регулярно демонстрируются кинокартины. Доступ бесплатный. В прежние времена деревня, конечно, понятия не имела о кино.

— А фильмы какие? — спросил Петер.

— В основном американские, — ответил врач. — Арабских еще мало.

И гангстерские тоже?

— К сожалению, да.

Тогда уж лучше вымышленные верблюды, — рассудил Петер.

— Что вы имеете в виду?

Петер рассказал смешной эпизод, о котором несколько дней назад слышал от своего друга Ахмеда, клятвенно уверявшего, что это чистая правда.

Американская кинокомпания снимала в Египте картину «В стране фараонов». Сценарий предусматривал множество эпизодов с верблюдами. Консультант-египтянин сказал режиссеру:

— Этого нельзя делать. Историки доказали, что во времена фараонов в Египте еще не было верблюдов.

— Но нельзя же в фильме о Египте обойтись без верблюдов! — возмутился режиссер. — Они так хорошо получаются на пленке.

— Так, — закончил Петер, — в стране фараонов появились американские верблюды.

Врач со своим гостем уже направился к другому крылу одноэтажного здания. На скамье под открытым небом сидели люди, в основном юноши, даже несколько мальчиков в штанишках и рубашках или в галабиях и одна девочка не старше пятнадцати лет, но уже в черном платье и черном платке.

— Пациенты, — сказал врач.

Бросалось в глаза, что все они прибыли из отдаленных деревень и не связаны с центром. Одеты они были не так легко, как местные жители. Завидев незнакомца, они с тупым недоумением уставились на него. А как отличались приезжие дети от тех мальчишек, которые во время перемены с удивительной непринужденностью толпились вокруг гостей! Разделяло же их только несколько лет современного воспитания...

Врач повел Петера в больницу. В ней было четырнадцать коек, но главным образом здесь производился амбулаторный прием населения. Больные платили четыре пиастра за лекарства, а медицинское обслуживание ничего не стоило.

В одной из палат лежал мужчина с ногой в лубке; в двух других помещались женщины. Лица больных вы-

ражали мрачную покорность судьбе, глаза смотрели вопрошающе. Одна из женщин держала на руках спящего младенца, сморщенное, трогательно крохотное существо.

— Большинство женщин, конечно, еще рожают дома, — сказал врач, — многие даже, сидя на деревянных стульях, как рожали столетия назад.

Они пошли дальше. В кухне стояли большие современные котлы из белой жести. В комнате рядом молодые женщины занимались упаковкой фиников.

— Мы учим их фасовать плоды для экспорта, — заметил врач.

Когда Петер вошел в другую палату, у него перехватило дыхание. Из трех находившихся там людей двое — мальчик и женщина — были слепы, глаза их хранили следы страшного разрушения. Двадцатилетняя девушка учила их азбуке для слепых. Она показала Петеру историю болезни слепой, в которой скупыми словами рассказывалась вся ее небогатая событиями жизнь.

Ей было тридцать пять лет, до замужества она работала в сельском хозяйстве. В двадцать лет она родила первого ребенка. Пять детей остались в живых. Старшему минуло пятнадцать лет, остальным — десять, восемь, шесть и четыре. Все дети и муж здоровы. Мужу теперь шестьдесят лет. Он феллах. Никто из них не умеет ни читать, ни писать. Семья живет в хижине из двух комнат, расположенных одна над другой. Муж зарабатывает два фунта в неделю, отдавая напрокат своего осла, и еще фунт — своим трудом.

Женщина сидела за столом. Руки ее ощупывали лежащий перед ней алфавит. Выглядела она старухой. Напротив нее за столом сидел десятилетний мальчик, потерявший зрение в раннем детстве.

— Трахома? — спросил Петер.

Врач кивнул.

— Зараза занесена мухами. Болезнь не лечили, а потом уже было поздно.

Рядом с беспомощными инвалидами стояла юная девушка, очень хорошенькая, с добрыми, сияющими, доверчивыми глазами. На вопрос Петера, что она здесь делает, девушка ответила:

— Стараюсь помочь им найти свое место в жизни.

Она получила специальное образование. В жизни ее

тени не было обстоятельств, которые могли побудить ее избрать такую трудную профессию. Для этих людей она была лучом света среди окружавшей их тьмы.

— Почему вы выбрали такую специальность? — поинтересовался Петер.

— Я хотела быть полезной слепым, — сказала она скромно. — Прежде никто о них не заботился.

Когда они отправились дальше, врач заметил:

— Правильно она сказала: «Прежде никто о них не заботился». Возьмите, к примеру, семью этой слепой. Ее болезнью никто не интересовался. Разве могла она платить врачу, существуя с пятью детьми на три фунта в неделю?

— Нет, конечно, — согласился Петер и рассказал, что несколько дней тому назад он за одну-единственную прививку против инфекции от укуса песчаной мухи заплатил целый фунт.

— Не получая медицинской помощи, — продолжал врач, — женщина ослепла на один глаз, но у нее осталась вторая. Однако и он становился день ото дня все хуже. Врача все не было, и она ослепла. Да, вот так и жили эти люди, никто из них не учился ни читать, ни писать, ни считать, никому до них не было дела. Теперь республика начинает заботиться о них. Поэтому она и создала такие центры, как наш. Двести пятьдесят уже действуют, шестьсот еще предстоит создать. Они имеют решающее значение для нашей страны, где почти две трети населения заняты в сельском хозяйстве.

К Петеру и врачу присоединился агроном, и они осмотрели выставочный павильон, опытные поля, пчелиные улья, курятник, где производили опыты по скрещиванию птиц.

— Наши египетские куры, — пояснил агроном, — отлично несутся, но уж очень певелики. Мы теперь пытаемся вывести породу таких же яйценосных, но крупных кур.

Бык, которому искусственное осеменение составило могучую конкуренцию, стоял в своем хлеву. Передние ноги его были связаны. Он повернул голову навстречу гостям и взглянул на них злобно и угрожающе. А может быть, он смотрел мимо них и взор его выражал вовсе не угрозу, а безумную страсть, ибо как раз в это время один из феллахов привел к нему телку.

Завершив осмотр, Петер и его спутники зашли в дом рядом с детским садом, две комнаты которого были отведены под клуб. Здесь они пили освежающий лимонад и курили английские сигареты, к которым, видимо, при- страстилось целое поколение египтян.

— Скажите, пожалуйста, как вы представляете себе задачи Социального центра? — спросил Петер.

Агроном, человек темпераментный, говорил, как страстный агитатор. Типичным для земледельца телосложением он походил на сына шейха, и даже в чертах лица у них было что-то общее, но выражение их так же разнилось, как слова «брать» и «давать». Богач любил брать, агроном — отдавать, делиться своими знаниями на благо односельчан.

— Знаете ли вы, — начал агроном, — что деревня Бернашт — одна из семи деревень, относящихся к Социальному центру?

— Да.

— Им руководят врач, как работник социального обеспечения, старший учитель в качестве воспитателя и я, агроном.

— А как вы трое сработались? — прервал его Петер.

— Хорошо, — немедленно ответил агроном и взглянул на врача.

— Взаимопонимание не падает с неба, — сказал врач. — Иногда между нами возникают разногласия. Это естественно. Мы еще только привыкаем решать все дела коллективно. Воспитывая других, мы и сами воспитываемся.

— А в чем заключается работа? — спросил Петер.

— Учитель отвечает за воспитание и культурную работу, врач — за охрану здоровья и гигиену в деревнях, а я, агроном, — за развитие сельского хозяйства.

— Мы, — дополнил врач, — являемся, так сказать, теоретическим центром, который влияет на жизнь деревень. А деревни, в свою очередь, оказывают влияние на теорию своими практическими делами. Происходит постоянное взаимодействие между теорией и практикой.

Они пригласили Петера пообедать, причем с таким радушием и гостеприимством, что отказаться было невозможно. Обед был разнообразный и обильный, кушанья подавал смуглый человек лет тридцати, одетый

и темно-серые брюки и белую майку без воротника. Из беседы за столом стала ясна задача комплексного объединения. Оно было призвано укреплять здоровье населения и просвещать его, улучшать земледелие и скотоводство путем применения новых методов ведения хозяйства, развивать чувство коллективизма и сознание грудного и национального единства народа. Это было хорошее начало.

Возбудителя инфекции открыл немец

— Шистозоматоз? — переспросил врач, подходя с Петером к лаборатории. — А почему вас так интересует это заболевание?

— Мне приходилось много слышать о нем. Вот и сегодня феллах упомянул об этой болезни... Даже в освобожденной провинции ваш коллега сообщил мне, что повседневно сталкивается с шистозоматозом. И так как вы излечиваете эту болезнь...

— Бывают рецидивы, — перебил его врач.

— Сколько в процентном отношении? Примерно.

— В половине случаев.

— Я видел статистические данные за сорок седьмой год, — сказал Петер, — по-видимому, последние сведения такого рода, в них говорилось о шести миллионах случаев заболевания в Египте. Иными словами каждый четвертый египтянин страдает шистозоматозом — это уже национальная проблема.

Врач кивнул.

— Вот почему меня интересует эта болезнь.

Они вошли в лабораторию, оснащенную современным оборудованием, и врач достал из шкафа пробирку с прозрачной жидкостью.

— Спирт, — сказал он, — а в нем — переносчик болезни.

Петер увидел улитку.

— Пресноводная улитка, которую воды Нила приносят из Судана. В ее теле личинки, вылупившиеся из яйца шистозомы, превращаются в так называемые церкарии, которые улитка снова выделяет в воду. Церка-

рии способны проникать сквозь кожный покров. Понимаете?

Петер рассмотрел под микроскопом яйца и церкарии — крохотные, но такие коварные существа.

— Значит, если человек искупается в Ниле... — промолвил он.

— ...или постоит босиком в нильском или на своем поле, а почти все феллахи ходят босиком... — продолжил врач.

— ...или, если женщина постирает белье в водах Нила...

— Конечно, человеческий организм обладает защитной реакцией, но фактически ему во всех этих случаях грозит заражение. Церкарии даже способны размягчать мозолистую кожу на подошвах ног и проникать в тело.

— Ужасно, — сказал Петер. Его взволновал рассказ о болезни, о которой, по его наблюдениям, египтяне в разговоре с иностранцами старались не упоминать.

— А потом что?

— Потом, просверлив кожу, церкарии проникают в кровь и по ее току достигают большого кровеносного сосуда перед печенью.

— Воротной вены...

— Да, *vena portae*, там находится их кладовая с запасами личи, и там они превращаются в червей. Взгляните сюда, в микроскоп. Нормальная длина зрелых самцов составляет от девяти до двадцати миллиметров, самок — от двенадцати до двадцати шести.

Петер заглянул в микроскоп и пробормотал по-немецки себе под нос:

— Вот они, эти бестии.

— Что вы говорите? — спросил врач.

— Вот они.

— В своей кладовой они совокупаются, после чего самец уносит с собой самку, мило, неправда ли? Дело в том, что у самца имеется желобок, туда, наподобие нити, укладывается самка, они уносятся к стенке мочевого пузыря или кишечника и там внедряются. Затем самка откладывает множество яиц. Так возникает шистозоматоз. На стенках мочевого пузыря и кишечника образуются нарывы, живот вздувается, в выделениях появляется кровь. Последствие — малокровие и полный

упадок сил. Между прочим, мужчины больше подвержены этой болезни, чем женщины.

Петер спросил врача, как он вылечил того феллаха, который чувствует себя теперь на двадцать лет моложе.

— При помощи инъекций, — сказал врач.

Петер попросил записать для него, что вводил врач.

— А это всегда помогает?

— Нет.

— Можно применять для каждого больного?

— Тоже нет.

— Проклятая болезнь! — воскликнул Петер.

Врач кивнул.

— Борьба с этой болезнью — задача всенародной важности, — сказал он. — У колонизаторов, конечно, ничего подобного и в мыслях не было. Напротив, они считали, что, чем слабее народ, тем легче его угнетать.

Это все было верно, но Петеру показалось странным, что врач ни словом не обмолвился о немецком враче Теодоре Бильгарце, который в середине девятнадцатого века открыл возбудителя коварной болезни и назвал ее своим именем*.

Позже Петер Борхард обнаружил, что знаменитая «Encyclopædia Britannica»** попросту умолчала о заслугах Бильгарца. По-видимому, учителя египетских врачей, прошедших английскую школу, так же как и всемирно известный справочник, хранили молчание о Бильгарце. Естественно, что египетский врач и его коллеги ничего не знали о нем.

— Теперь у нас появилась новая идея, — сказал египтянин, — надо бороться с причиной заболевания.

Врач показал Петеру результаты исследований, проведенных в Александрийском университете одним ученым.

— Между прочим, немцем, — не преминул на сей раз отметить египтянин.

Ученый обследовал трех заболевших юношей, работавших в сельском хозяйстве. Он нашел у тринадцатилетнего не меньше пятидесяти жизнеспособных яиц шистозомы, у восемнадцатилетнего — двести и у девятнадцатилетнего — три тысячи, причем каждый раз в осадке одной лишь пробы мочи.

* Немецкое наименование заболевания — «Bilharziose».

** «Британская энциклопедия» (англ.).

— Это были разные степени инфекции, — пояснил врач, — возраст больных тут значения не имеет. Но представьте себе, больной выделяет яички в канал или в оросительные каналы — сотни или даже тысячи ежедневно, какой неисчерпаемый и непрерывный источник заражения! Коллега из Александрии нашел очень простое, дешевое средство под названием «гексаметилентетрамин», которое уничтожает яички в теле больного, а человеку вреда не приносит. Если оно окажется надежным, можно будет ликвидировать огромный источник инфекции, а кроме того, пытаться лечить больных.

— Пытаться?

— Повышенная доза соответствующего токсического средства может убить личинки в организме человека, как гексаметилентетрамин убивает яйца, но она небезвредна для больного. Ведь каждый организм реагирует по-своему. В последнее время некоторые врачи пробуют бороться против шистозоматоза такими средствами, которые можно применять только с согласия пациента.

— Если это удастся, то остается еще Нил — кормилец всей страны, — сказал Петер. — Улиток можно было бы уничтожать медным купоросом.

— Вы уже слышали об этом? Да, это возможно. Думали даже о том, чтобы у Асуанской плотины — знаете, недалеко от границы Судана — перегородить Нил барьером из медного купороса. Но из этой затеи ничего не выйдет, слишком много нужно медного купороса — целые горы. Три месяца тому назад мы нашли новое решение вопроса. — Он улыбнулся, взял лист бумаги и карандаш и провел линию.

— Это Нил, — сказал он.

— Предположим.

Еще одна линия.

— Это широкий канал, отходящий от Нила.

— Хорошо.

Много поперечных линий.

— А это оросительные каналы, они тянутся через поля. Ясно?

— Ясно!

— Так вот, там, где от основного канала ответвляются узкие оросительные каналы, — понимаете?..

— Да.

...там мы и устроили барьеры из медного купороса.

Три месяца назад?

Да.

А с тех пор вы делали анализ воды?

Последний раз — неделю назад. Результат: никаких паразитов. Ни улиток, ни яиц, ни церкарий.

Поздравляю от всей души! — воскликнул Петер. Фараонам было легче.

Да, — подтвердил врач. — Говорят, тогда на берегах Нила жил «санитарный инспектор», пожиравший улиток, как ибис — червей. Но последующие поколения, не ведая, что творят, истребили его, об этом я тоже слышал. Но что сейчас толковать об этом... Нил, как вы выразились, наш кормилец, и мы должны сами с ним справиться.

Фараоны и тракторы

Они ехали вдоль канала, через Дельту, мимо парусников, высоко нагруженных мешками с рисом, глиняными кувшинами, камнями или песком. Это были фелюги — одномачтовые суда с одним-единственным парусом, большим треугольником из светлой материи, трепетавшим на ветру. Десятки их осадили с обеих сторон мост, ожидая, пока его разведут. Но пока еще на мосту теснились машины, пешеходы, повозки, ослы с седоками. Все это плотной массой двигалось в противоположных направлениях от одного берега к другому. В маленьком городке был базарный день. На завтра приходился день рождения пророка, но праздник должен был начаться еще сегодня.

На базарной улице, по ту сторону моста, толчея была еще больше. Автомобиль египетского коммерсанта, в котором ехал Петер, еле двигался. Среди других машин, вытянувшихся шеренгой, он тащился за тележкой, напряженной мулом. Животное вдруг заупрямилось, движение и вовсе застопорилось. Автомобиль обтекали волны пешеходов. В толпе преобладали платья жен феллахов, кое-где ее оживляли белые галабии и головные уборы мужчин, полосатые или цветные галабии, похожие на пижамы костюмы мальчиков, белые рубашки,

светлые брюки и шапочки юношей. У большинства женщин волосы и половина лба были закрыты черным, как у монашек. И все же было видно, что они красивы, хотя и несколько суровой и мрачной красотой. Строгие формы и загадочное выражение их лиц снова напомнили Петеру сфинкса. Лица молодых женщин выражали строгую сдержанность и скрытую нежность, а одна, похожая на девочку, вся светилась любовью и заботой. На правой руке она несла грудного младенца (другой ее ребенок, трехлетний малыш, шел, уцепившись за юбку), а в левой — держала за крылья двух небольших живых кур, которых собиралась продать, чтобы на вырученные деньги купить то, что ей нужно. С крыш хижин свисали целые воловьи туши, усеянные красными печатями. На прилавках лежали куски мяса, пестрые сладости, розовые и красные сахарные фигурки, салат и овощи, свежие, светло-красные финики и золотистые апельсины, мелкие яйца и крохотные, но очень сочные лимоны, зеленые бананы и заманчивые мандарины. Люди торговались и покупали, смеялись и ссорились. Жизнь бурлила под лучами южного солнца. Завтра — праздник.

Наконец мул образумился — так по крайней мере решили люди — и снова стал слушаться хозяина. Машины пришли в движение. По обочинам автострады, в тени деревьев, на базар спешили феллахи. Шагая размеренно и твердо, женщины несли на головах плоские круглые или высокие четырехугольные корзины. Они шли так спокойно, держались так прямо, что невозможно было понять, есть ли что-нибудь в их корзинах, идут они покупать, или продавать, или и то и другое одновременно. С гордым видом, будто на благородном арабском скакуне, восседал феллах на своем осле, по бокам которого свисали большие лубяные сумки. Наездник подгонял добросовестно семенящее животное, ударяя его голыми пятками.

Петеру попалась одна женщина на осле. Она сидела боком, без седла, держа перед собой двухлетнего ребенка, а рядом ковылял мальчик лет пяти. Но если на рынок отправлялись супруги, муж неизменно ехал порожняком на осле, а жена шла рядом или сзади, неся корзину на голове или ребенка на плечах. Не было случая, чтобы мужчина шел пешком, а женщина ехала

или чтобы ехали оба. И всегда они молчали. Молчаливый мужчина на осле и молчащая женщина рядом, оба босые — они двигались каждый сам по себе, как было принято на протяжении тысячелетий. Только теперь их путь пролегал не по каменистым тропам, а по асфальтированному шоссе, где грохот автомобилей заглушал шепот листвы.

Кончалась уборка урожая, и грузовики с возвышающимися на них прямоугольными башнями белоснежного хлопка мчались на фабрики.

Обобранные хлопковые кусты из белых стали бурыми и утратили свою пышность. Кое-где на полях еще продолжалась уборка или собирали остатки. Петер и египтянин направились к группе девушек и детей. Их было человек тридцать, а может, даже больше. Старшей девушке было восемнадцать лет, младшему мальчику — восемь. Завидев приближающихся гостей, они, обрадованные предстоящим развлечением, прекратили работу, но двое мужчин в галабиях, с широкими рукавами и в белых шапочках, похожих на фески, с тонкими гибкими прутьями в руках тут же начали подгонять сборщиков криками и даже легкими ударами.

Сборщики мелькали среди кустов в метр вышиной и, поглядывая на посетителей, продолжали работать. Они проворно просовывали пальцы сквозь ветки и ловко хватали белые пушистые коробочки, стараясь не расцарапать тыльной стороны руки. Мальчики, одетые в галабии, собирали хлопок в небольшие мешки, девочки — в подолы своих светлых юбок, подвязанные наподобие мешков, так, что темные нижние юбки, доходившие почти до пят, оставались открытыми.

Петер любовался красивыми открытыми лицами всех детей, но одна девочка — лет пятнадцати — показала ему просто красавицей. Она была в светлом ситцевом платье, с легким черным платком на голове, завязанным узлом под подбородком. Кожа у нее была смуглая, будто загорелая, глаза весело сверкали под густыми бровями, а губы, раскрываясь в улыбке, обнажали белоснежные зубы.

Но самым прекрасным в этом юном существе была неселая непринужденность, написанная на лице и сквозившая во всех движениях девочки. Не обращая внимания на покрикивающих надсмотрщиков, она откры-

то радовалась приезду гостей. Ее оптимизм излучал силу, в нем, казалось, был залог свободного будущего рабочих и работниц этой страны.

Рядом с ней работала девочка помоложе, возможно ее сестра, более смуглая и более темпераментная, в своем роде такая же красивая, как первая. Какое-то отношение к ним имела, очевидно, и восьмилетняя девчурка в широкополой соломенной шляпе. Малышка была очень застенчива и все пряталась за спины старших девочек, чтобы ее не могли сфотографировать. Когда Петер, прощаясь, помахал рукой и почти все остальные весело помахали ему в ответ, она продолжала стоять неподвижно, с любопытством разглядывая чужих людей.

Уборка риса была уже в разгаре. Возле рисовых полей стояли запряженные ослами тележки, на которые укладывали снопы. Нагруженные доверху, они двигались по дорогам, направляясь в деревни. Феллах сидел на верхушке снопов, и осел осторожности ради семенил у самого края дороги. Навстречу машине, покачиваясь, шли верблюды со снопами риса или с сухим тростником на спине. Их поклажа была настолько велика, что, казалось, будто мимо движутся обретшие ноги стога соломы или скирды риса с кивающей в такт шагам головой на длинной изогнутой шее. Петер вспомнил о передвигающемся лесе из «Макбета» и словах: «Я смерти не боюсь, пока в поход на Дунсинан Бирнамский лес нейдет». Но здесь ничто не вызывало страха. Стога казались смешными, чуть подвыпившими, на каждом сидел феллах и сам, как пьяный, качался вместе с ним.

Машина проехала мимо деревни, и между низкими глиняными хибарками под растрепанными крышами проглянула площадка, на которой, подобно золотистым хижинам, возвышались нагромождения рисовых снопов. Часть площадки оставалась свободной, она служила током. Там были разложены снопы риса, как у нас раскладывают для обмолота рожь. Только вместо лошади здесь по кругу ходил буйвол и тянул он за собой не каток, а своеобразное приспособление для молотбы. Тонкие металлические диски, укрепленные на стержне близко друг от друга, блестя на солнце, прокатывались по рисовым стеблям и отделяли зерна от колосьев.

Во времена фараонов молотили примерно так же, — сказал египтянин, — разве что каток был каменный.

Но уже в следующей деревне по раскинутым на току снопам ездил взад и вперед современный гусеничный трактор. Так и здесь новое сочеталось со старым.

Мешки с рисом складывали у края дороги, а затем на тележках, запряженных ослими, или на возах с мулами, доставляли ближайшему торговцу, который грузил их на парусные суда. По каналу — он и здесь тянулся параллельно шоссе — как раз медленно скользила фелюга, груженная мешками с рисом. Ветра не было, и парус безжизненно свисал вдоль мачты. У основания был прикреплен канат с ремнями на конце. На берегу двое худых мужчин в галабиях, впрягшись в ремни, с трудом тащили судно. За ним следовала другая фелюга — поменьше, ее лодочник толкал при помощи длинного шеста. Воткнув шест в дно канала, он, упираясь в него, бежал от носа к корме и таким образом продвигался со своей лодкой на десять метров. Потом он снова бежал на нос и начинал все сначала. Так он старался заменить ветер.

Автомобиль мчался дальше по Дельте Нила, и кадр за кадром перед путниками разворачивалась живописная картина тяжелой жизни египетского народа. Женщины, согнувшись в три погибели, стирали на берегу канала белье, рядом лежали завернутые в тряпье грудные младенцы, а вокруг ползали и играли маленькие дети. В одном месте шоссе ремонтировалось и было перекрыто, и ухабистый проселок, который вился вдоль канала, проходил через деревушку. По обочине дороги шли девочки-подростки, неся на головах на круглых подушечках большие глиняные кувшины. Девочки направлялись к колодцу, где их ждали женщины, наполнившие кувшины водой. Поставив их на голову, водоносы быстрым шагом удалялись, сохраняя ту же гордую осанку.

Обгоняя грузовики, автомобиль достиг другого, более крупного селения. Здесь путники снова увидели торговые ряды и густую толпу покупателей и продавцов, зрителей и празднующихся, наездников на осликах и тележки, запряженные ослими, мужчин, сидевших на краю тротуара на старых стульях или прямо

на земле. Некоторые натягивали между домами гирлянды цветных фонариков для вечерней иллюминации. Праздник проходил целиком на улице.

Женщины тоже были тут, все в черных одеждах и в черных шаялях, обернутых вокруг головы. Лица у них были открыты, но из застенчивости или кокетства они закусывали край шали, закрывая ею наполовину рот и подбородок. Многие держали на руках детей.

За деревней в поле красивый мальчик, высокий, стройный, упитанный, стоял на берегу канала по шиколотку в мокром иле, кишащем церкариями шистозоматоза. Дальше феллах в белой галабии полон сорняки, росшие между толстыми кочанами капусты. На полях, с которых уже был снят урожай, искали скудный корм стада мелких овец с длинной бурой шерстью. Их пасли женщины и дети. Буйвол с завязанными глазами, которого подстегивал хворостиной карапуз лет пяти, ходил по кругу и вращал ворот. Так приводилось в движение большое горизонтальное колесо черпалки, перекачивавшей воду из канала в расположенные выше оросительные каналы. Автомобиль остановился неподалеку. На берегу канала стоял феллах, одетый только в белые штаны до колен, так что было видно его сильное мускулистое смуглое тело. Лицо у феллаха было суровое и самоуверенное, глаза живые, на верхней губе топорщились усики. Он сам построил себе «рычажный насос»: глиняный столб вышиной два с половиной, толщиной полтора метра, у суженной верхушки которого встык друг к другу прикреплялись две жерди. Одна из них была толстая, как телеграфный столб, другая не толще ножки стола. Нижний конец «телеграфного столба» был утоплен в глыбе глины, такой большой, что ее едва удалось бы обхватить руками, на «ножке стола» висело деревянное ведро. Когда феллах опускал ведро в канал, жердь с глыбой глины на конце автоматически поднималась, когда же он вытаскивал свой черпак, глыба опускалась и своим весом помогала поднимать ведро. Так феллах ведро за ведром доставал воду и наполнял ею оросительную канаву, идущую к его полю.

— Во времена фараонов все было так же, — произнес египтянин. — Таких насосов вы увидите в Дельте сотни и тысячи.

Во всех, даже самых маленьких деревнях на обочине дороги стоял торговец американской кока-колой, и среди серых глиняных хибарок то и дело попадались изящные бензоколонки английского происхождения.

В одном месте по деревенской улице быстрым шагом шла высокая стройная женщина. Она держала на руках ребенка с крохотным личиком и на ходу обтирала белым платком гной с его воспаленных глазок. Неужели мухи уже занесли в них инфекцию трахомы? В стороне от дороги виднелась деревня с низкими, темными глиняными хибарками, над которыми возвышалась сверкавшая белизной мечеть. В следующей деревне феллахи строили дом. Он был не больше, чем их хибары, но зато кирпичный. Они укладывали кирпичи, покрытые смесью цемента и ила, так бережно, будто совершали какую-то торжественную церемонию.

От широкого главного канала под прямым углом отступал боковой, питавший многочисленные узкие оросительные каналы. Параллельно боковому каналу также бежало шоссе. Петер и египтянин свернули на него. Вскоре они вышли из машины.

— Здесь не очень-то благоухает, — заметил египтянин.

Резкий сладковатый запах затруднял дыхание. Оба оглянулись. Слева от дороги за боковым каналом тянулись пашни, справа находилась свалка, и там разлагался раздувшийся труп лошади. Мириады мух наслаждались здесь отвратительным пиршеством, чреватым опасностями для людей. Канал отстоял лишь на несколько шагов от этого места.

Петер и его спутник перешли на другой берег по узкой доске, промочив ноги, так как доска посреди канала скрывалась под водой. Рядом с недостроенной высоковольтной мачтой стоял человек и из черной кожаной фляжки пил воду. По его словам, он набрал ее утром в одной из канав.

— Вкусная, холодная, — ухмыльнулся человек, безрассудный, как мальчишка, который раскачивается на тонких ветвях высокого дерева.

— Вот видите, — сказал египтянин-коммерсант, указывая на кожаную фляжку и на мачту, — колониальный

Египет и будущий, новый, близко соседствуют повсюду. И это, — он сделал неопределенный жест в том направлении, где лежал труп лошади, — тоже еще наследие колониализма.

Мужчине, который пил из фляжки, было не больше тридцати лет. Он был среднего роста, сильный, с лицом, иссеченным морщинами. Жил он в деревне, в пятнадцати километрах от мачты. Однажды к нему пришел сосед и сказал:

— Слышь, Мухаммед, если хочешь хорошо заработать, можешь поступить к альмани*.

— А что надо делать? — спросил Мухаммед.

— Альмани строят такие высокие штуки, знаешь, из стали, потом они навесят на них провода и в домах будет свет, электричество, понимаешь?

— Это техника, — ответил Мухаммед, — а я в технике ничего не смыслю.

— Много денег, — сказал тот.

— Да я же ничего не понимаю, — недовольно пробормотал Мухаммед.

— Попробуй, — уговаривал его сосед, который уже работал у «альмани».

— Иностранцы! — отмахнулся Мухаммед.

— Это восточные немцы. Они с нами и против англичан.

— Правда?

— Именем пророка!

— Тогда я попробую.

Так феллах Мухаммед стал монтером, и еще восемь египтян стали монтерами и теперь ставят мачты для высоковольтной линии. Ряд мачт уже тянется через поля до самого горизонта.

— Семьдесят пять километров мачт до старой электростанции, — пояснил немец, руководивший монтажными работами, — там будет построена новая станция.

Петер вытащил из кармана карту, развернул ее и попросил монтажника показать ему участок, на котором возводятся мачты. Тот засмеялся:

— Это ведь лишь частица всего проекта, — он ткнул пальцем в названия нескольких городов. — Мы ставим в Дельте мачты на протяжении многих сотен километ-

* Искаженное французское слово «Allemand» — «немец».

ров. Здесь, например, между Александрией и Эль-Атфом, или между Тантой и Талой, или между Талой и Хапоулой, да и здесь тоже, от Танты до Ат-Тахрира...

До «Провинции освобождения»?

Да, и оборудование насосной станции у Бенхи тоже поставляем мы, так же как и восемь трансформаторных станций и насосную станцию у тридцатого километра...

- Все это поставляет ГДР? -- переспросил Петер. -- Это замечательно!

Замечательно, что немецкие рабочие принимают участие в электрификации сел Дельты Нила. Замечательно, что немецкие рабочие и монтажники, с которыми здесь, среди полей у канала, встретился Петер, помогают осуществить великий план, который даст Египту электростанции и трансформаторы, насосные станции и водопроводы, яркий свет для хижин, чистую воду для людей.

Немецкий монтажник сказал:

- Да, хорошее дело задумали наши люди для Египта, они и работают неплохо... Но порой просто выходилишь из себя!

Почему же? — спросил Петер.

Ну а как же! Рабочие у нас дома изготовят хорошие вещи, а где-то сидит растяпа, который забудет вовремя послать что надо или правильно спланировать, и тогда нам приходится прохладждаться без дела и глядеть на луну. И египтянам тоже. Здесь все время твердят, что мы им помогаем, это верно, но не за красивые же глаза они получают от нас помощь; а за свои деньги они могут требовать, чтобы все было вовремя. И мы тоже! Мы ведь не загорать сюда приехали!

Немец был рад, что встретил земляка и может наконец отвести душу.

Когда он успокоился, они по стерне подошли к мачте. Рядом стоял еще не скошенный рис, кукуруза тянулась вверх на два метра, а дальше расстилались убранные хлопковые поля такого же бурого цвета, как вода в канале, как здешняя жирная земля. За ними, ближе к полосе пустыни, виднелась водяная мельница.

Монтажник рассказал, как трудно было привлечь

египтян к строительству мачт. Квалифицированные рабочие живут в городе на расстоянии шестидесяти или семидесяти километров, спать в палатках они отказались, их пришлось бы возить каждый день туда и обратно на автобусах. Вместо них явились феллахи. Они ничего не умели делать, каждый пустяк им приходилось объяснять. Один немецкий специалист работал с ними на земле, другой — на мачте. Но они схватывали все на лету, работали с охотой. Теперь они строят не хуже старых специалистов и немецкий монтер, который живет в Египте уже год и хорошо знает арабский, дает им лишь самые общие указания.

Строительные площадки менялись. Если родная деревня находилась далеко, рабочие спали в палатках. На автобусах они не ездили, чтобы сэкономить деньги, велосипедов у них не было. Обед они или приносили с собой из дому в корзине, или на скорую руку стряпали в палатке.

Теперь они строили мачту, которая будет выше других на высоту цементного цоколя, потому что кабель должен протянуться над каналом, над дорогой и телефонными линиями. Трое египтян работали на металлической конструкции, остальные внизу держали канаты, соединенные с верхушкой мачты, или собирали на земле детали. Монтер подозвал одного египтянина, вскоре подошли остальные, и даже верхолазы спустились вниз.

— Феллахи? — спросил Петер.

Они кивнули.

— Все?

Они снова кивнули и вопросительно посмотрели на него. Обратившись к Мухаммеду, который раньше пил из фляжки, Петер спросил, есть ли у него земля.

— Да, — сказал Мухаммед и кивнул.

— Сколько?

— Четыре феддана.

— А кто же обрабатывает землю, когда вас нет дома?

— Мой отец.

— Значит, земля принадлежит ему?

— Нет, мне.

— Вы ее получили не по наследству?

Мухаммед объяснил, что в результате земельной ре-

формы он получил землю от правительства. Другой феллах был владельцем двух федданов, их обрабатывала его жена, пока он служил у «альмани». У него земля тоже появилась лишь после земельной реформы. У остальных семи феллахов земли не было, и они батрачили, когда находили работу, за двадцать пиастров в день, а в период жатвы — за тридцать два.

Итак, два феллаха, имеющие землю, получили ее благодаря революции. Лишь одна тридцать пятая часть территории Египта, или шесть с половиной миллионов федданов земли, годна для обработки. Правительство конфисковало примерно одну десятую часть этой земли и распределило ее среди безземельных феллахов.

Раньше только королевской семье принадлежало двести тысяч федданов самой плодородной земли. Вдоль канала Исмаилия, который тянется от Суэцкого канала до Каира, на много километров простиралось одно из крупных имений короля — «Ихасс». Продажные министры, партийные боссы и другие паразиты, окружавшие трон, часто за несколько лет захватывали тысячу и больше федданов земли.

Правительство конфисковало их владения. Подготовка земельного закона вызвала ожесточенное сопротивление помещиков и жаркие споры даже среди тех, кто принимал участие в свержении короля. В результате было принято решение, что, за исключением нескольких отъявленных паразитов периода монархии, крупные землевладельцы имеют право сохранить двести федданов земли плюс пятьдесят — сто федданов на членов семьи*.

* Закон о первой аграрной реформе в Египте был принят в сентябре 1952 года. Формально земля выкупалась государством у помещиков — они получали государственные облигации, дававшие право на получение 3% годовых, — и распределялась между феллахами. Последние должны были выплачивать ее стоимость в течение 30 лет. Цена на землю устанавливалась правительством в зависимости от ее местонахождения. В июле 1961 года президент Насер подписал декрет о втором ограничении крупного землевладения. Помещику теперь разрешалось оставить за собой только 100 федданов земли. Срок рассрочки для уплаты за землю феллахами удлинился до 40 лет. Наконец в мае 1962 года был установлен третий максимум крупного землевладения — 100 федданов, но только на семью в пять человек. Купля-продажа земли в ОАР запрещена. Введены ограничения на аренду земли. Упорядочен сельскохозяйственный налог.

Конфискованную землю продали безземельным феллахам. Каждая семья получила от двух до пяти федданов. По официальным данным, в результате реформы землю получили миллион двести пятьдесят тысяч феллахов, около полфеддана на человека. Это был первый серьезный удар по феодальному обществу.

Мухаммед, обладатель четырех федданов земли, рассказал, что через две недели он женится. Невесту выбрали его родители. Сам он ни разу с ней не разговаривал, только видел ее.

— Она носит покрывало? — спросил Петер.

— Да.

— Значит, лица ее вы не видели?

Мухаммед засмеялся чуть смущенно, будто его уличили в чем-то нехорошем.

— Только немножко, — признался он, — когда она отодвигает покрывало.

— Она вам нравится?

Мухаммед кивнул, а остальные засмеялись.

— Сколько вы должны заплатить родителям невесты? — Петер знал, что здесь существует обычай внести выкуп за невесту, как у него на родине было принято раньше, а в определенной среде принято еще и теперь давать за невестой приданое. Разница в том, что в Египте выкуп, и порой большой, дают и бедняки.

Мухаммед сказал, что он должен внести за свою невесту семьдесят фунтов.

— Так много! — удивился Петер. — Откуда у вас столько денег?

Мухаммед только засмеялся. Рамзес тоже смеялся, рассказывая, что он внес за жену пятьдесят фунтов, женат уже два года и у него двое детей.

Оба, видно, думали: «Чем бо́льшую цену я назову, тем лучше будет в его представлении моя невеста».

Свадебное путешествие на ковре-самолете

Жил в Дельте феллах Таха. Родители предназначили ему в жены Амину. Он видел только ее черные одежды, ее черное покрывало и ничего больше, но однажды он

разглядел, как она ходит, и ее походка показалась ему прекрасной. Приближался день свадьбы, но родители Тахи жили тесно, а собственной хижины он не имел, и строить ее ему было некогда, ибо весь день он работал в поле. Тогда Таха вечерами стал приносить из капады ил и при свете луны лепить из него кирпичи, которые солнце высушивало так, что они становились твердыми, чуть ли не как базальт. Когда догорал день и небо покрывалось звездами, он за околицей строил себе хижину. В день отдыха он также отправился к своему недостроенному дому и увидел двух проходивших мимо женщин. Одна из них повернула к нему на мгновение свое закрытое покрывалом лицо и тут же отвернулась. Но он заметил, какая походка у женщины, узнал ее и тихо крикнул ей вслед: «Амина!» Но она не обернулась.

Наступил день свадьбы. Родители закололи барана, зажарили его, затем смешали куски мяса и жир с рисом и устроили угощение для всей деревни. Когда же пришла ночь, Таха с Аминой, закрытой покрывалом, ушли в свою хижину, у которой еще не было крыши. Прямо над ними с неба светила луна, и ее серебро струилось по хижине, по прекрасному бархатному лицу Амины и по ее белому телу.

Они лежали на мягком одеяле, а одеяло лежало на ковре, сплетенном из тростника, и Таха говорил Амине, как он ее любит и как бы ему хотелось в этот великий день совершить с ней большое путешествие и показать ей все, что он видел сам, когда, будучи солдатом египетской армии, летал на самолете. И пока он говорил, а она, счастливая, слушала, им показалось, будто ковер под ними медленно поднимается над хижинкой и, словно ковер-самолет, летит высоко над Дельтой.

— Видишь, — сказал Таха, — мы летим теперь под самыми звездами рядом с челноком месяца, а там, далеко внизу, лежит наш Египет, как цветок. Ты видишь, Амина? На севере — синяя шапка Средиземного моря, она ослепительно блестит под лучами солнца, справа и слева — огромные пустыни, покрытые белым и желтым песком, а в середине — ярко-зеленая страна, называемая Египтом, такая же зеленая, как луг возле нашей хижины.

Ты чувствуешь, Амина, что мы поднимаемся еще

выше? Теперь ты видишь Дельту Нила от Каира до самого моря, она похожа на распутившийся цветок, по краям его лежат города Александрия и Порт-Саид. Чаше водяной лилии подобна наша Дельта. А теперь — ты чувствуешь, моя Амина? — мы летим на нашем чудоковре, Каир уже остался позади, быстро оглядись, а затем посмотри вперед: к югу от Каира простерлась зеленая долина Нила шириной лишь в четыре часа пути, подобная изогнувшемуся большой дугой стеблю цветка. Он достигает границы и корнями уходит в Судан. Длинным стеблем и открытой чашей цветка наша страна напоминает водяную лилию в море пустыни.

— Я вижу, любимый мой.

— Рада ли ты, Амина?

— Где ты — там радость, любимый.

— Взгляни теперь направо, любимая, там еще один оазис, как маленькая водяная лилия в море пустыни, тоже увенчанный синей шапкой озера. Шапка эта — Биркет-Карун, а оазис называется Эль-Файюмом. Знаешь, что рассказывают люди? Четыре тысячи лет тому назад там не было оазиса, не было озера, был один песок. Фараон, знавший, что египтяне умеют сооружать огромные пирамиды и другие памятники мертвым, пожелал построить памятник для живых. «Если копать землю в пустыне вблизи узкой долины Нила, — сказал он себе, — то можно найти воду», и по его велению руками народа — великого строителя — была проложена в пустыне большая долина и появилось большое озеро — его назвали Мерис, а возле озера возник оазис — теперь он называется Эль-Файюм. Он соединен каналом с Нилом и насчитывает много, много деревень. Но позже озеро Мерис высохло, и люди говорят, что теперешняя синяя шапка Эль-Файюма — озеро Карун — это то, что осталось от древнего Мериса. Видишь, Амина, может быть, древние египтяне еще четыре тысячи лет тому назад создали новый оазис, как мы — «Провинцию освобождения».

— Может быть, — прошептала Амина и поцеловала его.

Он молчал, и неуправляемый ковер-самолет летел под серебряным месяцем и под близкими звездами.

— Где мы? — спросил он наконец.

— У нас, — прошептала она.

Он засмеялся, счастливый, и сказал шутливо:

- Мы все еще летим над Эль-Файюмом.

· Хороший край, — она тихо засмеялась.

--- Плодородный, — добавил он преувеличенно серьезно, и оба улыбнулись.

- А как зовут его создателя? — спросила она. — Нам же знать его имя!

· Ты имеешь в виду имя фараона?

Да.

Этого уже никто точно не знает. Одни говорят, будто его звали Аменемхет и жил он четыре тысячи лет тому назад. Греки почти за две тысячи лет до нас утверждали, что его звали Мерис и что этот легендарный царь правил в глубокой древности. В Эль-Файюме найдены старинные драгоценные ткани.

--- О мой любимый, — промолвила Амина и обняла его еще крепче. — Я тоже хочу когда-нибудь одеться в драгоценные ткани.

Тебе холодно, любимая? — спросил он нежно.

Нет, но мне хочется иметь такую ткань, и носить ее я буду только для тебя.

· Я знаю, дорогая!

Благодарю тебя, любимый, — произнесла она мягко, но решительно, — за все твои добрые и красивые слова. Но давай снова полетим в Дельту, там есть красивые ткани, не черные, траурные, какие у нас принято носить, а белые и яркие, из белого золота. Полетим в Дельту, любимый.

· Позже, моя голубка, — сказал Таха, — позже, быть может. Во время нашего свадебного путешествия тебе, наверное, хотелось бы увидеть Верхний Нил?

Как хочешь, дорогой муж.

- Видишь, Амина, мы снова летим над узкой долиной Нила. Там внизу лежит Бени-Хассан с его скалистыми могилами. Им больше четырех тысяч лет.

--- Оставь могилы, любимый, не то мне станет холодно.

— Завернись в одеяло, Амина! Впрочем, стой, вот уже Эль-Амарна, а человек, который там похоронен, шел у древних египтян культ Солнца. Теперь тебе тепло, Амина?

— Я буду думать, что одета в драгоценную ткань и что она согревает меня.

— Сейчас, сейчас, моя голубка. Взгляни только ра- зок на храмы древних знаменитых Фив, в которых по- клонялись богу плодородия.

Амина прижалась к мужу и шепнула ему на ухо:

— И поэтому ты полетел со мной сюда?

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я люблю тебя одного, — ответила она.

И они мчались сквозь ветер, и ковер-самолет дро- жал от их объятий и поцелуев, а пролетая снова над Дельтой, где светились в ночи окна больших фабрик, они спустились и взяли ткань, сияющую белизной; и снова они лежали в своей хижине, и ни одна звезда не могла бы сказать: луна ли освещает Амину, или ес- тело окутано белым золотом Дельты.

Белое золото в обработке

Фабрики составляли отдельный маленький городок. Их большие одноэтажные цехи жались к земле, над ними возвышались электрическая и насосная станции и тур- бинная установка, а еще выше поднималось квадратное островерхое сооружение — башня с часами.

В кабинете директора одной фабрики висело изре- чение: «Время — золото».

Белое золото. Ибо это была прядильная фабрика в городке Эль-Махаллат-эль-Кубра в Дельте Нила...

Директор, худощавый человек средних лет, оказал- ся приятным собеседником. Он со смехом рассказал Петеру, что у него уже восемь детей. Старшей — пят- надцать лет, ее зовут Сарцен, что означает «цветок». Второй дали имя Амаль — «надежда». За ними следуют Ахмед, Сатер, Медхед, пятилетний Хацим и, наконец, двухлетние девочки-близнецы — Хофа и Хода.

— Хлопот полон рот, — добавил он. — Восьмерых довольно, хотя у моего отца было четырнадцать сыно- вей.

— Да и вы, наверное, в глубине души тоже не прочь иметь четырнадцать детей, — предположил Петер.

Директор покачал головой.

— Между Хацимом и близнецами — разница в три года, — сказал он. — В то время мне, собственно, боль-

ше не хотелось иметь детей. Тогда Аллах через три года наградил меня сразу двумя. Так было наверстано упущенное время.

Он засмеялся, и могло показаться, что он сам в это верит.

— Я на днях читал, — заметил Петер, — что в Египте будет разрешено прерывать беременность.

— Аллах творит добро, — вежливо ответил египтянин. — Аллах акбар, как принято говорить у нас. Аллах велик.

Фабрика работала в три смены по восемь часов. По словам директора, на ней были заняты шестнадцать тысяч рабочих и служащих. Последние составляли десятую часть всех работающих.

— Раньше, — сказал директор, — здесь работали двадцать семь тысяч человек, но благодаря модернизации и автоматизации производства мы смогли больше греди рабочих заменить машинами.

Фабрика принадлежала комбинату «Миср», что означает «Египет». Ни один иностранец не мог участвовать в этом предприятии, даже через подставное лицо. Это был самый крупный текстильный комбинат в стране и один из крупнейших в мире.

В Кафр-эль-Даваре, близ Александрии, говорили Петеру в Каире, есть текстильная фабрика, оборудованная по самому последнему слову техники, но и Эль-Махаллату-эль-Кубра могут позавидовать фабрики многих стран. Фабрика в Махаллате была выстроена в 1931 году, позже она только достраивалась, и располагает современными машинами и всеми новейшими техническими усовершенствованиями, тогда как оборудование почтенных предприятий других стран давно устарело. В этом все дело. Египетская промышленность еще мало развита, но то, что есть, отвечает самым высоким стандартам.

Несколько часов они ходили по широким улицам между зданиями, по просторным чистым цехам, начав с того места, где рабочие взвешивали кипы хлопка-сырца, и кончив складом готовой продукции. Даже неспециалиста производственный процесс увлекал, захватывал и порой даже приводил в восторг.

— Видите, — сказал инженер, — здесь хлопок разрыхляют, очищают и... смешивают.

Машины разрыхляли твердые спрессованные комья, слипшиеся подобно войлоку, превращая их в нечто напоминающее хлопья снега, правда, желтоватого или грязно-серого цвета, как будто они вобрали в себя копоть и пыль промышленного города.

Затем хлопья поступали в машины, которые специалисты называют чесальными. Их задача состояла в том, чтобы привить непокорным хлопьям зачатки дисциплины, заставить их улечься в одном направлении. Это первая стадия на пути превращения хлопка в пряжу. Одновременно с этой гимнастикой хлопья принимали душ и очищались.

В результате хлопок приобретает вид тончайшего флёра, причем главную роль в этой процедуре играет «чесание». Инженер разъяснил, что операцию выполняет часть машины, именуемая барабаном. Он-то разъединяет хлопок на волокна и выравнивает их, будто, выбивая дробь, командует: «Равняйся!»

Только после этого волокнам разрешалось перейти в другой гимнастический зал, где их «растягивали». Но не сразу, разумеется. Сначала их как следует гоняли по машинам. Многие волокна, не желавшие расставаться со своими соседями, вместе с ними падали в корзины полуметровой высоты, похожие на корзины для бумаги. Однако их и здесь не оставляли в покое и заставляли тренироваться до тех пор, пока они не достигали спортивной формы, необходимой для волокон. Для этого их приходилось не только растягивать, но и скручивать, чтобы они вместе с тонкостью приобретали прочность и не рвались.

Так создавалась пряжа. Она наматывалась на веретена, которые ничем не отличались от веретен на прабабушкиной прядке. Но вот такой картины прабабушка наверняка не могла бы себе представить, даже обладая богатым воображением: в одном из огромных цехов вращались тысячи веретен. У того, кто долго смотрел на это скопление машин и веретен, могла закружиться голова. И среди всех этих машин с несчетным, казалось бы, множеством вращающихся веретен стоял единственный человек, который обслуживал не две и не три, как еще несколько лет назад, а целых шестна-

двать машин! Если нить рвалась, машина автоматически останавливалась, человек подбегал, несколькими искусственными движениями быстро связывал нить, и машина снова приходила в движение.

У этого рабочего был вид человека, хорошо знающего себе цену, вежливого, но сдержанного. Когда к нему обратился инженер, он ответил охотно, но не только не подобострастно, а скорее холодно и гордо, словно желая подчеркнуть, что, хотя тот его начальник, он разговаривает с ним, как с равным.

По словам директора, наименьшая заработная плата рабочего составляла пятнадцать пиастров в день или около четырех фунтов в месяц. Между тем тонкая ленивка стоила полпиастра, фунт буйволового мяса — одиннадцать пиастров, фунт баранины — тринадцать, фунт мороженого мяса, доставляемого из Аргентины, — семь, метр хлопчатобумажной ткани — десять-восемнадцать, метр шерсти — два фунта десять пиастров, велосипед — около десяти фунтов*.

При фабрике были столовые, которые ежедневно готовили для трех смен рабочих шесть тысяч горячих обедов. Производству обед обходился в шесть с половиной пиастров, рабочий же получал его за два.

Если минимальная зарплата составляла пятнадцать пиастров, то средняя зарплата, по словам директора, доходила до сорока шести пиастров в день, или до одиннадцати с половиной фунтов в месяц. Эта сумма показалась Петеру слишком высокой.

— Дело в том, что все стало значительно дороже, — пояснил директор. — До войны за один пиастр можно было купить семь яиц, а теперь только одно. В то время дневной заработок составлял от трех с половиной до восьми пиастров.

Пока они разговаривали, в комнату дважды зашел служащий, показывая директору какие-то бумаги и прося его что-то решить.

— Мое любопытство может показаться вам чрезмерным, — извинился Петер. — Но сколько, например, зарабатывает этот служащий?

Человек был одет в светлую рубашку, в темные, не очень новые брюки и ботинки с потрепанным верхом.

* Цены начала 1957 года.

— Не меньше пятнадцати фунтов в месяц, — ответил директор.

— Так много?

— Да.

— Столько же, сколько врач в больнице.

— Возможно, — заметил директор. — Средний доход наших служащих составляет сорок фунтов.

— В год?

— В месяц.

— Мне рассказывали, что ректор университета получает сто фунтов в месяц, — сказал Петер. — А сколько у вас получает директор?

— Сто пятьдесят.

— Я бы хотел задать еще несколько вопросов.

— Пожалуйста.

— Часть ваших рабочих живет в фабричных домах, верно ведь?

— Семьсот рабочих с семьями. Дома вы, наверное, видели, когда ехали сюда.

— Кажется, да. Маленькие коттеджи?

— Точно так.

— Сколько они платят за квартиру?

— Фунт в месяц за три комнаты без ванны. Эти дома мы называем старой колонией. В новых больших современных домах четырехкомнатная квартира с ванной обходится в три с половиной фунта. А директор за виллу платит пять фунтов в месяц.

Директор повел Петера осматривать фабричную больницу на восемьдесят коек — из них в тот день было занято тридцать или сорок — с лабораторией, операционной и самыми современными стерилизационными установками.

— Счастливы рабочие, которые сюда попадают, — пошутил главный врач и громко рассмеялся, как умеют смеяться только очень жизнерадостные люди.

В это время кончилась смена и поток рабочих устремился к воротам и в столовую. Обед в этот день состоял из чечевичного супа, риса, шестидесяти граммов мясного гуляша и хлебной лепешки. Только что подошли человек тридцать рабочих. Все они были одеты в легкие брюки и рубашки. Столовая состояла из двух залов, разделенных кухней с тамбуром. В одном из залов была устроена сцена.

— Заболевший рабочий, — рассказывал директор, — в первые десять дней получает от производства три четверти своей зарплаты, за следующие десять дней — половину, затем четверть, а потом синдикат выплачивает ему по десяти пиастров в день*.

Они прошли мимо площадки, где двенадцать рабочих в белых штанах до колен играли в волейбол. Их красивые мускулистые тела темно-коричневого цвета во время игры, казалось, пружинили. Рядом играли в футбол. Группа людей в одинаковой коричневой форме занималась маршировкой.

— Военное дело, — сказал директор. — Раньше у нас этого не было. Но после Суэцкого кризиса мы поняли, что обязаны быть начеку.

Рядом помещался современный плавательный бассейн с трибунами для зрителей и дорожками для соревнований. Его украшали яркие цветы в огромных кадках. В этот послеобеденный час здесь не было ни души. Пусто было и в красном здании клуба для служащих, оборудованном радиолой и магнитофоном, с залом, бильярдной и рестораном на двадцать мест. На крыше клуба помещался сад с летним кинотеатром. При клубе имелась библиотека — на полках стояли научные книги и романы на английском языке, Оскар Уайльд и Бальзак соседствовали с непритязательной сентиментальной американской литературой, а вот хорошей содержательной книги о новом Египте здесь не было.

Рабочий клуб походил на пивную. Алкогольные напитки здесь, правда, не подавались, но комната была полна дыма от сигарет и кальянов. Библиотеки не было.

— Рабочие не читают, — пояснил сопровождающий.

— Но ведь газеты они читают, — возразил Петер.

— Газеты читают все и обсуждают прочитанное.

— А неграмотные еще есть?

— Были раньше. Тогда мы устроили курсы. Теперь голько несколько стариков не умеют читать и писать. Но и сейчас можно видеть привычную картину: люди сидят кружком, часто на корточках, один читает вслух, остальные слушают, а потом обсуждают.

* Сейчас положение изменилось. Утверждено новое законодательство ОАР о социальном обеспечении рабочих и служащих.

— Это я уже видел, — сказал Петер. — Отрадная картина. Но, может быть, они и книги бы читали так же, если бы были интересные?

— Может быть.

— А я в этом почти уверен, — сказал Петер. — Достаточно посмотреть на одухотворенные лица ваших рабочих. У них хорошие головы. Видно, что они о многом задумываются, даже если еще и не читают книг.

На улицах маленького городка Петеру показалось, что он из яркого света вдруг попал во тьму. После просторных, светлых, чистых цехов фабрики, после спортплощадки, бассейна, открытого кино и клуба глаза его с трудом привыкали к неприкрытой нищете старых улиц. Здесь еще коснел в своей затхлости старый Египет, там же, откуда пришел Петер, уже началось его лучшее завтра. Частью старого Египта были и мрачные хижины ткачей, которые влачили жалкое существование.

Петер и его спутники вошли во двор другой фабрики, где штабелями лежали кипы хлопка, привезенные феллахами прямо с поля. Несмотря на поздний час, человек средних лет разгружал телегу, запряженную мулом. Из каждой кипы торчал хлопок, чтобы можно было проверить его качество, не открывая кип.

Отсюда египетское белое золото поступало в цех, где от хлопка отделяли семена. У волоконотделителей стояли девушки и женщины в платках, большинство в черных, некоторые в пестрых ситцевых халатах. Нож и валик отделяли семена и сбрасывали их вниз, в приемник. Очищенный от семян хлопок, напомилавший прозрачный слой ваты, соскальзывал в ящики, из которых рабочий вынимал его руками и бросал на тележку, стоящую на рельсах посредине помещения. Как только тележка заполнялась, рабочий откатывал ее в соседнее помещение и там разгружал. Несколько мальчиков в возрасте от шести до восьми лет подбирали остатки хлопка и бежали вслед за тележкой или помогали рабочему катить ее. Затем появлялись девочки и сметали в кучу последние кусочки хлопка. Все это происходило очень быстро, почти автоматически. Едва достигнув соседнего помещения, тележка уже оказывалась разгруженной. Мальчики все вместе разгоняли

пустую тележку, вскакивали на нее и на большой скорости вкатывались в волокноочистительный цех. При этом они звонко распевали какую-то веселую песенку и улыбались иностранцу.

В соседнем помещении рабочие раскладывали хлопок на полу, брызгали его водой, охалками подбрасывали вверх, снова брызгали и кидали в пресс. Там он спрессовывался в кипы, которые шли в прядильню.

На хлопкоочистительной фабрике семена, отделенные от волокна, поступали в систему труб, соединенную с различными решетками и очистительными машинами. Семена, предназначенные для посева, нагревали до пятидесяти пяти градусов по Цельсию, чтобы уничтожить вредителей, а затем ссыпали в длинные узкие мешки. Государственные контролеры и днем и ночью находились на производстве. Еще бы! Малейшая оплошность могла нанести ущерб будущему урожаю. Семена, идущие на масло, нагревали до шестидесяти пяти градусов по Цельсию, причем температуру семян измеряли специальными термометрами даже тогда, когда они уже были ссыпаны в мешки.

— Хлопковое масло употребляется в Египте больше всего, — сказал один рабочий.

Когда Петер и его спутники вышли из здания фабрики во двор и направились в контору, было уже совсем темно. Директор фабрики радушно пригласил посетителей на чашку чая к себе на квартиру, которая находилась над конторой. Они оказались в большой комнате, обставленной креслами и кушетками. В горках за стеклом поблескивала фарфоровая посуда, на стенах висели картины с видами Египта. Пол был устлан толстыми мягкими коврами. Посредине стоял чайный столик, который бой увез, но вскоре вкатил обратно, теперь уже с чашками чая, печеньем и плодами манго.

Петер уже знал, что в Египте домашнюю работу выполняют мужчины, причем некоторые из них довольно прилично готовят.

Хозяин дома относился к администраторам такого рода, с которыми Петер уже встречался, сначала — в «Провинции освобождения», затем — в правлении Суэцкого канала. Это были бывшие кадровые военные или высшие офицеры запаса, сильные люди спортивного

склада, энергичные, умные, с непринужденными, обходительными манерами. Некоторые из них считали главным национальный вопрос. Выдвигая его на первый план, они старались замаскировать свое привилегированное положение, сохранить его и даже упрочить. Но были среди них и такие, кто понял, что оздоровление нации невозможно без решения социального вопроса.

В комнату проникали свистки и грохот поездов.

— Да, здесь довольно шумно, — сказал хозяин. — Каждый час проходит поезд. Особенно весело по утрам, часов в семь, когда тысячи рабочих едут на велосипедах на фабрику. Жена говорит: «У каждого — звонок непрерывного действия».

Он засмеялся и заговорил о текстильных предприятиях города. Его фабрика тоже принадлежала исключительно египтянам.

— В городе есть еще одна такая фабрика, там двадцать восемь волокноотделителей, у нас — только двадцать, она до недавнего времени принадлежала англичанам. Теперь ее владельцы — египтяне, — закончил директор с гордостью и улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Ее построили англичане? — спросил Петер.

— Англичане в Египте ничего не построили, — заявил он тоном, не терпящим возражений. В его голосе звучала ненависть к колониальной державе, которая оккупировала его страну, грабила и унижала ее.

— Я, конечно, имел в виду, что она построена по приказу англичан, — пояснил Петер.

Хозяин был так раздражен, что повторил:

— Англичане в Египте ничего не построили.

— А почему они продали свою фабрику? — спросил Петер.

Хозяин улыбнулся с лукавым и довольным выражением лица.

— Чтобы у нас могла функционировать принадлежащая англичанам фабрика, — сказал он, — нужно, чтобы египтяне — и не один, и не два, а многие — согласились сотрудничать с ними.

Он замолчал и посмотрел на Петера.

— Понимаю, — ответил тот.

Улыбка директора стала торжествующей.

— Существует множество средств, при помощи которых можно добиться, чтобы у хозяина возникло желание продать фабрику.

Теперь засмеялись оба.

— В прежние времена, — добавил хозяин дома как бы в задумчивости, — колониальные державы посылали в заморские страны миссионеров и купцов, затем они стали посылать солдат. Они грабили беззащитное население, а того, кто сопротивлялся, расстреливали. Эти времена во многих странах прошли. Иностранная армия отозвана на родину, но иностранные дельцы остались, и их политическое влияние сохранилось. Это новейшая форма колониализма*.

В темноте они поехали по Дельте дальше на север. Часто из-за того, что шоссе ремонтировалось, им приходилось сворачивать на временные дороги, жавшиеся к каналу. Дороги были узкие, движение — весьма оживленное, и не раз грузовик проезжал на расстоянии не больше сантиметра от самого края крутого берега канала. Но в этот вечер все обошлось благополучно, и Истер проникся еще большим восхищением мастерством водителей.

Они ехали мимо деревень, слева от них был канал, справа — дома. Возле домов повсюду сидели без дела мужчины, некоторые курили кальян, некоторые прогуливались или беседовали с соседями, но только в одном месте в дверях хижины сидели на корточках две женщины.

Однажды в свете фар на мгновение возникла необычная, на редкость привлекательная картина: стайка девочек-подростков в пестрых, не очень длинных платьях сидела в ярко освещенной комнате с открытой дверью, где вместо мебели вдоль стен стояли деревянные скамьи.

В некоторых маленьких городках на улицах горели нестрые фонарики, под ними у лотков со сладостями толпились люди. На берегу канала свет фар то и дело

* Неоколониализм, конечно, более широкое понятие. В его основе — экономическое влияние, усиливающее политическую зависимость формально освободившихся стран Азии, Африки и Латинской Америки от бывших метрополий и международных монополий.

вырывал из мрака группы людей. Впрягшись в ляжки и наклонившись всем корпусом вперед, они молча тянули судно. Один раз вдали показалось нечто вроде горящего факела. Подъехав ближе, они увидели, что мальчик-подросток несет на железной палке два соединенных наподобие звезды Давида треугольника, которые светились благодаря какой-то горючей массе. Дорога была узкая, подростку пришлось посторониться, и он споткнулся со своим факелом.

— Неверный! — кричал он. — Я убью тебя!

— Благочестивый юнец, — невозмутимо произнес водитель.

Поздно вечером они прибыли в Александрию и подъехали к гостинице. Петер вышел, машина двинулась дальше. Бой подхватил его багаж и пошел вперед.

— Извините, господин, — произнес голос сзади. — Я — Али, гид, и к вашим услугам.

Петер поблагодарил, но тот крикнул ему вслед:

— Помните: Али! Этого достаточно! Не забудьте: Али! — Это звучало почти как заклинание, как прощальные слова отца при расставании с сыном: «Не забудь родину!»

Был одиннадцатый час, ресторан в гостинице уже закрылся. В Египте, даже в Александрии, осталось мало иностранцев. Прежде чем отправиться в город на поиски ресторана, Петер решил попытаться утолить жажду в буфете. Впервые в Египте ему захотелось выпить кружку пива. Официант улыбнулся, как будто хотел сказать: «На этот раз, уважаемый, я, официант, сильнее, чем ты, гость». Вслух он произнес:

— Мне очень жаль, но сегодня спиртного не подают.

— Почему?

— Праздник.

— Какой праздник?

Официант улыбнулся.

— А, — догадался Петер, — день рождения пророка?

— Да.

— В этот день нельзя пить пиво?

— Нет, нельзя.

— А завтра?

— За завтраком, если вам будет угодно.

Али еще стоял на улице.

— Я провожу вас в ресторан, — сказал он.

Значит, он подслушивал. Петер поблагодарил. Али пошел за ним.

— Вы можете поесть недалеко отсюда, я к вашим услугам.

Наконец он отстал. С полутемной площади, где помещалась гостиница, Петер завернул на ярко освещенную улицу. Здесь было даже несколько заведений, которые напоминали о французском влиянии: такие же, как во Франции, столы и стулья на тротуарах и в кафе, такие же, накрытые белыми скатертями столики в ресторанах. Почти все они были пусты, официанты стояли без дела и ждали посетителей.

Рестораны выглядели весьма привлекательно, но Петер все же колебался. Многие знакомые египтяне предупреждали его, что иностранцу следует быть очень осторожным в еде. Пища, к которой египтянин привык с детства, к которой в его организме, возможно, образовался иммунитет, может оказаться абсолютно неприемлемой для иностранца. Это относилось даже к самой простой дезинфицированной воде, если употреблять ее в больших количествах, особенно же к овощам и фруктам — на них могут оказаться микробы, вызывающие трудно излечимую амёбную дизентерию. Поэтому в крупных отелях для иностранцев фрукты и овощи продолжительное время держат в растворе марганцовки и тщательно промывают.

«Ладно, — подумал Петер, — без ужина можно обойтись, но где бы попить?» Он вышел на оживленную улицу, и тотчас же рядом с ним вырос парнишка и, несмотря на поздний час, предложил почистить ботинки. Едва Петер успел отказаться, подбежал другой парень, постарше, с тем же предложением и стал прогонять младшего. Они еще ссорились, когда Петера атаковал продавец открыток. Петеру показалось, что с другого тротуара к нему решительно направляются еще какие-то молодые люди, он малодушно повернулся и позвратился назад, на ярко освещенную улицу. Все же ему пришлось расстаться с несколькими пиастрами, чтобы охладить коммерческий пыл юных торговцев.

Петер сел у открытого окна большого кафе. Официант принес ему лимонад и кексы. Напротив кафе несколько извозчиков ожидали пассажиров. Рядом стояли столики с фруктами, арахисом и с какой-то едой.

Мимо проезжали извозчики. В одной пролетке сидела девушка, в другой — пожилая пара, в третьей — мужчина. Извозчики наряду с черно-оранжевыми такси были, по-видимому, обычным средством передвижения и, по словам официанта, стоили дешевле такси.

— Что-то здесь не особенно людно, — сказал Петер.

Официант пожал плечами.

— Иностранцев нет, — ответил он и ушел.

Крохотный мальчонка остановился на улице у открытого окна, возле которого сидел иностранец. Рубашка мальчика, доходившая до щиколоток босых ног, судя по отдельным светлым пятнам, когда-то, наверно, была белой. Лицо его покрывали грязные разводы, руки, и без того темные, от грязи казались черными. Мальчик заговорил тихо, по-детски доверчиво и быстро, испытующе оглядывая стол. Там в пределах досягаемости лежали сигареты, немного дальше — кексы. Петеру стало жаль ребенка, которого среди ночи послали попрошайничать. Дать ему «бакшиш»*, т. е. деньги, или не стоит поощрять нищенство?

— Ля, ля, — сказал Петер.

Малыш не уходил и продолжал говорить так же тихо, так же мелодично. Голосок у него был нежный, глаза — огромные, он походил на ангела, которому пришлось ночевать в водосточной канаве. Чувство жалости овладело Петером. Сама невинность вымаливала у него милостыню и голосом эоловой арфы твердила: «Бакшиш, бакшиш!».

Петер дал мальчику кексы и смотрел вслед, как он уходил, унося их в руках.

Куда? Кто знает...

Тень Клеопатры

В полутемную комнату проникли далекие звуки автомобильных гудков. Наступило утро. Петер распахнул балконную дверь и замер как вкопанный. Перед ним серебрилось Средиземное море. Оно раскинулось за защитными молами до самого горизонта, и только зеле-

* Вознаграждение за мелкую услугу.

ная полоса да одиноко белевший парус нарушали его сншеву.

Петер вышел на балкон. Бухта представляла собой широкий полукруг, окаймленный набережной, шоссе и высокими белыми домами, над которыми с двух противоположных сторон возвышались минареты мечетей.

Александрия.

Город на северо-восточном побережье Африки был назван более двух тысяч лет тому назад в честь Александра Македонского. На протяжении столетий он считался центром просвещения и наук. Когда Петер впервые увидел его ночью с самолета, он показался ему на фоне пустыни сверкающей алмазной россыпью.

Теперь он снова смотрел на него сверху, на этот раз — с крохотного балкона, висевшего высоко над гротуаром. Автомобили, катившие вниз, казались игрушечными; но, очевидно, они и в самом деле были меньше, чем большинство машин в Каире. Автобусы с арабскими номерами один за другим останавливались у гостиницы. Многие из пассажиров были одеты по-европейски. Грузовики везли дрова, кирпич, оплетенные бутылки, набитые чем-то мешки... Иногда на клади сидел человек. Порой поток автомобилей прерывался, на минуту воцарялась тишина, и тогда становился слышен мелодичный звон колокольчиков, привязанных к уздечкам ослов и мулов. Животные тянули за собой низкие телеги и повозки, нагруженные различными товарами, на них восседал возница, одетый в галабию или штаны с рубашкой, всегда босой, чаще всего без спутников. Только один ехал с женой и ребенком.

С улицы Петер перевел взгляд на бухту, вернее, на ее западную часть, где на более широком молу, напоминавшем мыс, стояло несколько зданий. Петер заказал завтрак и спросил официанта, как называется мыс.

— Восточной Гаванью, хотя корабли сюда не заходят, — сказал тот.

Так вот она, значит, гавань древнего острова Фарус, который искусственным перешейком был связан с материком и с тех пор стал называться Фарос. На нем когда-то возвышался маяк, считавшийся одним из чудес света. То, что еще помнили о нем люди, действительно казалось чудом или сказкой.

Беломраморный маяк имел в высоту более ста пяти-

десяти метров*. Его свет был виден за тридцать миль. Как и остров, маяк назывался Фарос. По мнению немецкого ориенталиста, умершего на рубеже XIX и XX столетий, башня стояла на широком фундаменте и была сложена из четырех суживавшихся кверху четырехгранных сооружений, поставленных одно на другое. Они были увенчаны круглой башенкой значительно меньшего размера. В других источниках называется иное число частей башни, в общем оно колеблется между четырьмя и восьмью. На строительство маяка было затрачено восемьсот талантов, более четырех миллионов золотых марок на наши деньги. Все это, однако, еще не чудо. Чудом был рефлектор, отражавший лучи солнца и способный поджигать корабли, даже находившиеся на расстоянии ста миль от берега. История сооружения и разрушения маяка относится к числу величайших легенд человечества.

Это чудо строительного искусства было воздвигнуто в третьем веке до нашей эры при Птолемее Филладельфе**, который также основал в Александрии знаменитую библиотеку и музей. Почти тысячу лет спустя Александрия оказалась в руках арабов. Они отторгли город от Восточно-Римской империи и неоднократно угрожали даже столице Византии — Константинополю. Арабские воины и раньше казались непобедимыми, теперь же они со стороны суши захватили Александрию и овладели чудесным маяком, благодаря которому в течение дня ни одно вражеское судно не могло даже приблизиться к побережью.

Тогда византийцы пошли на хитрость. Они распустили слух, будто под маяком запрятаны сказочные богатства, рассчитывая, что слух дойдет до властелина Александрии, халифа аль-Валида. Халиф поверил молве и приказал снести маяк. Работа продвигалась очень

* По данным египтологов, высота маяка достигала 170 метров. Описание самого маяка, приведенное в книге, тоже расходится с их данными. Так, Н. Петровский и В. Матвеев в своей книге «Египет — сын тысячелетий» пишут, что Фаросский маяк состоял из трех ярусов. Верхний ярус был «фонарем» маяка. Восемь колонн несли на себе купол, увенчанный статуей. Под куполом горел костер из смолистых деревьев. Свет его отбрасывался вогнутыми зеркалами на 50—60 километров. Люди и горючие материалы поднимались на огромную высоту на лифте.

** Речь идет о Птолемее I.

быстро, халифу хотелось поскорее овладеть сокровищами. Но тут среди моряков поднялся ропот. Рыбаки тоже стали проклинать халифа, погасившего огонь маяка, который светил на протяжении тысячи лет. Женщины вторили им, они боялись за своих мужей, во тьме блуждавших по морю. Купцы опасались, что торговля придет в упадок из-за того, что судоходство стало более опасным, а военачальники были в ужасе, что потеряли такое сильное оружие береговой обороны. Халиф начал колебаться. Ему внушили, что все это козни интриганов и заговорщиков. Тогда он приказал восстановить маяк, уже наполовину снесенный. Но этого сделать не удалось. Рефлектор разбился на тысячи кусков. Развалины маяка остались стоять безмолвными свидетелями людской хитрости и алчности и только в XIV веке во время землетрясения рухнули в море.

Обо всем этом думал Петер, пока, глядя из открытого окна на сверкающий залив, рассеянно ел свой завтрак. Потом он отправился пройтись по берегу. Дул прохладный ветерок, казавшийся особенно свежим после каирской жары. На парапете сидели и стояли дети и подростки, наблюдавшие за босоногими рыболовами, которые удили рыбу с прибрежных камней. Был нерабочий день. У края тротуара, прислонившись спиной к стене, сидела молодая мать и кормила бананом двухлетнего сына. Разносчик предлагал с лотка арахис. Несколько женщин и девочек, стоя по шиколотку в воде, мыли себе ноги, руки, лицо. Повсюду расхаживали мужчины, болтали, смеялись, некоторые что-то серьезно доказывали своим собеседникам и даже спорили.

Был нерабочий день...

На полуостров Фарос вела широкая дорога. Справа, у берега, — рыбацкие лодки, слева — широкая толстая стена набережной, наклонно спускающаяся к морю и защищенная у подножия от набегавших волн тяжелыми каменными плитами. Петер взобрался на стену. В конце мыса виднелось несколько зданий, стояли автомобили, около них возились люди, вход в последнее здание преграждали ворота, одним словом, ничего примечательного Петер не заметил. В последний раз следы маяка здесь искали в конце прошлого века немцы, но ничего не нашли. Прошлое кануло в вечность. Оно жило еще лишь в нескольких рукописных фрагментах,

в рассказах и легендах да, может быть, в богатом воображении иностранцев, которые приезжали сюда, предавались мечтам о прошлом и снова уезжали. А море шумело, повторяя свой древний скорбный напев, или, плескаясь, рассказывало о былых красавицах Александрии и знаменитейшей из них — Клеопатре.

Петер отправился к одному из немногих архитектурных памятников периода греко-римского господства, который начался с Александра в 332 году до нашей эры и закончился в 641 году с приходом арабов, — к колонне Помпея. Вырубленная из одного куска красного гранита, она возвышается на двадцать пять метров над холмом, на котором стоит. С двух сторон колонну охраняют сфинксы из красного гранита. Это самое большое в мире сооружение такого рода. Невдалеке отсюда когда-то находился храм Сераписа, разновидности египетского бога — быка Аписа, державшего между рогами солнечный диск. Когда примерно через четверть века после сооружения колонны, ошибочно приписываемой Помпею *, римский император Константин объявил государственной религией христианство и христиане сожгли храм Сераписа, колонна уцелела. На протяжении тысячелетий сохранилось под землей и помещение знаменитой Александрийской библиотеки, хотя свитки сгорели. Ее коридоры имели в ширину около метра, высота их равнялась росту человека и лишь кое-где приходилось нагибаться. В стенах коридоров, теперь освещенных электричеством, сохранились отверстия, куда вставлялись факелы. Черные пятна были, очевидно, следами копоти. По обеим сторонам коридоров, от пола до самого потолка, в каменных или твердых земляных стенах были вырублены полки. Там некогда размещались некоторые из бесценных свитков древней Александрии. Еще большее богатство, видимо около пятисот тысяч рукописей, содержала библиотека, основанная Птолемеем I. Согласно летописям, часть свитков погибла в огне во время завоевания Александрии Цезарем, часть была сожжена первыми христианами, остальными распорядился арабский полководец. Если верить преданию, он повелел:

* Колонна была воздвигнута в 302 году в честь императора Диоклетяна и имела в высоту 26,85 метра.

«Если эти книги подтверждают Коран — они ни к чему, уничтожьте их. Если они противоречат Корану — их учение нам не нужно, сожгите их».

Недалеко от колонны и подземной библиотеки находились катакомбы. Странное ощущение охватывало того, кто спускался в погребальные камеры, вырытые на глубине четырех этажей (нижний из них затоплен водой). Вдоль стен тянулись ниши с урнами для пепла кремированных, саркофаги, в которых лежали набальзамированные мумии (на многих гробницах виднелись изображения умерших). Колонны, скульптуры богов Гогга и Аписа и богини Изиды, кладбище, рассчитанное, по видимому, на века, причем это был не фамильный склеп, а место погребения не связанных родством состоятельных граждан Александрии, — все это говорит о преобладании египетского влияния, хотя кое в чем сказывается и влияние Рима.

Тела умерших спускали по наклонной шахте. Винтовая лестница с сотней ступеней служила только для живых. Для них же предназначался выложенный камнем зал с большим прямоугольным каменным столом и каменными скамьями вокруг него. Здесь происходили помпезные торжества.

Поднявшись из царства прошлого и мертвых к свету и жизни, Петер в задумчивости брел по оживленным улицам, ничего не замечая вокруг, пока не встретил похоронную процессию, вид которой вернул его к действительности: четверо мужчин в светлых галабиях несли на плечах гроб, покрытый пестрым, в красных тонах, вышитым покрывалом; за гробом шли мужчины в светлых одеждах, женщины в черном, дети и девочки-подростки с красными лентами и в красных платках, а вокруг бурлил поток уличного движения — автомобилей, трамваев, автобусов, тачек, повозок, запряженных ослами...

По законам мусульманской религии умерший должен быть похоронен в течение одних суток.

Миновав бывший королевский дворец, ныне музей Рас-ат-тин, Петер вернулся на Корниш. Здесь толпилось много народу: была «неделя музеев», когда вход в них бесплатный. Прелестные дети с любопытством поглядывали на иностранца. Их жизнерадостные лица и яркие одежды резко выделялись на фоне строгих и холодных

линий дворца. Дисгармонировали с дворцом и возвышавшиеся над ним минареты мечетей.

По набережной Корниш Петер поехал на восток. За широким заливом Восточной гавани к берегу как бы льнуло множество мелких бухт. В одном месте виднелся пляж с несколькими киосками, в другом — с легкими бунгало. В эти последние дни октября купальщиков было мало. По другую сторону шоссе стояли современные белые дома. Дома были новыми, но море светилось так же, как тысячи лет назад.

Примерно в двадцати километрах от центра города находился Эль-Мунтаза — еще один дворец бывшего короля с небольшими безвкусными храмами, стоящими в огромном парке сказочной красоты, который, наверно, казался раем детям, приехавшим сюда в день отдыха. Мужчины и женщины отдыхали лежа на траве. На фоне зелени пестрели цветы — темно-красные, бледно-розовые, синие, как море.

В пальмовой роще Петер впервые увидел, как собирают финики. В корзине лежали розовые овальные плоды размером в большой палец. Гроздь еще не снятых фиников, подобно зонтикам, свисали с коричневого ствола пальмы из-под больших зеленых листьев. Рядом на веревочной петле сидел мужчина и садовым ножом срубал зонтики. Веревка была связана узлом так, что образовывала две петли: большая охватывала ствол, меньшая — бедра мужчины. Так он висел на высоте тридцати метров, смуглокожий, в белой короткой рубашке и в белых шароварах, упираясь в ствол дерева босыми ногами. Срубленные грозди он спускал вниз на длинной веревке, а последние две маленькие зажал под мышкой левой руки. Держа в правой руке садовый нож с длинной рукояткой и коротким лезвием, сборщик начал спускаться по стволу, не пользуясь никаким другим приспособлением, кроме своей веревки. Упираясь ногами в чешуйчатую кору дерева, он выпрямлялся в своей петле и на секунду принимал почти вертикальное положение. Большая пегля в это мгновение оказывалась ненатянутой, он быстрым рывком сбрасывал ее на метр ниже и снова откидывал свое тело в меньшую петлю. Этот спуск метр за метром требовал виртуозной ловкости, но феллах проделывал все движения легко и просто, почти автоматически.

за Эль-Мунтазой, на самом северном мысе в районе Александрии, подобно стреле разделяющем два залива, находится предместье Александрии — Абукир. Здесь насаживались французские и английские завоеватели, но куда важнее то, что в древности, когда в залив еще впадал один из рукавов Нила, на этом месте находился город Канопус. Здесь археологи обнаружили руины зданий, каменные плиты и старинный каменный бассейн, в который вели семь ступенек. Многие утверждали, что здесь была купальня Клеопатры, но какое это имеет значение? Важно, что эти каменные памятники свидетельствуют о далеких временах, оживляющих для нас благодаря трудам Плутарха, драмам Шекспира и комедии великого насмешника Бернарда Шоу.

При виде рыболовов в Восточной гавани кто с улыбкой не вспомнит рассказанный Плутархом исторический анекдот о том, как Антоний удил рыбу в Александрийской гавани, ничего не мог поймать и рассердился, потому что рядом с ним стояла Клеопатра. Тогда он тайком приказал своим слугам нырнуть и насадить на крючок заранее выловленную рыбу. Они проделали это несколько раз, и Клеопатра восхищалась умением Антония удить рыбу. Но дома она рассказала своим людям, как в самом деле удил Антоний, и пригласила их на следующий день полюбоваться этим зрелищем. Назавтра утром многие из ее подданных отправились на лодках посмотреть, как будет рыбачить властелин города. Антоний забросил удочку. Немедленно Клеопатра приказала одному из слуг опередить ныряльщиков Антония и прицепить к его удочке соленую рыбу. Ничего не подозревавший Антоний вытащил удочку — и все смеялись над ним.

А кто, стоя перед предполагаемой купальней Клеопатры, не вспомнит рассказ о первой ее встрече с Антонием? Он написал ей несколько писем, друзья его тоже писали ей, но она не показывалась. Наконец она села в лодку с парусами из пурпура и с золотым ложком. Серебряные весла двигались в такт звукам флейт, скрипок и других музыкальных инструментов. Она везла драгоценные подарки, сокровища, подобавшие такому высокому дому и богатому королевству, как Египет. Но больше всего она верила в самое себя, в свое

очарование, в обаяние своей совершенной красоты и грации. Она возлежала под балдахином из золотой парчи в костюме Венеры. Красивые мальчики, изображавшие купидонов, с двух сторон обведали ее веерами. У руля и у снастей стояли женщины, одетые нимфами и грациями. Тончайший запах прекрасных благовоний распространялся вокруг лодки и достигал берега, на котором собрались толпы народа. Некоторые следовали за лодкой вдоль берега, другие бежали ей навстречу, и в конце концов Антоний остался один на своем троне среди базарной площади, где он обычно принимал посетителей. Пронесся слух, будто прибыла богиня красоты Венера, дабы на благо всей Азии затеять игру с Бахусом, богом вина. Когда лодка причалила к берегу, Антоний послал Клеопатре приглашение отужинать с ним, но Клеопатра приказала ответить, чтобы он сам пожаловал к ней на ужин. Он пришел. Так началась одна из самых прекрасных трагических и великих романтических историй, какие знают человечество и литература.

Кто, наконец, спустившись в катакомбы этого города, не вспомнит о могильном склепе Клеопатры у моря, где она заперлась, когда Цезарь Октавиан победил Антония?! Кто не вспомнит предание о том, как она и две ее приближенные цепями втянули смертельно раненого, окровавленного Антония в склеп, где он, умирая, пил вино? Кто не вспомнит о самой Клеопатре? После смерти Антония она искупалась, облачилась в царские одежды, надела диадему и роскошно пообедала. Затем она опустила руку в корзину с инжиром, где скрывалась ядовитая змея. Так вслед за Антонием умерла и Клеопатра.

Прессовщики хлопка недовольны

С плоской крыши шестиэтажного здания открывалась широкая перспектива города и Александрийской бухты, так называемой Западной, или внутренней, гавани. Минареты мечетей поднимались над силуэтами домов. На широкой синей глади залива грузовые и пассажир-

ские суда выглядели белыми крапинками. Там и сям повышались подъемные краны. К мысу причалил танкер. Несколько небольших каменных домиков, окруженных зеленью, напоминали о какой-то далекой идиллии и казались совершенно не к месту.

— Это, — показал на них египтянин, — бывший королевский дворец Рас-ат-тин, что в переводе означает «Инжирная голова», там прежде находилась плантация инжира. В гареме дворца Фарук подписал отречение от престола. Видите там, у набережной, большую белую яхту?

— Да.

— Это «Махрусса», прежде она принадлежала Фаруку. От дворца к ней вела лестница, кончавшаяся у самого причала. На этой яхте он отплыл в Италию.

— И яхта вернулась? — недоверчиво спросил Петер.

— Это вас удивляет?

— Я слышал, будто ему оставили сорок два миллиона фунтов.

— Так говорят, но не знаю, правда ли это. Во всяком случае, правительство намерено было продать яхту, но она стоит здесь с середины пятьдесят второго года, а покупателя не находится.

— Почему?

— Не знаю. Может быть, из-за суеверий — боятся дурного глаза, а может, она просто слишком дорого стоит. Ведь даже номера на дверях кают золотые. — Египтянин кивнул. — Король был великий мот.

— Быть может, он пытался подражать древним владыкам, — предположил Петер.

— Ничтожный человек, — заключил египтянин и сделал по крыше несколько шагов. — Посмотрите вниз, по двор, отсюда все прекрасно видно. Грузовики подвозят кипы хлопка, их взвешивают...

— Какие странные весы!

— Это пирамидальные весы.

На трех металлических стержнях, соединенных под острым углом в форме пирамиды, лежало широкое коромысло. К одному его концу был прикреплен крюк, на который подвешивалась кипа хлопка, к другому — разновесы. Очищенный от семян хлопок, предназначенный на экспорт, после взвешивания при помощи системы сложных блоков переправляли в цехи, где триста муж-

чин и женщин подготавливали, смешивали и паковали хлопковые кипы. Рабочий день продолжался восемь часов, дневной заработок мужчин составлял двадцать четыре пиастра, или около пяти марок, женщин — шестнадцать пиастров, или немного больше трех марок.

Фарук получил сорок восемь миллионов марок.

Только что начался перерыв на завтрак. На штабелях кип сидели и лежали женщины в черных и девушки в пестрых платьях, чуть в стороне — мужчины в светлых галабиях. Они смотрели на иностранца с любопытством, хотя и без особого интереса. Но стоило ему навести на них фотоаппарат, как рабочих точно подменили. Они повскакали со своих мест, оттесняя друг друга, старались придвинуться поближе, жестикулировали и громко разговаривали. Одна из девушек подбежала и пытливо заглянула в объектив фотоаппарата. Петер в первый раз увидел египетских девушек и женщин, которые не боялись объектива, как дурного глаза, а без всякого смущения и стыдливости расположились перед аппаратом и даже слезли с кип, чтобы попасть на снимке в первый ряд. К великому сожалению Петера, женщин оттеснили мужчины. Но все смеялись и радовались, словно дети, довольные тем, что иностранец, которого сопровождал сам директор, не обошел их своим вниманием. Когда Петер в знак благодарности произнес арабское слово «муташаккирин»*, все захлопали в ладоши и, несмотря на протест Петера, прервали отдых, чтобы показать, как они работают.

На фабрику только что поступила партия хлопка для Ростока.

— Египетский хлопок, — сказал немецкий инженер, — один из лучших в мире.

После каждого урожая на фабрике составляют образцы нескольких хлопковых смесей и по ним продают хлопок.

Несмотря на то что очистка хлопка от семян производится машинным способом, в нем неизбежно застревают остатки темных твердых коробочек. По краям огромного цеха на возвышении сидели женщины. Быстрыми движениями они выдергивали темные кусочки из белого пуха и бросали хлопок на деревянную решетку

* «Благодарим».

и середине цеха, где его укладывали толстым слоем. Затем за дело принимался рабочий со шлангом в руках, из которого он поливал хлопок. После этого к нему с криком бросались человек двенадцать босых рабочих. Они захватывали охапку хлопка и с торжествующими возгласами подбрасывали ее вверх. Еще шаг, еще охапка, еще возглас и бросок вверх — и так до тех пор, пока весь слой не оказывался разрыхленным. Все это проделывалось несколько раз с исключительной ловкостью и быстротой. Специалисты объяснили Петеру, что вода, просачиваясь сквозь хлопок, смывает с него пыль, и, кроме того, придает ему необходимую передивешиванием и продажей влажность.

— А как вы измеряете процент влаги? — спросил Петер.

— В этом нет необходимости. Рабочий со шлангом знает, когда содержание влаги достигает восьми с половиной процентов веса.

Желая произвести впечатление на иностранца, рабочие выполняли все операции темпераментно, весело, с таким удовольствием и усердием, что показались Петеру великолепно сыгравшейся труппой актеров. Когда Петер поблагодарил их, они в ответ дружно зааплодировали ему.

В соседнем помещении находился пресс для кип. Он двигался очень быстро, но рабочим приходилось двигаться еще быстрее, чтобы не попасть в машину. Здесь увлажненный, разрыхленный и очищенный хлопок спрессовывали в кипы, удобные для перевозки.

Хлопковый пух высокими кучами лежал на чистом цементном полу. Рабочие с лихорадочной поспешностью сбрасывали его в четырехугольную шахту пресса, устье которой находилось вровень с полом. Наполнив шахту — а на это уходило буквально одно мгновение, — трое рабочих соскакивали вниз, ногами утрамбовывали хлопок и выскакивали наверх. Новые груды хлопка летели в шахту, снова трое соскакивали вниз, трамбовали, выскакивали, и пресс завершал работу. Несколько быстрых движений — и вокруг кипы замыкался железный обруч.

Уже одни эти операции способны были захватить зрителя. Все происходило с головокружительной быстротой, и гидравлический пресс ежеминутно выплевывал

кипы на наклонную доску, по которой они со свистом неслись в расположенный внизу склад.

Но этим дело не ограничивалось. Когда трое молодых и сильных мужчин прыгали в шахту, они, вскрикнув, заводили унылую мелодию и в такт ей трамбовали хлопок, отбивая ритм руками по стальным стенам шахты. Это напоминало волнующий танцевальный напев, сопровождаемый барабанным боем.

— Что они поют? — спросил Петер.

— Одну мелодию, слов нет.

В голосах рабочих слышались глухие раскаты грома и звон металла.

— Хлопок — это девяносто процентов жизни Египта, — сказал египтянин.

На бирже

Над колоннами у входа было высечено слово «биржа», справа — по-арабски, слева — по-французски. Умные часы, висевшие на здании, свидетельствовали о том, что происходящие здесь события отстали от времени; часы показывали восемь часов десять минут, хотя было уже около двенадцати. Если стать спиной ко входу, за прямоугольной площадью видно было море.

Петер вошел в здание биржи. Тотчас же до него донесся беспорядочный шум голосов. Биржу лихорадило.

Президент биржи вместо приветствия сказал:

— Вам повезло, на бирже оживление.

Биржа помещалась в высоком зале, разделенном широким проходом на биржу договоров, заключаемых на продажу хлопка, и на биржу акций. Обе они походили на небольшие амфитеатры, где бои происходили почему-то на ярусах, а на арене сидели лишь двое молчаливых мужчин и что-то записывали: возможно, имена тех, кто погиб и кто остался в живых, — определить это было не так просто. Механизм биржевой игры тоже требовал длительного изучения. Но что бросалось в глаза даже непосвященному, так это горячий темперамент действующих лиц. Многие, быть может половина из ста пятидесяти мужчин, сняли пиджаки и суетились на ярусах в одних рубашках. Одни, казалось, изображали лег-

воатлетов — они, словно одержимые, мчались наперегонки к телефону. Другие занимались упражнениями для голоса, выкрикивая все время одно и то же слово, но, видимо, так и не преуспели в дикции, ибо непосвященному зрителю, вроде Петера, слышались только нечленораздельные звуки. Большинство, очевидно, изображало маски. Как бы они ни кричали, лица их оставались неподвижными, глаза холодными и безучастными, рот широко открытым, и только голос и жесты выдавали бушевавшие в их душе страсти.

Человек лет тридцати с лицом без морщин, в белой рубашке с шелковым галстуком кричал, например, так громко, будто выступал в качестве герольда какого-то короля. На нем были брюки темно-синего цвета, то есть цвета бус, защищающих от дурного глаза.

Такой цвет брюк, видимо, был призван охранять задний карман, в котором находился бумажник, но в данном случае и он, очевидно, был бессилен. Человек кричал все громче, но никто не подал ему реплики.

Поблизости стоял другой человек, лет сорока, тоже без пиджака. Его круглую голову едва покрывали редкие волосы. Лицо его от крика так налилось кровью, что казалось, его вот-вот хватит удар.

Петер обратил внимание на мужчину в пиджаке с очками на носу, который спокойно стоял среди общего гама, дожидаясь своей реплики. Суфлер, очевидно, забыл о нем.

На самом верху, почти под потолком, вдоль стены гнулась узкая галерея. Там стояли два наблюдателя: один — ведавший хлопковой биржей, другой — биржей акций. Перед ними находились длинные доски, на которые они заносили буквы или цифры, сообщаемые им из зала по телефону. Они-то, конечно, шли в ногу со временем: у служащего, находившегося в зале, на шее висел микрофон, у служащего на галерее были микрофон и наушники.

Человек на галерее, нависшей над хлопковой биржей, рядом со словом «январь» написал ряд цифр, где первым стояло число 110,10, а последним — 113,10.

— Там теперь застой, — сказал президент, пользовавшийся, как и подобает режиссеру амфитеатра, всеобщим уважением. — В течение дня цены не должны

возрастать или падать больше, чем на три доллара. Так решило правительство.

— Доллары у вас? — удивился Петер.

— Египетские доллары, — пояснил президент. — Пять долларов составляют египетский фунт.

В этот момент по ярусам будто прошел электрический ток. Все начали кричать, широко разевая рты, размахивая руками, перегибаясь через перила. Лица покрылись потом.

— Что случилось? — спросил Петер.

Президент показал на доску. Там в рубрике «январь» появилось число 112,75. Цена упала больше, чем на четверть доллара. Вопли усилились. Теперь человек на галерее написал на доске 113,10. Крики возобновились с новой силой. Президент спокойно стоял рядом с гостем, очень уверенный в себе, невозмутимый, даже какой-то домашний... И вдруг он тоже закричал.

Дело в том, что на противоположной стороне амфитеатра кто-то предложил сделку на март. Президент выкрикнул встречное предложение. Лицо его не изменилось, только широко раскрылся рот, и из него вылетели резкие звуки. Потом он совершенно спокойно произнес:

— Этого я жду уже давно, — и улыбнулся. Внезапно лицо его снова напряглось, и он выкрикнул несколько раз подряд: «Контракт на март! Контракт на март! Контракт на март!»

— Цены как будто растут, — осторожно заметил Петер.

— Да, — сказал президент, — благодаря суэцким событиям все настроены оптимистично.

Рядом, на бирже акций, тоже разыгрывался импровизированный спектакль. Рубашки некоторых действующих лиц были мокрыми от пота. Голоса охрипли. Подойдя ближе, Петер обратил внимание на стройного человека лет тридцати с холодными глазами и здоровенной глоткой, который, не переставая, взывал: «Banque du Caire! Banque du Caire! Banque du Caire!»*. Другие, заглушая его, кричали что-то свое, человек, не обращая на них внимания, рвался на авансцену. Он перелез через ограду, пробрался в нижний ярус и, пере-

* Каирский банк (франц.).

спустились через перила, огласил комнату выкриками: «Banque du Caire!» Никто не реагировал. В конце концов человек устал и замолчал. На смену ему пришел другой, который без передышки восклицал: «Alexandria Water!»*.

— Эти акции колеблются, — крикнул президент Петеру, — потому что в них участвует правительство.

Появился новый мотив:

— Copper, Anglo-Egyptian! **

Под аккомпанемент криков, раздававшихся с ярусов, президент комментировал события на бирже:

— В июле, до начала суэцкого кризиса, эти акции стоили 420, затем упали до 320, а теперь, к концу октября, снова поднялись до 418.

Он кивнул, улыбнулся спокойно и уверенно и прокричал Петеру на ухо то, что думали все:

— Впечатление такое, что угроза войны миновала.

Слуга директора фирмы по экспорту хлопка своим приятным глухим голосом с подчеркнутой скромностью произнес по-немецки несколько фраз. По его непринужденно величественной манере держаться было видно, как он горд собой: все ругают англичан, но говорят на их языке. Все любят немцев, но по-немецки говорит только он. Он научился языку в двадцатых годах, когда служил мальчиком у одного немца, теперь же его короткие густые волосы уже поседели.

Слуга поставил чашки с кахва масбут на круглый стол в кабинете директора, который пригласил Петера посетить фирму и с чисто египетской любезностью выразил готовность ответить на его вопросы. В Египте Петер на каждом шагу встречал слово «Миср», означающее «Египет»: прядильня и ткацкая «Миср», банк «Миср», авиационная линия «Миср», страховая фирма «Миср», судоходство и искусственный шелк, типография и нефть, театр и кино, фармацевтическая промышленность и рудники, каменоломни, литейное производство, рыбный промысел, цемент — все «Миср».

* «Александрийская вода» — название фирмы, занимавшейся водоснабжением города.

** Англо-египетская компания по добыче меди.

Что же такое «Миср»? Гигантская монополия, господствующая в промышленности Египта?

Директор показал Петеру отпечатанный типографским способом список:

— Вот, например, названия фирм, экспортирующих из Египта хлопок. Понимаете: они закупают египетский хлопок у феллахов и вывозят его за границу. Они хотят покупать как можно дешевле, а продавать как можно дороже. Ясно?

— Ясно.

— От цены, которую они платят за хлопок, зависит жизненный уровень наших феллахов. Это ясно?

— Ясно, конечно.

— Они, естественно, стараются платить как можно меньше. Это понятно?

— Понятно, как каждый капиталист.

Директор насторожился.

— Принцип извлечения прибыли действует одинаково при любой экономической системе, — сказал он.

Петер засмеялся.

— Только не принцип распределения прибыли, — заметил он как бы между прочим, чтобы не отвлекать директора. — Но, извините, мы уклонились от темы. Что вы хотели этим сказать?

Директор показал на список и начал перечислять названия фирм, приговаривая:

— Итальянская фирма, греческая, израильская, французская...

Из пятидесяти фирм только три или четыре оказались египетскими.

— Это одна из наших важнейших проблем, — сказал директор. — Иностранцы наживаются на феллахх. Пока это так, мы в отношении экспорта хлопка остаемся колонией, даже если на нашей территории нет ни одного иностранного солдата. Ясно?

— Это верно, — согласился Петер. — И как же вы или «Миср» боретесь с этим?

— «Миср» был основан после второй мировой войны, тогда это был только банк*. В то время в нем участвовал английский капитал. Теперь это чисто еги-

* Этот первый египетский национальный банк был основан в 1920 году. В 1960 году он был национализирован.

иетская компания. Иностранцы не раз пытались приобрести в ней влияние через подставных лиц — египтян, но безуспешно. С тех пор «Миср» проник во многие отрасли хозяйства, в которых прежде господствовали иностранцы, или создал новые, такие, как кинопромышленность или авиация. Понимаете? Хозяйство Египта должно стать египетским. Иначе говоря, Египет должен принадлежать египтянам и в экономическом отношении.

— Понимаю. И «Миср» теперь тоже закупает хлопок у феллахов?

— Да.

— По дешевке?

— Мы вынуждены, конечно, считаться с конкуренцией.

— В таком случае жизненный уровень феллахов теперь зависит от «Мисра»?

— В какой-то степени да. Но не думайте, что феллахи попали в колониальную зависимость от «Мисра». Вся политика нашего правительства направлена на повышение жизненного уровня населения.

— А правительство может влиять на «Миср»?

— Правительство номинально участвует в предприятиях «Мисра». Директор компании утверждается правительством.

— Я читал, что «Миср» предоставляет правительству кредиты.

— Да, но, когда газеты пишут, что правительство потребует кредитов на такую-то сумму, это значит, что дирекция уже обсудила и утвердила заем. «Миср» тесно сотрудничает с правительством, и цель у них одна: независимость Египта и улучшение жизненных условий.

Директор взял со стола большую книгу в коричневом переплете.

— Я сообщу вам только несколько фактов, — сказал он. — В тысяча восемьсот девяносто седьмом году в Египте было девять миллионов семьсот тысяч населения, а национальный доход составлял сто восемьдесят миллионов фунтов. В тысяча девятьсот пятьдесят втором году, в год революции, у нас был двадцать один миллион населения, при национальном доходе, в пересчете на золотой курс тысяча восемьсот девяносто седьмого года, в двести пятьдесят миллионов фунтов. Таким образом, в тысяча восемьсот девяносто седьмом году на

душу населения приходился доход в восемнадцать с половиной фунтов, а в тысяча девятьсот пятьдесят втором году — меньше двенадцати фунтов. За полстолетия жизненный уровень понизился больше чем на одну треть. Вот вам результат английского господства в цифрах.

— Ужасно! — Петер действительно был поражен.

— Население росло, — продолжал директор, — а для развития страны практически ничего не делалось. Таково наследие, полученное революцией.

Директор полистал какие-то бумаги.

— Вот данные, которые вас заинтересуют. Несколько лет назад продукция нашей промышленности составляла только три процента промышленной продукции Западной Германии. За первые два года после революции выпуск продукции возрос на сорок процентов.

Он полистал еще.

— Да, вот: предприятия с числом рабочих и служащих меньше десяти составляли свыше четырех пятых всех промышленных и ремесленных предприятий.

Он положил руку на свои бумаги.

— Иностранцы колонизаторы, конечно, не заинтересованы в развитии нашей промышленности. Наоборот, им выгоднее тормозить ее рост или препятствовать ему, ибо они хотят сами поставлять нам промышленную продукцию.

Он помолчал.

— А сведения о заработной плате у вас есть? — спросил Петер.

Директор снова порылся в бумагах.

— Пожалуйста. Данные о предприятиях с десятью рабочими и больше. Раньше заработная плата составляла два с половиной фунта в неделю. За первые два года после революции она возросла на восемнадцать процентов.

— А как обстоит дело в сельском хозяйстве?

— Земля у нас очень плодородная. Но сельское хозяйство настолько отстало, что урожайность кукурузы, например, в два раза ниже, чем в Голландии. Мы, конечно, принимаем меры: улучшаем качество семян, наладили производство искусственных удобрений у себя и ввозим из Германской Демократической Республики сульфат аммония.

Он посмотрел на Петера.

Вы можете быть довольны, — сказал египтянин улыбаясь. — Мы ценим ваш сульфат, а вы за него получите наш прекрасный хлопок.

Петер тоже улыбнулся.

— Ваши люди проявили себя здесь как хорошие специалисты, а главное — как добрые друзья Египта. Мы этого никогда не забудем.

Петер произнес несколько вежливых слов, какие принято говорить в таких случаях.

— А что вы еще делаете или собираетесь делать?

— Многое. Мы, например, хотим добиться, чтобы коров не использовали в качестве тягловой силы, тогда они будут давать больше молока. Для этого нужны машины. Мы хотим улучшить рыболовство. Пока мы ежегодно закупаем за границей шестнадцать тысяч тонн рыбы, хотя могли бы вылавливать достаточно рыбы в Средиземном и Красном морях и в Ниле. Мы хотим разрабатывать полезные ископаемые: олово, вольфрам, свинец, цинк, хром... Мы заключили договор на строительство сталелитейного завода с западногерманской фирмой «Демаг». И наконец мы собираемся построить огромную плотину у Асуана. Она обеспечит наше сельское хозяйство водой в достаточном количестве в течение всего года и даст возможность отвоевать у пустыни новые земли. Но проект еще вызывает много споров. Некоторые говорят, что строительство Асуанской плотины продлится слишком долго, что египтяне хотят скорее начать жить лучше, поэтому выгоднее строить фабрики. Как видите, у нас много животрепещущих проблем; чтобы разрешить их, нужны силы и вера в будущее. У нас есть и то, и другое. Но нужны еще мирная обстановка и время.

— А какова цель?

— Уничтожить колониализм и голод!

Торговцы, попрошайки, контрабандисты

Прогуливаясь в районе порта, Петер все время чувствовал, что за ним неотступно следят. Гиды, торговцы, официанты кабачков, шоферы такси, ожидающие пассажи-

ров, — все замечали его, заговаривали с ним, сигнализировали о его приближении! Ему казалось, что шепот бежит вдоль домов или, более того, что весть о его появлении переносится ветром по кустам.

Этот район, где по одной стороне улицы возвышалась стена набережной, а по другой — тянулись дома, сильно отличался от аналогичных районов в других портовых городах мира. Сюда не доносились из трактиров громкие песни и крики, на улицах и в переулках не было видно пьяных и откровенных проституток. Здесь чинно выстроились в ряд закусочные с выставленными прямо на тротуары столиками, где подавали кофе, лимонад и пиво. Здесь над ухом иностранца иногда раздавался чей-то таинственный шепот и чьи-то руки протягивали ему порнографические открытки; здесь женщина, прежде чем войти в дверь самого обычного дома, бросала на иностранца призывный взгляд; дельцы всякого рода пытались всучить ему какой-нибудь товар; но ни на портовой улице, ни в узких, полутемных, нищих переулках ему ничто не угрожало. Только по вечерам здесь, наверное, было жутковато.

У портовых ворот номер шесть Петер встретил Махмуда. Тот шел с высоким стройным человеком в красной галабии, ниспадающей складками, подобно мантии арабского принца. Это был всего лишь гид, и он тут же заговорил с Петером, но отошел, как только Махмуд сделал ему знак рукой. Махмуд здесь, видимо, что-то значил.

— Я честный, — сказал он с берлинским акцентом, — я жду немецкий пароход.

Он пригласил Петера в свою лавку, находившуюся в одном из переулков, скорее похожую на небольшой склад. На полках громоздились портфели, сумки, седла, чемоданы, фигурки верблюдов и другие безделушки в основном из верблюжьей кожи, которые матросы охотно покупали в качестве сувениров.

— Дешево, — расхваливал Махмуд свой товар по-немецки. — Люди смотрят здесь, идут в другой магазин, возвращаются назад.

За лавкой он устроил себе нечто вроде кабинетика, там стоял письменный стол со стульями. Он пригласил туда Петера на чашечку кофе и показал ему свои богатства из кожи высшего сорта.

Где вы научились говорить по-немецки? — Петера гораздо больше интересовал сам маленький шустрый торговец с темными блестящими глазами и провалом на месте одного зуба, чем его пестро раскрашенные кожаные верблюды.

Теперь Махмуд говорил по-английски, это ему все же было легче.

— Мой брат когда-то жил в Берлине.

— А по-английски?

— По-английски говорят многие, — ответил он просто. — Я еще знаю французский, норвежский, голландский*.

Махмуд был младшим из шестерых детей в семье. Отец его когда-то владел магазином, но теперь составил. С шести до десяти лет мальчик посещал школу, но не научился ни читать, ни писать.

— Я ходил в порт смотреть.

Ему хотелось не только смотреть, но и торговать, и он начал продавать шнурки, галуны и прочую мелочь. Учитель не раз писал отцу: «Махмуд не ходит в школу».

Отец сердился, но ничто не помогало, тем более что мать заступалась за своего любимца. Она молча клала ему в карман немного денег. Наконец отец понял, что Махмуду нечего делать в школе. Так мальчик в десять лет стал профессиональным торговцем, не обремененным какими-либо иными обязанностями, и начал зарабатывать деньги.

Мать следила за ним с гордостью, а когда ему исполнилось семнадцать — с беспокойством.

— Что-то ты зачастил в рестораны, Махмуд, — сказала она как-то.

Юноша, нетерпеливый, непокорный, смотрел на нее вопросительно и молчал.

— Что ты там делаешь? — спросила мать.

- Сажу с друзьями.

- Знаю, а что делают твои друзья?

— Мы развлекаемся.

- Курите?

— Иногда курим.

* Знание иностранных языков таким полиглотом, каким себя представил Махмуд, часто ограничивается умением произнести несколько слов.

Махмуд рассматривал лежавший на полу ковер со сложным арабским узором в темно-синих тонах.

— Табак? — спросила мать.

Махмуд резко вскинул голову:

— А что же еще?

— Слушай, Махмуд, — сказала мать, — тебе надо изменить образ жизни. Пора тебе жениться. Ты хочешь заботиться о жене... и о детях?

— Если жена мне понравится.

— Это уж предоставь нам, — ответила мать.

Она выбрала для сына четырнадцатилетнюю девочку*, но Махмуд заупрямился.

— Хочу ее увидеть, — твердил он.

— Увидишь, когда поженитесь, — решила мать.

— Тогда я не женюсь, — настаивал Махмуд. — Я по крайней мере хочу быть уверенным, что у нее руки и ноги на месте.

— Можешь положиться на свою мать.

— Я хочу увидеть ее своими глазами.

Мать уступила, как уступала ему всегда, поговорила с матерью девушки, и Махмуд получил разрешение пойти в такое место, где мог хоть раз увидеть девушку. Руки и ноги у нее оказались на месте.

Встретились отцы. Согласно брачному договору отец Махмуда выплатил отцу невесты триста фунтов, а тот купил мебель для трехкомнатной квартиры за семьсот фунтов и много золотых браслетов и других украшений для дочери.

Шесть лет уже прошло после их свадьбы, у них было трое детей, и ждали четвертого.

Когда жена Махмуда родила своего первенца, ей еще не минуло шестнадцати лет.

— Не слишком ли рано? — спросил Петер.

— Нет! Теперь в брак могут вступать девушки не моложе шестнадцати лет и юноши не моложе восемнадцати, и этот возраст даже собираются повысить еще на два года. Зачем? Я очень люблю свою жену, и она меня тоже.

— А еще жена у вас есть? — поинтересовался Петер.

— Нет, — ответил Махмуд. — Нехорошо иметь двух

* Старые арабские обычаи разрешали жениться даже на двенадцатилетних девочках. Сейчас это запрещено законом.

леди*. Все женщины одинаковы, так уж лучше любить одну. Одна ночь здесь, другая там, к чему это? У моего леди две жены, — закончил он неожиданно.

— И он счастлив?

— О да, у него большая торговля лесом, одних машин семь штук.

А жены?

— Жены ладят между собой.

Жена Махмуда занималась хозяйством, его и ее сестры помогали ей. Она никогда не выходила на улицу одна. Раз в месяц муж отвозил ее к матери и позже приходил за ней. Она еще ни разу не была ни в концерте, ни в театре, ни в кино, во всяком случае после того как вышла замуж.

— Она ведь совсем не знает жизни, — сказал Петер.

— Нет, почему же, — возразил Махмуд. — До свадьбы она много видела.

— Но жизнь ведь меняется.

— Теперь она читает газеты и журналы, которые я ей приношу.

— У вас дочери есть?

— Две.

— И они будут потом вести такую же затворническую жизнь, как ваша жена?

— О, они до двенадцати лет могут посещать школу, и потом даже «Big college»**, если будут хорошо учиться. Мы уж им накажем, чтобы они не делали ничего дурного. Но моя жена привыкла сидеть дома. У вас, кажется, многие женщины получают специальность?

— Да, — ответил Петер.

— Мой брат, — рассказывал Махмуд, — тоже учится в университете и видит леди, которые там учатся. Ему двадцать восемь лет, он холост, может быть, он женится на девушке из «Big college», которая не позволила себе ничего дурного. Это он жил в Берлине и научил меня говорить по-немецки.

* Коран разрешает правоверному иметь одновременно четырех жен. Сейчас многоженство в ОАР уступает место моногамии. Радио и печать ведут пропаганду за нормальную семью. Полигамные браки чаще встречаются в провинции и в деревнях.

** Большой колледж (англ.). Имеется в виду высшее учебное заведение.

Махмуд поднялся, снял с полки элегантный светло-желтый чемодан и хлопнул по нему рукой.

— Очень хорошая верблюжья кожа. И очень дешево. Вам нравится?

— Ничего...

— Или вот верблюжье седло. Совсем дешево, только для вас! Всего лишь два с половиной фунта.

— О, это дорого, — сказал Петер, желая его спровоцировать.

— Вовсе не дорого, — заверил тот с самым простым видом, и только в самой глубине его глаз приоткрылась хитрость. — Мать учила меня: «Будь честен!» «Люди, которые делают со мной дела, все говорят: «Он честный, он египтянин, по нему будут судить о всех египтянах, о всей стране». Два с половиной фунта это седло. Самая дешевая цена.

— Скажите, Махмуд, у вас для всех покупателей одинаковые цены?

Это был щекотливый вопрос, и Махмуд ответил не сразу.

— Значит, нет, — решил Петер.

Тут Махмуд нашелся.

— Немцам я продаю дешевле, — заявил он по-рыцарски, — а американцам, когда они важничают, дороже, чем остальным.

— Так что цены все же разные?

— Но всегда честно. Обычно я знаю, что человек хочет купить.

— И тогда вы сразу немного набавляете?

Махмуд засмеялся.

— А как вы узнаете, что человек собирается купить?

Махмуд усомнился, стоит ли ему раскрывать кое-какие из своих тайн, но победило желание казаться крупным коммерсантом, каким он бесспорно и был — ему принадлежали два магазина и плавучая лавка в порту. Он подошел к двери и «изобразил» приход покупателя.

— Вот входит человек, — сказал он и сделал широкий жест, — и окидывает взглядом весь товар, — видите, вот так, — и я сразу знаю: этот не собирается ничего покупать, пришел просто поглазеть. На него я не обращаю внимания. Или, если у меня есть настроение подразнить его, я громко произношу: «Полфунта — это слишком дешево». На самом деле вещь стоит три фунта.

Тут уж он начинает приглядываться, и слово за словом разгорается торг. Но обычно покупатели, если их интересует какая-нибудь вещь, смотрят на нее чуть дольше, чем на остальные. И тут уж я смекаю, в чем дело, и продаю им ее.

— А на какую вещь я смотрел чуть дольше?

Махмуд замялся и улыбнулся.

— Мне, значит, вы решили продать чемодан? — продолжал Петер. — Мне, правда, чемодан не нужен, но этот мне нравится.

Как вам угодно, — сказал Махмуд великодушно, уселся на свое место и закурил.

— Гашиш? — спросил Петер, чтобы навести разговор на эту тему.

Махмуд отрицательно покачал головой и ухмыльнулся.

— А пробовали?

Он посмотрел на Петера и кивнул.

— Это случилось, когда мать сказала, что мне пора жениться. Мы тогда собрались с ребятами, знаете, как это бывает.

— Ну и как?

— Ощущение очень приятное.

— Как после вина?

— Этого я не знаю.

— Никогда не пили?

— Нет. Но это, наверно, опаснее, чем алкоголь, — сказал Махмуд. — Один мой друг, когда накурится гашиша, ночью всё просыпается и громко смеется. Жена тогда тоже просыпается, слышит, как он смеется, и спрашивает: «Ты сошел с ума?» Опасно, опасно, — повторил он и покачал головой.

— А больше не пробовали? — спросил Петер как бы мимоходом.

— Нет. С тех пор как женился, ни разу.

— А как ваш друг употребляет это? — Петер сознательно избегал произносить название наркотика.

— Он разворачивает сигарету, кладет кусочек в табак, опять свертывает и курит. Нужно сначала хорошо поесть, закусить обед фруктами, сладостями, разными деликатесами и курить только дома, одному или с близкими друзьями. Иначе — двадцать пять лет тюрьмы.

— Контрабанда?

Он кивнул.

— А дорого стоит?

— Кажется, — сказал он нерешительно, — около полутора фунтов за кусочек величиной с ноготь большого пальца.

Они разговорились, никто им не мешал, и Петер решил спросить, много ли у Махмуда друзей.

— Много, но не деловых. Друг — это не тот, кого я угощаю хорошим обедом, чтобы потом заключить с ним сделку. С друзьями я живу одной жизнью, их заботы — мои заботы. Если у меня назначено десять деловых встреч, а мой друг заболел, я первым делом спешу к нему и спрашиваю, чем могу помочь. А если у него нет денег, я сую ему в карман несколько фунтов или сигареты, чтобы он чувствовал себя человеком и чтобы ему жилось не хуже, чем мне.

— Друзья, мне кажется, значат здесь часто больше, чем женщины, — сказал Петер.

— Женщина и друг — это разные вещи. До женитьбы я дружил только с ребятами. У нас юноши и мужчины часто ходят под руку или взявшись за руки. За иностранцами я этого не замечаю.

— Да, это нигде не принято, — подтвердил Петер.

Махмуд снова ударил рукой по красивому чемодану и назвал прежнюю цену.

— Я, правда, честный, — произнес он, будто хотел сказать: «Я — исключение в прекрасном порту Александрия».

В скором поезде, отправлявшемся из Александрии, был пульмановский вагон, прицепленный непосредственно к локомотиву. Это длинный вагон с кондиционированным воздухом, с широкими, очень мягкими креслами в белых чехлах, с откидными спинками. Проводник посадил Петера около окна.

Кто-то постучал в окно: предлагали пачку сигарет.

В вагоне было сорок мест. Часть из них была занята, исключительно мужчинами.

В окно снова постучали: на этот раз предлагали плитку шоколада.

Явился проводник и повернул свободное кресло перед Петером сиденьем к пассажиру.

Снова стук в окно: газеты. Торговцы продолжали идти один за другим. Когда поезд тронулся, кто-то постучал снаружи в последний раз, тревожно, будто предупреждая от невосполнимого ущерба, но столь упорно привязываемая плитка шоколада, так и осталась в руках разочарованного владельца.

Начинался вечер. Петер довольно поздно пообедал в ресторане гостиницы. На накрытых белыми скатертями столах стояли вазы с цветами, внизу виднелись скамеечки для ног, обтянутые плюшем. Рядом с Петером за двойным столиком расположились английские туристки, принадлежавшие, по-видимому, к среднему сословию. Женщина лет сорока с подколотыми косами, с пышным бюстом, который не мог поднять никакой бюстгальтер, была затянута в синий с белым искусственный шелк. Ее дочь, малокровная девица, словно изнемогающая от голода и жажды, была одета в платье такой же расцветки; наряд дополняла нитка жемчуга на плоской груди. Рядом с ней сидела зрелая дама, по-видимому всем сердцем преданная своему покойному мужу, — у нее на пальцах было два обручальных кольца, что, впрочем, не мешало ей носить платье с глубоким декольте и золотые серьги и ярко мазать губы. Ей не уступала ее соседка, замужняя женщина. Розовая батистовая блузка и перекинутая через спинку стула розовато-серая шерстяная кофточка были призваны оттенять ее волосы цвета тициановой меди; подведенные темным глаза — смягчать ее крупный нос; низкий вырез — открывать обольстительный бюст. Компанию довершала полная седая женщина в очках с руками ядовито-красного цвета, одетая в белую спортивную блузу. За этим же столом сидела супружеская пара, она — в платье из клетчатой шотландки, он — в темном костюме, оба очень простые, кивавшиеся здесь существами из иного мира. Это были египтяне. Можно было лишь догадываться, как попали в общество англичанок эти люди, совсем не походившие на них ни манерой держать себя, ни внешним видом. Может быть, муж одной из англичанок поддерживал деловые связи с египтянином. Разглядывая своих соседей, Петер вспомнил слова одного европейца-колонизатора, который уже очень давно жил в Александрии: «Теперь тут больше нечего делать. Тридцать лет назад, когда я проходил по тротуару, любой

египтянин, даже хорошо одетый, обязан был сойти на мостовую».

Поезд шел в глубь Дельты, по направлению к Каиру. Накануне вечером Петер на прощание прошелся по набережной. Перед ним раскинулась темная гладь древнего залива Фарос. Вдалеке мигали красные и зеленые огни сигнальных бакенов, расположенных на равных расстояниях друг от друга. Из-за высокого гранитного парапета, сквозь лай автомобильных гудков доносился грохот моря.

Петер зашел в одно из кафе на сваях, возвышавшихся над водой. Сезон закончился, заведение было почти пусто, но окна были еще открыты, и в них врвался шум волн. Вокруг простирались только море и небо над ним.

Под вечер Петер отправился на главную торговую улицу, о которой кто-то сказал ему: «Там большинство магазинов принадлежит иностранцам». В одном месте между домами был разрыв, напоминающий пустое место в ряду зубов; здесь начиналась длинная каменная лестница, которая вела к невидимой цели. Следом за жепщиной, закутанной в черное, и мужчиной Петер поднялся по лестнице, оставив позади мелькание автомобилей. Она заканчивалась в переулке шириной не более метра, с обеих сторон зажатом маленькими старыми домишками. Пахло ослами. Двое ребятишек играли в полутьме. Один из переулков пересекали цветные бумажные гирлянды; молодые супруги в сопровождении друзей и родственников в ярких платьях весело возвращались домой после свадьбы.

Побродив немного, Петер вышел к главному вокзалу. На площади уличные торговцы разложили на тротуарах свои скудные сокровища, как на улице 26 Июля в Каире. Примыкающий к вокзалу квартал состоял из одной широкой, главной улицы и отходящих от нее бесчисленных переулков. Вдоль главной улицы тянулись роскошные магазины. В переулках, в тесных полуподвалах домов, при скудном свете работали ремесленники. Улочки кишели людьми. Одни торговали — что-то продавали, что-то покупали, другие сидели без дела или, изнемогая от голода, просили милостыню. Нищие не выпрашивали подавния жалобным голосом, а чуть ли не требовали его.

«Благочестив тот, — учит Коран, — кто с любовью отдает свое имущество родственникам, сиротам, бездомным, странникам, просящим».

Поезд мчался сквозь ночь. Петер вытащил пачку газет за последние дни, которые он успел только бегло просмотреть. Теперь у него было время их прочитать. Иностраный корреспондент западного телеграфного агентства ежедневно помещал десятки коротких сообщений, касающихся большой политики. Но что происходило за кулисами, куда непосвященный не имел доступа или мог заглянуть лишь случайно?

«День за днем. Большие кинотеатры все чаще осаждаются толпами малолетних. Это дети в возрасте от пяти до десяти лет и даже моложе. Оборванные и грязные, они преграждают взрослым путь в надежде прочесть им какую-нибудь мелочь, чаще всего — палочки из китового уса для воротничков. Некоторые из несчастных малышей порой осмеливаются с трогательной мольбой схватить взрослого за руку. Из всех сил стараются они избежать жестокого наказания, которое им грозит, если они не принесут нескольких пиастров тем презренным, что эксплуатируют их, часто — собственным родителям».

Петер листал дальше.

Несколько дней тому назад по обвинению в контрабандном ввозе наркотиков были арестованы «король опиума» и его банда из четырех человек. «Король», Мабрук Абдаллах Мабрук, ездил в пульмановском вагоне в Суэц и закупал там гашиш. При обыске у него было найдено два с половиной килограмма гашиша на тысячу египетских фунтов. Главарь другой банды из четырех человек — Каравана — прятал сорок шесть пакетов гашиша.

Петер продолжал листать газеты.

Торговец медикаментами в Каире приговорен к году тюрьмы и к денежному штрафу в пятьсот фунтов. Он отказался продать аптекарю какое-то лекарство, хотя оно у него имелось.

Что скрывалось за этим?

Известно, что некоторые лекарства, ввозившиеся из Англии и Франции, с начала суэцкого кризиса перестали поступать. Петеру рассказали, что с конца июля в Александрию не прибыл ни один французский паро-

ход. Тогда египетские власти стали поощрять закупку равноценных медикаментов в других странах, но натолкнулись на сопротивление торговцев и аптекарей, связанных с английскими и французскими фирмами. Истине вопреки те утверждали, будто прежние медикаменты лучше. Они не покупали новых лекарств и не желали трогать старые запасы. Поползли тревожные слухи... Беспокойство переросло в страх. «У нас кончились лекарства. Когда это наконец прекратится?»

Все это делалось с целью создать панику. Приговор суда напомнил, что холодная война против Египта продолжается и даже переносится в такие области, где угрожает здоровью людей.

Коран отвергает многоженство

Приятели сидели в саду Гроппи, одном из самых уютных кафе Каира, находящегося вблизи от здания оперы. В этот предвечерний час здесь наслаждались тенью и лакомились пирожными мужья со своими молодыми женами. Почти все женщины были красивы, некоторые ослепительно прекрасны, с легкой походкой и грациозными движениями. Это были современные женщины, хотя их матери наверняка еще одевались в черное и носили покрывало. Но в выражении лиц этих женщин еще сохранилось что-то непроницаемо загадочное. Недаром их матери и прабабушки на протяжении тысячелетий молчали и про себя думали то, что им не разрешалось произносить вслух.

— Отчего же, — сказал Ахмед, — такой разговор возможен. Я знаком с одной женщиной, правда, не особечно близко, но я мог бы позвонить ей. Она училась в Париже и издает журнал для женщин. Хочешь?

— Конечно, — ответил Петер.

Ахмед тотчас же отправился к телефону, а вернувшись, сообщил:

— Она свободна сегодня с шести до семи и ждет тебя в редакции.

— Сегодня?

— Мой дорогой, тебе пора бы уже привыкнуть к этому. В Берлине — да, там не так, по крайней мере, раньше было не так, — там каждый уважающий себя че-

ловск подумал бы: «Как это будет выглядеть, если я немедленно соглашусь принять его?» — Ахмед засмеялся. — «Где же это возможно?» Так вот, здесь это возможно. Египтяне — люди любезные и не зазнаются.

— Это правда.

— Тогда пошли. Я провожу тебя, но разговаривать ты, конечно, будешь сам. Говорят, она знает французский, как родной язык.

Редакция журнала помещалась в большом старом здании. Петера провели в кабинет главного редактора — маленькую комнату, где перед письменным столом стоял низкий круглый столик с доской из кованой меди, окруженный большими кожаными креслами. Хозяйка кабинета сейчас же распорядилась принести кофе, предложила посетителю сигареты и успела еще дать указания одному из своих сотрудников. При этом он и она стояли.

Петер незаметно разглядывал ее. Изящный светлосерый костюм плотно облегал ее стройную фигуру. Густые, очень черные волосы были тщательно причесаны. Над большими миндалевидными глазами высоко изгибались полукружия бровей. Она была любезна и обаятельна, со служащим разговаривала очень дружелюбно, но порой энергично сжимала свои полные губы, и тогда взгляд ее становился пронизательным и сдержанным, почти холодным.

Затем служащий ушел, и они остались одни.

— Почему я стала бороться за права женщин? — переспросила она. — В молодости я убедилась, какой вред приносит полигамия. Поэтому в Сорбонне я стала изучать право, а темой диссертации избрала тезис: «Коран отвергает многоженство».

Так в нескольких словах была изложена целая история молодой жизни. Когда она упомянула о вреде полигамии, по выражению ее лица было ясно, что в юности она сама пережила какие-то неприятности, даже горе. Но это было сказано между прочим, а спрашивать было неловко, да и вряд ли она захотела бы говорить на эту тему.

Если впечатления юности были настолько сильны, что определили всю ее дальнейшую жизнь, вплоть до смелой темы диссертации, значит, они затронули ее очень глубоко; очевидно, она была свидетельницей какой-то тра-

гедии в своей семье. Может быть, ее мать стала жертвой полигамии.

— О такой теме диссертации я слышу впервые, — признался Петер.

— Да, в Париже было нелегко защитить ее, — сказала она и улыбнулась, очевидно с удовольствием вспомнив свою победу в трудной борьбе. — Семь профессоров были моими оппонентами. Конечно, все мужчины.

— Значит, вы думаете, что все мужчины заранее...

— Быть может, бывают исключения, — сказала она, вежливо улыбнувшись.

— И чем же кончилась защита в Париже?

— Я стала доктором.

— Защитив эту диссертацию?

— Да.

— Как же вам это удалось? — спросил Петер с искренним восхищением.

— В Коране говорится: «Можешь взять себе две, три или четыре жены, если будешь к ним справедлив». В другом месте сказано: «Но ты даже при желании никогда не сможешь относиться к ним одинаково». Понимаете? — спросила она.

— Да!

— Мой тезис гласил: ты можешь взять себе больше одной жены, если хочешь поступать несправедливо. Но так как Коран отвергает несправедливость, то он отвергает многоженство. Что и требовалось доказать.

— Очень дельно, — признал Петер. — Но вряд ли это было легко. В Коране во многих местах говорится об отношении мужчины к женщине, и только в пользу мужчины.

— Времена изменились, — сказала она.

— Верно, — согласился Петер, — но, насколько мне известно, в Коране говорится, что мужчины стоят выше женщин, так как Аллах отдает им предпочтение и так как они расходуют свое имущество.

— Но именно это свидетельствует в пользу женщин, — возразила она. — Когда создавался Коран, только у мужчины было имущество, только мужчина работал и зарабатывал на жизнь, только мужчина, хотя и в редких случаях, учился читать и писать. Тем самым мужчина был выше женщины, как говорится в Коране.

Но сейчас есть женщины, у которых имущества столько же или даже больше, чем у многих мужчин; которые знают столько же или даже больше, чем многие мужчины; которые работают столько же или даже больше, чем многие мужчины, и зарабатывают столько, что мужчинам не приходится расходовать на них свое имущество. Поэтому согласно Корану эти женщины либо стоят выше многих мужчин, либо наравне с ними.

Все это она произнесла легко и уверенно, убежденная в своих знаниях и в своем обаянии. Иногда она подчеркивала какую-нибудь мысль легким движением руки, на которой блестели обручальное кольцо и перстень с большим камнем.

— Извините, — сказал Петер, — ваш тезис лишает, конечно, смысла и то место в Коране, где мужьям дается совет увещевать непокорных жен, покидать их ложе и бить их.

Движением руки она отклонила довод Петера.

— Это писалось в седьмом столетии и было связано с тогдашним зависимым положением женщины. Мне кажется, что и у вас, и даже значительно позже, многие мужчины били своих жен. Но в наше время, — на ее лице в первый раз выразилось презрение, — бить свою жену может только негодяй.

Она приехала из Парижа со степенью доктора юридических наук и основала журнал для женщин. На чьи деньги, она не сказала. Скорее всего это был тот же источник, который дал ей возможность получить дорогостоящее образование, быть может ее мать.

— В первом же номере журнала я предложила своим читательницам написать, что они думают о многоженстве, и высказаться по другим женским вопросам. Пришло много писем, и я убедилась, что проблема полигамии интересует многих.

— А много ли еще встречается случаев полигамии в Египте? — спросил Петер.

— Около четырех процентов общего числа браков.

— Иными словами, примерно двести тысяч случаев многоженства.

— Примерно так.

— А в каких слоях общества они чаще всего встречаются?

— В деревнях.

— Неужели?! — воскликнул Петер.

— Да, да. Подумайте сами: чтобы взять вторую жену, богатому человеку понадобится много денег. Ведь и высших кругах общества на это сможет согласиться только женщина, стремящаяся к праздной жизни и к роскоши. Это дорого. В деревне же все по-другому. Скажем, феллаху нужна рабочая сила, но оплатить ее ему не по средствам. Тогда он берет себе вторую жену. Ему надо только кормить и давать ей немного одежды, которой хватает надолго. В самом деле, женщины и дети на селе — это рабочая сила.

— Значит, если бы одни не были так богаты, а другие так бедны, полигамии бы уже не было.

— Теоретически так.

— Ну, а практически, — сказал Петер, — при полигамии или без нее — всегда есть мужчины, которым кажется, что они любят двух женщин, как наш Гёте в определенный период жизни любил свою подругу Шарлотту фон Штейн и жену Христиану.

— Тогда Шарлотта фон Штейн порвала с ним, кажется.

— Вы это знаете?

— Я как-то читала об этом. Она порвала с ним, хотя ей было очень тяжело. Обе женщины страдают, если вынуждены жить с одним мужчиной. Мне это известно из писем читательниц. Вскоре я убедилась, что в своем первоначальном виде мой журнал не может охватить все необходимые вопросы. Сначала я добавила к нему приложение для детей, а затем приложение, в котором обсуждались политические вопросы.

Она рассказала, что в первом парламенте Египта, в 1925 году, один из депутатов предложил предоставить женщинам определенные права. Это был первый случай в истории страны. Но предложение было положено под сукно.

— Мужчины, — заявила она, — не могут бороться за права женщин.

Петер улыбнулся и возразил:

— Семьдесят пять лет тому назад в Германии вышел труд в защиту прав женщин — «Женщина и социализм», ставший впоследствии знаменитым. Эту книгу написал мужчина, известный социалист. Его звали Август Бебель.

Она тоже улыбнулась:

Если он действительно искренне выступал за права женщин, он должен был говорить о мужчинах примерно так, как я теперь.

Петер засмеялся:

- Почти. Но он не говорил: «Мужчины не могут защищать права женщин», он сказал: «Они еще этого не делают».

- Невелика разница, — заметила она сердито.

Извините, разница есть: в Германии мы, женщины, с тех пор стали лучше.

Ну уж, наверное, не по доброй воле.

Затем она рассказала о своей работе.

Вместе с несколькими читательницами журнала, с которыми она переписывалась, она основала женскую организацию. Позже она сняла для нее специальное помещение. Мужчины старались срывать собрания, оскорбляли женщин, били стекла.

- Но это не помогало! На следующий день я вставила новые стекла.

Она попыталась организовать школу для женщин из густонаселенной части города, но они не посещали занятия. Тогда она предложила министерству просвещения проводить обучение женщин в одной из школ.

- Я сказала школьникам: «Передайте вашим матерям, что завтра в этом классе женщинам будет роздано по шести подарков — расчески, мыло и другие вещи».

На другой день пришли не двести, а пятьсот женщин. Она раздала подарки и тотчас начала урок. В конце она сказала, что такие подарки будут раздаваться один раз в месяц, но неизвестно, в какой день. И кого в этот день не будет, тот не получит подарка.

Это был большой успех, — сказала она, удовлетворенно улыбаясь.

Но женщины сидели за партами в черных платьях, под черными покрывалами. Новое не укладывалось в старую форму, ее надо было разрушить. Новое требовало новых форм.

Она стала выдавать им платки, чтобы в классе они снимали покрывала, а после урока снова собирала платки. Она заметила, что женщинам все больше нравились белые платки, они улыбались, надевая их. Тогда она начала выдавать женщинам на время урока блузки и платки. Затем наступил решающий день. «Кто в новой

одежде пойдет домой, тот получит ее в подарок», — сказала она.

— И что произошло?

— Было бы, конечно, преувеличением сказать, что все мои ученицы тут же с восторгом бросились в новой одежде домой. Это, разумеется, было не так. Превращение совершалось медленно, постепенно, но совершалось. Оно сопровождалось тяжелой, мучительной борьбой. Обиженные мужа возмущались, бранились, угрожали...

Она учила женщин проявлять гибкость в отношениях с мужем, например, советовала делать уроки только в его отсутствие или когда он спит.

У большинства мужей хватало ума во всяком случае на то, чтобы скрепя сердце примириться с новым, хотя, может быть, и не сразу. Только один муж остался непреклонен.

Они были женаты десять лет и имели пятерых детей. У них были неплохие отношения, пока жена оставалась дома и делала то, что он хотел. Потом она услышала, что в школе дают подарки, пошла туда, посидела на уроке и ощутила небывалую радость. Ей казалось, что перед ней открылся новый мир. «Где ты была?» — спросил ее дома муж. Она рассказала, вновь переживая свою радость. Выслушав ее угрюмо, муж сказал: «Кончено! Больше ты туда не пойдешь!» Это прозвучало как угроза. Она промолчала, но на следующем занятии пошла. Муж снова спросил: «Где ты была?» Она не обратила внимания на угрожающий тон, отвечала ласково, говорила, как хорошо учиться, доказывала, что успевает все сделать по дому, просила ее почитать...

Муж только повторил:

— Больше ты туда не пойдешь!

— Пойду! — возразила она.

— Что ты сказала?

— Я хочу учиться!

Он стоял перед ней.

— Больше не пойдешь, говорю тебе!

Она снова промолчала. В следующий раз, когда она пошла в школу, муж выгнал ее из дому, а потом развелся с ней. Детей он оставил у себя и ничего не дал жене на жизнь.

Доктор Сорбонны добилаь многого, но законы оста

шесть прежними. Муж в любой момент мог выгнать жену на улицу, дети оставались у него и у его новой жены. Мать никаких прав не имела.

Нужно было что-то предпринять.

В феврале 1951 года она созвала конгресс женщин. Он заседал в Каире, по соседству с парламентом. В четыре часа дня она открыла заседание.

«Это первый парламент женщин, — сказала она. — Через час рядом начнет свою работу парламент мужчин. Мы не признаем этого парламента. Мужчины могут представлять только мужчин».

Она спросила участниц конгресса — их было около тысячи, — готовы ли они отправиться к парламенту, чтобы требовать предоставления прав женщинам. Они согласились.

— Сначала я провела, как говорится, разведку местности. Шофер решил, что я сошла с ума: три раза заставила я его объехать вокруг здания парламента. Заметив, что охрана открывает ворота только перед автомобилями депутатов, я попросила двух самых красивых наших девушек стать на тротуаре против охраны, будто они случайно встретились и заболтались. Я решила, что солдатам захочется поглядеть на девушек и они не станут их гнать. Толпа женщин собралась в переулке, где их не могла увидеть охрана. Как только к воротам приблизилась машина депутата, девушки подали условный знак. Женщины бросились вперед, вслед за машиной проникли во двор, окружили охрану и развернули тридцать транспарантов с надписями: «Долой парламент без женщин!» Охрана растерялась. Офицер пригрозил, что прикажет открыть огонь. «Вас повесят, если вы станете стрелять в женщин», — ответила я ему. Депутат в машине, знавший меня, пытался вмешаться. «Что вы хотите? Женщины и так руководят мужчинами», — говорил он.

Тут она прервала рассказ и засмеялась:

— Это верно, египетские женщины — прирожденные дипломаты. Мужчинам кажется, что они все решают сами, в действительности же они делают лишь то, чего от них добиваются женщины хитростью.

— Ну, вряд ли вы за это боретесь...

— Конечно, нет!.. Мы пять часов простояли во дворе парламента, и никто ничего не мог с нами сделать.

В конце концов депутатам захотелось уйти домой. Меня вызвали в парламент и обещали, что будет принят закон о семье, а женщинам предоставят право избирать и быть избранными. Обещание парламента имело почти силу закона, не хватало лишь подписи короля. — Она с горечью улыбнулась. — Закон так и не был принят. Несколько дней спустя король сказал моему мужу на приеме: «Пока я жив, ваша жена не получит прав».

— В Египте больше нет короля, — заметил Петер.

— Затем пришла революция. Парламент был распущен. Наша страна пошла по новому пути. А закона о правах женщин все не было... Тогда некоторые женщины в Каире и Александрии объявили голодовку и добились письменного обещания, что правительство выполнит требования женщин. Наша организация охватывает всю страну, у нас шестьсот учениц и свой журнал.

Дома Петер открыл немецкий перевод Корана и прочитал в суре 4, стих 3:

«...Женитесь на тех, что приятны вам, женщинах и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то на одной...»

И через несколько страниц стих 128:

«...И никогда вы не в состоянии быть справедливыми между женами, хотя бы и хотели этого...»

— Ты остался доволен? — спросил Ахмед по телефону.

— Очень.

— Хочешь поговорить еще с одной женщиной — главным редактором другого журнала?

— С удовольствием.

— Она ждет тебя в пять часов к чаю у себя дома. Если у тебя другие встречи, отложи их.

— Ты прямо как главный распорядитель. Большое спасибо!

— Ты недостаточно интересуешься египетскими женщинами, вот я и решил тебе немного помочь, пока нет Ивонны.

— Разве она вернется? — удивленно спросил Петер.

— Понятия не имею. Ты ничего от нее не получал?

— Открытку из Хартума.

— Вот видишь. Она не заставит себя ждать и скоро

нится, чтобы раздражать и осчастливливать нас. Тот есть меня раздражать, а тебя...

— Ничего подобного, — прервал Петер.

В общем, поторопись использовать сегодняшний вечер. Запиши адрес, а потом позвони мне. У меня в записе еще третья женщина — художница.

Прежде чем Петер успел раскрыть рот, Ахмед продиктовал адрес и попрощался.

Египтянка приняла Петера в салоне, обставленном позолоченной мебелью в стиле ампир. Салон сообщался широкой дверью с соседней комнатой.

Она сразу же оживленно заговорила, села в кресло, закинув ногу на ногу. Манеры у нее были несколько развязные, глаза, когда она говорила, лукаво блеснули.

— Меня воспитывали, как мальчишку, — сказала она живо и весело, будто угадав мысли Петера, и тут же начала рассказывать о своем детстве. — Мой отец хотел мальчиков, а рождались девочки. Четыре девочки подряд. Когда родился пятый ребенок — на этот раз действительно мальчик, — девочки уже все были воспитаны, как мальчишки.

Она буквально сияла, вспоминая свои проказы, в глазах ее плясали чертики. Быть мальчиком — значило иметь право на шалости, на то, чтобы ходить или ездить с отцом на прогулки, тогда как девочкам полагалось сидеть дома, с матерью. Быть мальчиком значило в то время принадлежать к избранным, которым разрешалось посещать школу, а быть «мальчиком» ее отца значило обладать еще одним преимуществом: дети из зажиточных семей посещали английские и французские гимназии, ее же отец из чувства протеста против иностранного засилья отдал в египетскую школу.

— Вы не можете себе представить, — говорила она горячо, — как гордился отец, когда после четырех лет обучения в начальной школе я получила аттестат зрелости и могла поступить в высшую. Он с гордостью показывал мой аттестат друзьям и знакомым. Для него было событием, что его дочь будет учиться в институте, причем тоже в египетском, а не в иностранном. В институте я, между прочим, начала писать.

Она сама принесла чай и прохладительные напитки.

— Чай заваривала моя дочь, у боя сегодня свободный вечер.

Она разлила чай.

— Да, у меня уже взрослая дочь. Ей почти пятьдесят лет. Мы, кстати, кажется, единственная египетская семья, которая завещает дочери такую же часть имущества, что и каждому из сыновей.

— И сколько же она получит?

— Пятьдесят федданов земли.

— А сколько она получила бы по существующим обычаям?

— В два раза меньше, чем брат. «...Сыну, — говорится в Коране, — долю, подобную доле двух дочерей». Между прочим, первый конфликт у меня был из-за решения религиозного суда.

— Когда вам было столько лет, сколько теперь вашей дочери?

— Нет, нет. Тогда я только начала писать. Конфликт возник позже.

— А что вы писали?

— В начале критические заметки о школе. Конечно, под другим именем. Читатели думали, что автор — взрослая женщина, быть может, получавшая сведения от своей дочери.

Ей до сих пор было забавно вспоминать об этом как о «мальчишеской проказе» детских лет.

Отец умер, но перед смертью решил, что она должна поступить в университет. В 1932 году она начала учиться на литературном факультете. Это случилось через три года, после того как женщинам был открыт доступ в Каирский университет.

— Я была одной из первых студенток в Египте, — сказала она гордо.

Но студенты не принимали ее всерьез. Когда в группе возникал спор, она должна была молчать. Если она не желала молчать, считалось, что у нее «плохие манеры».

Она не молчала. Она даже была первой девушкой, игравшей в теннис, и прослыла поэтому «безнравственной».

— Парни стояли вокруг и глазели на меня, как на обезьяну в клетке.

— Даже в очень отдаленных странах люди мало чем отличаются друг от друга, — улыбаясь, сказал Петер. — У нас рассказывают, что первых девушек, остригавших

кости, считали безнравственными. Это было после первой мировой войны. В то время немецкий католический епископ заявил, что купаться в общественных местах безнравственно. Все это в общем давно забыто.

Она закурила сигарету и сказала:

— Ну, у нас предрассудки более живучи. Религиозные суды выносили приговоры на основании древних обычаев. В этих судах женщина никогда не могла добиться справедливости. Один возмутительный приговор по делу о разводе даже заставил меня выступить в газете с резким протестом. В то время я каждую неделю пи-гала в эту газету. В конце концов меня вызвал министр юстиции. «А, это вы,— сказал он.— Еще совсем ребенок, а пишете такие статьи! Снисходя к вашей молодости и неопытности, я сейчас не отдам вас под суд, но в следующий раз вы будете наказаны. Можете идти».

После революции пятьдесят второго года религиозные суды были отменены, и я написала открытое письмо бывшему министру юстиции: «Помните, как вы со мной разговаривали?» Он не ответил.

По совету отца она не выходила замуж до окончания университета, но была обручена, и ее жених очень помогал ей в журналистской работе. Он возил ее в машине и ходил с ней в кино. Однажды она сама села за руль и сшибла пешехода. У него был перелом ноги. Газеты опубликовали ее имя и сообщили, чем она занимается: студентка и журналистка.

Мать прочитала сообщение.

«Это правда — ты журналистка?»

Она ничего не знала, так как дочь по-прежнему подписывала свои статьи псевдонимом.

«Да, мама».

Мать сказала, что это позор. От стыда и огорчения у нее случился сердечный приступ, затем он повторился, и год спустя она скончалась.

— Так было еще в середине тридцатых годов,— сказала журналистка.

— А каким вопросам посвящен теперь ваш журнал?

— Главным образом разводам. Мы защищаем разведенных женщин и их детей. Здесь еще много дела. Мы требуем, чтобы дети оставались у матери, и не только до одиннадцати лет, но и до восемнадцати. Мы также требуем, чтобы законом разрешалось вступать в брак

девушкам не моложе восемнадцати лет, а не шестнадцати, как теперь, юношам же — не моложе двадцати вместо восемнадцати. Юноши должны успеть до женитьбы получить специальность, а девушки в шестнадцать лет еще недостаточно созрели. Моей дочери в будущем году исполнится шестнадцать лет, а она еще совсем ребенок. В Америке отношения между полами тоже не совсем упорядочены, и я считаю, что это нехорошо.

— Вы были в США?

Она кивнула.

— Я поехала в Америку, — сказала она, — надеясь этим принести пользу Египту. Но на прощание я высказала своим американским слушателям все, что я о них думаю. Теперь я сожалею об этом, но говорила я от чистого сердца. Я много выступала в разных концах Америки, и каждый раз ко мне подходили слушатели. Я надеялась услышать от них вопросы о моей стране, но напрасно. Люди приходили слушать меня, только чтобы провести время, а интересовались они деньгами, моими платьями или модой... Я сказала в последнем выступлении: «Вы думаете, что за доллары можно добиться всего. Вы ошибаетесь. Дружбу купить нельзя. Дружить по-настоящему вы не умеете»..

В комнату вошли муж и дочь хозяйки. Муж, тихий, погруженный в свои мысли человек, был профессором. На свою жену он смотрел с теплотой и любовью, но немного снисходительно. Дочери он улыбнулся с гордостью и похвалил ее скромную, со вкусом сшитую школьную форму — простое синее платье с белым воротничком.

— Красиво, — сказал отец, — почти как наш национальный костюм.

Стройная черноволосая девушка с темными глазами и тонкими чертами лица искренне рассмеялась и сказала:

— Тебе это платье нравится потому, что не ты должен носить его каждый день.

Эти трое являли собой образец современной египетской семьи, живущей в мире и согласии благодаря тому, что здесь царил достаток и женщина пользовалась теми же правами, что и мужчина.

Перед бурей

Кто живет на краю пустыни, привыкает к грозным бурям,— сказал как-то Ахмед.

В Каире все было, как обычно.

В ночь на 13 сентября эскадра английского военного флота приблизилась на шестьдесят километров к устью Нила, а на рассвете продвинулась еще на тридцать километров. Об этом стало известно много времени спустя, в конце октября.

6 октября тридцать пять французских инженеров внезапно оставили работу в Асуане и уехали. Газеты сообщили об этом тоже только в конце октября.

21 октября министр иностранных дел Египта вылетел из Женевы, где он останавливался по дороге из Нью-Йорка, чтобы встретиться с египетскими послами, аккредитованными в Париже, Лондоне и Берне. Во время суэцкого кризиса Швейцария была удобной нейтральной базой. Через Берн можно было вести секретные телефонные переговоры с Парижем или Лондоном, какие опасно было вести непосредственно из Каира. В Египте еще не знали, что один из членов Федерального совета Швейцарии был шпионом, подслушивал разговоры между Берном и Каиром и передавал их содержание французскому военному атташе.

В тот же день британский авианосец «Тезус» с частями морской пехоты на борту направился из Портсмута на укрепление английского флота в Средиземном море. Это ни у кого не вызвало подозрений.

В тот же день в Синайской пустыне взорвались две израильские мины. Один египетский солдат был убит, офицер и два бедуина — ранены. Это казалось несчастным случаем, не более,— сообщалось о нем в крохотной заметке.

В тот же день в королевстве Иордания проводились первые нефальсифицированные выборы. Большинство из четырех тысяч избирателей отдало свои голоса так называемым национальным социалистам и всем тем, кто стремился расторгнуть договор между Иорданией и Англией, в силу которого Англия платила Иордании двенадцать миллионов фунтов в год за право иметь в стране военные базы. Выборы явились победой над колониализмом.

В это время полковник египетской армии выступил в газете со статьей, раскрывавшей тайну посещения столицы Иордании — Аммана — английским генералом Темплером. Темплер предложил Иордании шестьдесят танков и десять реактивных истребителей, если она присоединится к Багдадскому пакту. Жители столицы вышли на демонстрацию протеста против пакта, англичане ее расстреляли. Правительство раскололось, и предложение Темплера, не собравшее большинства голосов, было отвергнуто. Теперь, во время выборов, стало ясно, что Багдадский пакт отклонен всем народом.

В те же дни в Багдад прибыла парламентская делегация ФРГ; в числе ее членов был некий князь Бисмарк, внук «железного канцлера».

В те же дни молодой король Иордании принял военного министра Египта, и в Аммане начались переговоры между генштабистами Египта, Сирии и Иордании.

В те же дни Совет Безопасности Объединенных Наций обсуждал жалобу Иордании на Израиль; 25 сентября, 10 октября и в ночь на 11 октября войска Израиля нарушили гарантированное ООН соглашение о перемирии и обстреляли пограничные деревни Иордании. Израиль же утверждал, что нарушила перемирие Иордания, что ее террористы часто нападали на израильтян и что в дальнейшем Израиль намерен полагаться только на свои собственные силы.

Еще многое произошло в те последние дни октября, но пока трудно было собрать это воедино и уж никак нельзя было почувствовать приближение бури.

Один из государственных деятелей Египта сообщил, что Англия еще до заключения Багдадского пакта пыталась изолировать Египет от арабских стран азиатского континента. Через посредство Ирака Англия предложила, чтобы Ирак, Сирия, Иордания и Ливан образовали одно государство; Египет, Судан и Ливия — другое; Саудовская Аравия с Йеменом — третье.

Правительство Египта ответило, что прошло то время, когда судьбами стран можно было играть, как пешками на шахматной доске, что народы сами должны решать свою судьбу. Лишь после провала этого плана Англия взялась за сколачивание Багдадского пакта.

В конце октября было создано совместное командование вооруженных сил Египта, Сирии и Иордании во

главе с военным министром Египта. Это был удар по Багдадскому пакту.

В те же дни Сирия предоставила национальной гвардии Иордании девятьсот тысяч фунтов, а Египет — пять реактивных истребителей.

Тогда же поступило сообщение из Лондона, что Англия готова возобновить переговоры с Египтом о Суэцком канале.

Французский посол в Каире был отозван в Париж.

Король Иордании поздравил парламент с победой, одержанной на выборах, и предложил представителям большинства сформировать правительство.

В ответ на это одно иностранное телеграфное агентство передало исходившее от министерства иностранных дел Франции сообщение, будто король Иордании убит. На самом деле король был жив.

В те же дни правительство Египта предупредило, что иностранные самолеты, которые появятся в зоне канала, будут обстреляны; король Иордании направил премьер-министра с благодарственным письмом к президенту Египта; премьер-министр Сирии нанес визит дружбы в Москву; министр иностранных дел США объявил, что Объединенные Нации предотвратили войну за Суэцкий канал, «но, добавил он, будущее остается неясным».

В те дни, между 20 и 27 октября, в центре внимания на Востоке находились Иордания и Алжир.

Французские власти заставили самолет, летевший из Марокко в Тунис, сесть в Алжире и арестовали пятерых пассажиров, как руководителей алжирских повстанцев.

Правительство Египта заявило протест по поводу нарушения гражданских прав человека; парламент Иордании предложил правительству порвать дипломатические отношения с Францией; король Иордании заявил, что, пока не будет решена судьба всей населенной арабами территории — от побережья Атлантического океана до Аравийского залива, — борьба не прекратится; премьер-министр Сирии предупредил французского посла в Дамаске о возможных последствиях незаконного ареста людей.

Казалось, что порывы ветра взвихрили песок пустыни, но никто не ждал бури.

Это было в последнее воскресенье октября.

Обычно в воскресенье мусульмане работали, а христиане отдыхали. В пятницу наоборот — мусульмане отдыхали, а христиане работали. Вид города от этого почти не менялся. На этот раз все было иначе.

Город на берегу Нила лежал, будто погруженный в глубокий сон.

Трамваи не ходили. Автобусы длинными рядами выстроились вдоль набережной. Такси исчезли или стояли у тротуаров без водителей. Магазины были закрыты, лотки убраны, уличные торговцы исчезли. Даже рестораны бездействовали, и только к обеду открылось несколько маленьких закусочных. Почти никто не выходил из дому. По пустым улицам лишь изредка проезжала частная машина, почти беззвучно, не подавая сигналов, быстро, как человек с нечистой совестью, спасающийся бегством.

Каир бастовал.

В Египте, как и в других арабских государствах, была объявлена всеобщая забастовка протеста против ареста пяти алжирских деятелей, против колониализма и империализма.

Каир застыл в молчаливом возмущении.

В то воскресенье, за три дня до конца месяца, когда голодные волки и гиены напали на поселок бедуинов вблизи Суэца, вырвали ребенка из рук отца и растерзали, прежде чем их удалось отогнать, — в то воскресенье незаметно началась война.

Жители «города солнца» — Гелиополиса * — увидели в то утро высоко в небе над аэродромом близ Каира нечто вроде летящей бочки, из которой струился густой дым. Они решили, что это одно из загадочных летающих блюд.

В то воскресное утро молодежь большого города Халеба, на севере Сирии, устроила по наущению заговорщиков демонстрацию, подожгла школы и принадлежащие французам здания, не предполагая, что эти действия должны послужить сигналом к гражданской войне в Сирии, за которой последовала бы высадка французских войск.

* В прошлом предместье Каира. Сейчас один из самых красивых районов столицы ОАР. Примыкает к международному аэропорту.

Даже военный министр Египта не знал, что война уже началась, и тем более не мог он знать, что явится одной из первых ее жертв. В составе делегации, ведшей в Аммане переговоры о создании совместного египетско-сирийско-иорданского командования, он прибыл в Дамаск и должен был лететь дальше, в Каир. В субботу, в девять часов вечера, военный транспортный самолет С-246 поднялся с аэродрома Дамаска, благополучно достиг Средиземного моря, радировал, на какой находится высоте, и... замолчал.

В аэропорту Дамаска как будто приняли еще один его сигнал — «SOS». После этого самолет пропал навсегда.

Примерно в тот же день правительство Израиля объявило о мобилизации запаса, сославшись на то, что на его границе якобы концентрируются иракские войска, что создано совместное командование трех арабских стран, что арабские террористы возобновили налеты на Израиль, а Иордания грозит ему войной.

Во второй половине дня в это же воскресенье государственный секретарь США в течение двадцати пяти минут совещался в Вашингтоне с английским послом, а затем пригласил французского посла принять участие в беседе.

На следующий день правительство США предложило американским гражданам покинуть Египет, Сирию, Иорданию и Израиль, если их присутствие не вызывается крайней необходимостью. Таким образом, после беседы с английским и французским послами американское правительство оказалось информированным о предстоящих событиях на Ближнем Востоке, но ничего не сообщило в печати, не сочло нужным предостеречь общественность. Единственное, что могло возбудить подозрения, это то, что даже в разгар суэцкого кризиса США не отозвали своих граждан из Египта. Американский посол в Каире сделал заявление для печати, в котором сквозило удивление: «Мне кажется, что решение о выезде американских граждан связано с современной ситуацией. Оно явилось для меня неожиданностью. Такая оценка положения исходит из Вашингтона».

На вопрос о Ливане американский посол ответил: «Ливан не относится к числу стран, упомянутых в распоряжении о выезде».

Понедельник в Каире был самым обычным днем. Никто не говорил о войне, никто о ней не думал. В каких-то правительственных учреждениях несомненно имелись секретные сведения о предстоящих событиях, но население ничего не знало и не предполагало. Каждый занимался своими делами. Если бы даже у кого-нибудь возникли тревожные мысли, он бы их немедленно отогнал. Что, собственно, могло случиться? В июле, во время национализации Суэцкого канала, действительно была опасность, но она миновала. Быть может, она еще существовала в середине сентября, когда иностранные лодманы устроили бойкот и английский флот угрожал Розетте. Но теперь? Три месяца спустя? Когда небо безоблачное? Нет, о войне никто не думал. Этот понедельник в Каире начался, как любой другой день.

Незадолго до этого Петер вместе с аккредитованными в Каире немецкими дипломатами был на приеме в офицерском клубе. Клуб сыграл известную роль в истории Египта: в нем было подготовлено свержение монархии. В зале на стене висела большая картина, изображавшая отъезд из Египта короля Фарука на яхте «Махрусса».

На приеме Петер разговорился с министром, и тот осведомился, между прочим, не хочет ли Петер осмотреть достопримечательности Каира в сопровождении знающего человека. Петер ответил, что надеется найти время, чтобы второй раз и более внимательно осмотреть Национальный музей с его бесценными сокровищами времен фараонов, музей исламского искусства и коптский музей в Старом Каире, где собраны экспонаты, относящиеся к римско-христианскому периоду Египта. На этом разговор закончился, и Петер о нем забыл.

Но в этот понедельник Петеру позвонили и от имени министра любезно предложили показать в Каире все, что он захочет увидеть. Это был сотрудник отдела по обслуживанию туристов, и к тому же свободно говоривший по-немецки. Они направились к крепости, возвышавшейся на одной из гор Гебель-эль-Мукаттама. Высокие, стройные минареты копиями торчали над городом и были видны издали. Крепость была построена в XII веке из каменных глыб от разрушившихся пирамид, а мечеть с копьевидными минаретами возвел в XIX веке Мохаммед Али. Будучи вице-королем, он сумел добиться

от Высокой Порты самостоятельности для Египта и положил начало королевской династии, оказавшейся последней.

К противникам или соперникам он относился беспощадно. Как-то раз он пригласил в крепость на званый обед мамелюков (их предки, рабы турок, были проданы в Египет, а позднее сумели захватить власть), прекрасно угостил их, а вместо десерта велел всем гостям перерезать горло.

В зале, где состоялся этот исторический обед со столь необычным концом, на креслах и кушетках сидели восковые куклы в живописных костюмах, изображавшие тогдашних вельмож.

Мечеть Мохаммеда Али была облицована алебастром. У входа в передний двор стоял человек в галабии, рядом с ним, около кучи шлепанцев из зеленоватого брезента, сидел на корточках другой. У него посетители получали туфли, чтобы не снимать обувь, как в других мечетях, и не ходить по коврам босиком,— за бакшиш, разумеется, который немедленно переключивал в руки того, кто стоял.

Натянув на туфли шлепанцы, Петер вошел в передний двор. В центре его, под портиком, виднелся источник. Здесь верующие совершали омовение перед молитвой, а молились они пять раз в день... «О вы, которые уверовали! Когда встаете на молитву, то мойте ваши лица и руки до локтей, обтирайте голову и ноги до щиколоток». Затем они входили в мечеть и склонялись в сторону Мекки, где находилась могила пророка. Гид, подививший американских туристов, громогласно давал объяснения, садился на ковер и показывал, как молятся мусульмане, кричал, чтобы продемонстрировать прекрасную акустику мечети.

С крепостной стены открывался широкий вид на Каир, окутанный в этот весенний день легкой дымкой.

В некотором отдалении, к югу, над долиной Нила поднималась другая вершина Гебель-эль-Мукаттама, на ней виднелся незаконченный дом.

— Там создается новый город,— услышал Петер.— Каир расположен в долине. Новый Каир строится на горе, там больше воздуха*.

* Сейчас строительство этого района Каира приостановлено.

Часть дороги, ведущей в гору, прокладывали заново. Вдоль нее лежали каменные глыбы, тянулись каменные ломни. Рабочие добывали камень, строили дорогу, рыли котлованы, возводили на горе дома... Итальянская фирма строила казино — об этом кричали с плаката крупные буквы. Дома ставили на земле, которую государство продавало застройщикам по цене тысяча фунтов за участок в двести квадратных метров. Новый Каир, полный воздуха, явно предназначался для богачей. Слева от возвышенности, внизу, раскинулась пустыня и мусульманское кладбище на ней, справа вздымались горы пустыни, а вдаль, скрытые дымкой тумана, виднелись пирамиды Гизе. Было без четверти пять. Кроваво-красное солнце висело у самого горизонта; через несколько минут оно погрузилось в пески пустыни, и наступила тьма.

Вечерние огни залили город. Неоновые гирлянды у мостов раскачивались над Нилом.

Этот день был, как все другие.

Бомбардировщики над Каиром

Один из сотрудников министерства пригласил Петера на следующий день посетить репетицию в театре. Они условились встретиться на террасе гостиницы, что на берегу Нила.

Солнце погружалось в листву пальм, окруженное красной дымкой. Было еще совсем светло, но, как только огненный шар исчез, зажглись лампы на террасе, бледным светом засветились уличные фонари, тускло загорелись световые рекламы; светло-голубые, почти бесцветные, повисли на мостах неоновые гирлянды. Скоро наступит темнота, испещренная тысячами ярких искр, у машин, бегущих по улицам и мостам, выкатятся неподвижные белые глаза, а на фоне черного бархата зажгутся ясные звезды.

И только гудеть машины будут так же, как днем.

Внезапно гудки заглушил резкий звук, подобный воллю.

Он то утихал, то нарастал, автомобильные гудки постепенно замирали и наконец смолкли. Теперь в воздухе бушевал только вой сирен.

«Что случилось?» — этот вопрос выражали глаза, жесты, его произносили вслух.

Вопль продолжался. Казалось, он разъедал клетки мозга.

Уличные фонари погасли, гирлянды на мостах не стали видны, машины остановились. Движение прекратилось. И только вой сирен продолжал терзать нервы.

Никто не знал, что означает сигнал тревоги. Газеты сообщали, что накануне израильские войска перешли границу Египта, но утром сопровождавший Петера египтянин сказал ему, что в этом нет ничего трагичного, такие нарушения уже случались и раньше.

Сирены умолкли.

Город внезапно охватила непривычная тишина. Посетители и официанты стояли на террасе отеля и смотрели на небо. Порой кто-нибудь произносил одно-два слова. По тротуару, держась за руки, плелись два подростка в ситцевых галабиях и в чем-то серьезно убеждали друг друга. Молодая красивая женщина в ярком коротком платье с большим вырезом быстрым шагом прошла мимо. У стены набережной стояли два старика, один в брюках и рубашке, другой в галабии. Они то и дело поглядывали на небо. По Нилу вниз по течению шел парусник. Водители роскошных автомобилей, стоявших перед гостиницей, с неподвижными лицами сидели за рулем. У входа в гостиницу тид в парчовой галабии, в белом шарфе поджидал иностранца, который пожелал бы вечером или ночью прогуляться по Каиру.

Откуда-то издали доносился грохот орудий.

Взгляды, ощупывавшие горизонт, не находили на небе ответа на свой немой вопрос, но люди, по-прежнему не отрываясь, вглядывались в перламутр небесного свода. Вскоре надвинулась ночь, непривычная и странная в своей черноте. Уличные фонари не рассеивали тьму, не горели огни на мостах и рекламы, почти не видно было света в домах. Лишь кое-где висели освещенные квадраты окон, будто специально для того, чтобы оттенить окружающий мрак. Автомобили снова пришли в движение, и их горящие подфарники напоминали глаза хищников в ночных джунглях.

В темном холле гостиницы мерцало несколько свечей. Петер разглядел египтянина, который ощупью пробирался к нему между рядами кресел.

— Моя машина застряла,— смеясь, произнес он.
Пойдемте?

— В темноте? — спросил Петер.

— Поймаем такси.

В непривычной, таинственной темноте, наводившей уныние, под сводами моста непрерывным потоком двигались машины с притушенными фарами, гудя еще сильнее, чем обычно. Такси мчалось по призрачным улицам за машинами-призраками, мимо пешеходов-призраков. Зажглась спичка, промелькнул огонек свечи, остальное время машина шла по каким-то мрачным ущельям; пока не достигла едва различимого в темноте служебного входа в здание оперы.

Внутри было светло. Репетиция еще не началась. На сцене небольшими группами стояли молодые мужчины и женщины, страстно о чем-то спорившие. При виде иностранца все замолчали. Режиссер заговорил с Петером о содержании спектакля, пригласил в кабинет директора и извинился, что из-за тревоги репетиция задержалась.

— Люди немного взволнованны,— вмешался директор.

Разговор велся в официально-корректном тоне. Только когда директор узнал, что его гость прибыл из Германской Демократической Республики, его холодная вежливость сменилась теплой приветливостью и дружеским отношением и он начал рассказывать о работе театра.

— В Каир приезжали коллективы художественной самодеятельности из Советского Союза, Венгрии и Китая, по их примеру мы начали изучать пляски и песни своего народа,— сказал он.— В результате мы создали целый спектакль, полный музыки и танцев. Народные напевы обработал молодой талантливый композитор. Труппа получила приглашение выступить с этим представлением за границей. В следующую субботу спектакль будет показан правительству, и оно решит, поедет ли труппа за рубеж. Если вам интересно...

— Очень.

— Мы пришлем вам приглашительный билет,— пообещал представитель министерства.

Они пошли в зрительный зал. На сцене уже шла репетиция. Режиссер рассказал Петеру, что по политическим мотивам он долго жил в Тунисе и только недавно вернулся в Египет. Артистов, певцов и танцоров он ра-

искал в деревнях и на производстве, лишь одна девушка была профессиональной танцовщицей. Все остальные имели специальности, не связанные с искусством, и днем были заняты на работе. Молодой исполнитель главной роли служил в конторе.

Он играл деревенского парня, который должен был жениться на двоюродной сестре, но не устоял против чар русалки. Куда только не заносит его судьба! Следя за перипетиями его жизни, зрители знакомятся с обычаями деревни, с песнями рыбаков у моря, с городской сутолокой. Они видят празднование дня рождения пророка, торговлю сладостями, любят деревенскими плясками, танцами русалок и — на вечере в деревне — спектаклем кукольного театра со вставным номером на тему о Суэцком канале.

Репетировались сцены из разных действий, артисты декламировали, пели, плясали, работали с куклами. По сцене пронесся целый поток самородных талантов.

— Ну, нравится вам спектакль? — спросил Петера сотрудник министерства, сидевший рядом.

— Посмотрев его, человек, даже ничего не знающий о Египте, не может не полюбить его народ, — ответил Петер.

— О труппе и о спектакле много писали, — сказал египтянин, — ругали его, говорили, что нельзя с такой программой ехать за границу. Поэтому мы и хотим показать ее правительству.

— Быть может, критиков смущает то, что актеры набраны из самодеятельности? — предположил Петер.

— Но вам, значит, нравится?

— Очень. Я бы хотел задать два вопроса. Почему юноша в конце следует за русалкой в воду и погибает?

— Сказка.

— Почти как в «Лорелее» Гейне. Но египетские юноши предпочитают жениться и производить на свет кучу детей.

Египтянин засмеялся.

— А второй вопрос?

— Почему жених и невеста двоюродные брат и сестра?

— Это у нас часто бывает, хотя генетики не советуют родственникам вступать в брак.

— В печати не советуют?

— Нет, не в печати.

— Но спектакль скорее призывает следовать примеру героев,— сказал Петер.

На улице было по-прежнему темно. С террасы на тротуар падал слабый свет.

— Не стоит вам сейчас оставаться на улице одному,— сказал египтянин.

Они возвратились в гостиницу на берегу Нила, чтобы вместе поужинать. Прозвучал отбой, но не успели они подняться из-за стола, как снова завывли сирены. Огни опять погасли, посетители остались сидеть в темноте. Один продолжал курить сигарету. На него закричали, он погасил ее. Петер и египтянин ошупью пробрались на террасу и молча смотрели на темный город. Наконец раздался отбой. В гостинице зажглись огни, но рекламы так и не загорелись, уличные фонари — тоже, и гирлянды на мостах оставались черными.

Около четырех часов утра жителей Каира разбудил вой сирен, после восьми он повторился. Оба раза над крышами палили зенитки попеременно с ружейными и пулеметными очередями.

Был последний день октября.

Правительство объявило всеобщую мобилизацию.

Рано утром Петеру позвонил сотрудник отдела по обслуживанию туристов и сообщил, что им не удастся посетить музей восковых фигур: музей закрыты, школы и университеты тоже. Авиационное сообщение прервано.

Англичане, французы и американцы по указанию своих правительств успели эвакуироваться. Газеты опубликовали сообщение из Бонна о том, что правительство ФРГ тоже дало указание своим дипломатическим миссиям в Каире, Дамаске и Аммане эвакуировать граждан ФРГ из опасных районов Ближнего Востока.

— Какая кровавая комедия! — проговорил Ахмед.

Он сидел с Петером на террасе гостиницы на берегу Нила, откуда хорошо были видны мосты и набережные.

— Сначала израильтяне провоцируют пограничные столкновения с Иорданией,— продолжал он,— пока конфликтом не начинает заниматься Совет Безопасности. Израиль утверждает, будто он только отражал нападения Иордании. Затем Израиль объявляет мобилизацию якобы в ответ на создание военного союза Египта, Сирии и Иордании. Но это только предлог. Израиль на-

падает на Египет, а Англия в это время заявляет, что правительство Израиля заверило английского посла, будто оно не собирается нападать на Иорданию. Теперь Англия и Франция требуют, чтобы Египет прекратил военные действия на суше, на море и в воздухе, оттянул свои вооруженные силы на расстояние десяти миль от Суэцкого канала и таким образом дал бы возможность Англии и Франции занять ключевые позиции в Порт-Саиде, Исмаилии и Суэце. — Ахмед бросил газету на стол: — Ты видел что-нибудь подобное?!

— Это война, — сказал Петер.

Ахмед кивнул:

— Это война. Все это от начала и до конца наглая игра англичан. Они натравливают Израиль на Египет, а корчат из себя бог весть каких миролюбцев. Подлые лицемеры!

Петер еще не видел Ахмеда таким взволнованным.

— Ты думаешь, они осмелятся? — спросил Петер.

— Не знаю, — тихо ответил Ахмед и посмотрел на Иил. — Если они решатся, прольется много крови. Египтяне горят гневом, можешь мне поверить. Они не отступят. Лучше умереть, чем терпеть англичан!

Снова завывали сирены. По набережной двигались грузовики с солдатами. Ахмед и Петер подошли к перилам террасы. Солдаты стояли и сидели на корточках в кузове машины. Двое стояли за кабиной водителя с винтовками наготове. Ходить по тротуару вдоль берега Нила теперь было запрещено. Там вышагивали часовые с винтовками наперевес и прогоняли прохожих на противоположный тротуар. Какой-то пешеход попытался послушаться... Дуло винтовки немедленно уперлось ему в грудь, палец часового лег на спусковой крючок. Молодая женщина с младенцем на руках и двухлетним ребенком так испугалась, что с громким криком бросилась бежать и едва не попала под колеса грузовика. Прохожие стали ее успокаивать и отвели в переулок.

Солдаты выглядели решительно и непримиримо. И над всем этим висели звуки винтовочных выстрелов, треск пулеметов и отдаленный грохот орудий.

Петер и Ахмед поехали на такси в Замалек к друзьям Петера. Фары машин были выкрашены в синий цвет. Тревога кончилась, но вскоре вновь раздался дунераздирающий вой сирен. Петер и Ахмед сидели на

балконе высокого дома на берегу Нила, прислушиваясь к гулу самолетов и к стрельбе зениток. На горизонте вспыхнули белые огни и повисли над Каиром. Жена друга Петра тяжело вздохнула.

— Теперь они повесили фонарей,— сказала она со страхом и возмущением, вспомнив бомбежки Берлина.

— Что это, мамочка? — спросил трехлетний сын-нишка.

— Это иллюминация, милый,— солгала она.

И тут раздались взрывы.

На следующее утро газеты сообщили, что англичане и французы пытались высадиться в Порт-Саиде, что прошлой ночью английские реактивные истребители сбросили на Каир, Александрию, Исмаилию, Порт-Саид и Суэц зажигательные и фугасные бомбы; что в Совете Безопасности Англия и Франция наложили вето на решение, осуждавшее нападение Израиля; что Советский Союз предложил Совету Безопасности осудить агрессию Соединенного королевства и Франции, «выразившуюся в бомбардировке египетских населенных пунктов и высадке войск».

Ночью у моста Фуада стояли лагерем египетские солдаты в обмундировании защитного цвета. Они спали, завернувшись в одеяла, прямо на тротуарах. По мосту и по тротуарам ходили патрули. По ту сторону моста солдаты вырыли вдоль берега реки небольшие окопы. По городу непрестанно мчались грузовики с войсками. Одна воздушная тревога сменялась другой, с крыш стреляли зенитки. Большие универмаги закрылись, как только зашло солнце; опасаясь тревоги, все хотели попасть домой до наступления темноты. Только некоторые маленькие лавчонки еще оставались открытыми — их хозяева, вероятно, жили в том же доме.

Петер находился в одной такой лавчонке в Замалеке, когда завывали сирены. Дверь на улицу была открыта. Тускло горевшие фонари немедленно погасли. Крики раздирали темноту. «Сигара! Сигара!» — восклицали вокруг. Перед домами, в которых еще бледно светилось одно из окон, одновременно раздавались несколько взволнованных голосов. Улицу лихорадило. Вначале египтяне не понимали, что это означает, когда небо ос-

ощущается иллюминацией и раздаются выстрелы. Люди жемкали плечами или смеялись, как дети. Но теперь уже падали бомбы, сеявшие смерть. Хозяин лавки закрыл дверь, но маленькая лампочка продолжала гореть. В дверь загрохотали кулаками, раздалась угрозы. Лавочник потушил лампочку и громко произнес:

- Это сосед. Несимпатичный человек.

- Вы египтянин? — спросил Петер. Ему показалось, что крики за дверью звучали враждебно.

— Я родился в Египте, — ответил хозяин и после небольшой паузы добавил: — но я еврей.

Кто знает, что скрывалось за этой сценой? Может быть, «несимпатичный сосед» был фанатиком и ненавидел всех иноверцев. А может быть, он считал себя вправе предполагать, что человек иудейского вероисповедания симпатизирует агрессорам. Кто знает? Через закрытую дверь слышно было, как на улице бранились, затем замолчали, словно прислушиваясь, и снова разразились руганью. В лавке теперь не раздавалось ни звука, гьма была кромешная. Петеру казалось, что наступило одно из тех напряженных мгновений, когда одно слово может вызвать взрыв.

— Мне бы хотелось уйти, — сказал Петер, — если вы можете открыть дверь.

— Конечно, — не задумываясь, ответил хозяин, — но я бы не советовал. Куда вам надо?

Петер назвал улицу.

— Вам придется пересечь улицу 26 Июля, а во время тревоги это запрещено. Но если хотите, попробуйте.

Петер поблагодарил и вышел на тротуар. Было так темно, что он ничего не видел — ни улицы, ни тротуара, ни домов, никого из тех, кто еще недавно кричал, а теперь где-то застыл в безмолвии. Петер посмотрел на звезды; разглядев на фоне неба края крыш, сообразил, в каком направлении ему надо двигаться, и пошел, ногами нащупывая дорогу. Кругом по-прежнему не раздавалось ни звука, но Петер чувствовал всем своим телом, что проходит мимо людей, сидящих на корточках или стоящих, хотя не слышал ни шепота, ни даже кашля. Воздух словно дрожал, насыщенный молчаливой ненавистью к коварным убийцам, которые бороздили небо над Каиром.

Ощулю, шаркая ногами, прислушиваясь, Петер шел до просвечей части улицы 26 Июля, куда падал слабый свет звезд. Он услышал бегущие шаги. Две тени очутились перед ним и хриплыми голосами заговорили по-арабски. Петер ответил, тоже по-арабски, что он немец из Восточной Германии, и назвал улицу, на которую хотел попасть. Один взял его за локоть, перевел через дорогу, а на другой стороне предупредил перед началом тротуара, чтобы он не споткнулся о его край и не упал. Затем пожал ему локоть на прощание и ушел, а Петер один продолжал свой путь.

Египет им не достанется

В пять часов утра Петера разбудил сильный оружийный огонь. Он подошел к окну. Над Каиром была ночь. Нил напоминал темную, слегка поблескивающую ленту. Больше ничего не было видно.

Около восьми снова была объявлена тревога, и с плоских крыш соседних домов начали стрелять зенитки. На крышах других домов стояли люди и следили за белыми облачками разрывов в небе.

Газеты печатали скудные сообщения о военных действиях. Каирская радиостанция молчала. Ходили слухи, что в нее попала бомба. Накануне Петер довольно долго пробыл в радиокомитете, беседовал с его руководителями и авторами радиопередач, изучал самые передачи. Один из работников радио — в свое время он учился в одном из берлинских институтов — обсуждал с Петером возможность передачи репортажей в Берлин. Кто-то посоветовал действовать через радиокomпанию «Маркоши», которая осуществляла радиосвязь египетской столицы со всем миром. Многие сотрудники обещали помочь Петеру; он должен был созвониться с ними на следующий день.

Но теперь молчали и телефоны: ни служебные, ни домашние не отвечали. Здание радиокомитета охранялось, и без специального пропуска в него нельзя было войти.

В полдень Петер встретился с Ахмедом в гостинице на берегу Нила, чтобы вместе пообедать. Подали только холодные закуски: из-за непрерывных тревог кухня не

работала. На этот раз бомба упала где-то поблизости. Вдрожали окна, весь дом сотрясся. У немногих еще оставшихся в гостинице постояльцев было испуганное или напряженно-непроницаемое выражение лица. Некоторые сидели в холле рядом со своим багажом. Стройная женщина с выражением безмерной усталости спросила своего мужа по-немецки: «Неужели нет никакой другой возможности?» Он слегка пожал плечами в ответ, вышел на террасу и посмотрел на улицу. Там находились только египтяне, многие из них страстно жестикулировали. Все были явно напуганы, и наблюдавшему с ними немцу стало не по себе. Он вернулся в холл, там же уселся возле своих чемоданов и стал ждать с видом человека, который знает, что ему угрожает опасность, но ничего не может сделать.

— Сегодня выступал президент,— сказал Ахмед.— Египет будет защищаться до последней капли крови, сказал он. Если понадобится, он сам будет драться на улицах Каира.

— Неужели дела обстоят так плохо?

— Чтобы покорить нашу страну, им придется уничтожить двадцать три миллиона египтян. Враги воображали, что стоит им только начать войну, и народ восстанет против правительства. Смешно! За исключением предателей, против империалистов все, начиная с коммунистов и кончая консерваторами. Многие — коммунисты и другие прогрессивно настроенные люди — с удвоенной энергией борются против всякой зависимости, навязанной извне. Здесь бессильны какие бы то ни было полицейские меры.

— «Полицейские меры»,— с горечью повторил Петер.

— Да,— сказал Ахмед,— цивилизация сделала большие успехи: убийцы из-за угла выступают в роли блюстителей порядка. Чем мы провинились перед англичанами и французами? У себя дома мы взяли канал в свои руки, за это они сбрасывают на нас бомбы.

Муж той молодой женщины, что говорила по-немецки, снова в беспокойстве вышел на террасу, посмотрел на улицу и на небо. Отбоя не было, и выстрелы не прекращались.

— Одно ясно как день,— продолжал Ахмед,— это банда лицемеров и убийц. Притворяются блюстителями порядка — и сбрасывают бомбы и десанты. Вопят о за-

щите Суэцкого канала — и блокируют его. Прикидываются защитниками закона — и убивают детей.

Ахмед пылал от ненависти и возмущения. Достаточно было посмотреть на него и сравнить с египтянами чаулице, чтобы понять: все они думают и чувствуют одинаково. В них не было и признака пассивного отношения к войне, никто из них не хотел сидеть сложа руки и ждать, пока он будет уничтожен. Не было в них и показного героизма — стремления совершить подвиг и умереть.

Эти люди сопротивлялись войне, они ее боялись — многие из них, по словам Ахмеда, пользуясь свободным днем, отвезли своих жен и детей в деревню, — но при всем том, испытывая беспокойство и даже страх, они были смелы и отважны.

В Каире царили порядок и спокойствие. Трамваи, автобусы, тысячи автомобилей и такси ходили, как обычно. Магазины работали до наступления темноты, каирцы делали покупки, как в мирное время. В первые дни кризиса многие покупали больше, чем всегда, но успокоились, убедившись, что запасы возобновляются и товаров много. На улицах было оживленно, как прежде, только солдат стало больше да появились военные машины, патрули, окопы, а на крышах — зенитные орудия.

Вечером Петер снова сидел в темноте на балконе в квартире своих друзей. Внизу лежал черный Нил, за ним виднелась часть кварталов Каира. Свет мало где горел, на мосту Фуада и на шоссе на противоположном берегу мелькали красные огни стоп-сигналов, иногда вспыхивали фары. Но вот взревела сирена, и все огни вмиг погасли. Город, обычно залитый светом, послушно погрузился в темноту. Над скопищем домов, мерцая, простиралось небо, густо усеянное звездами. Порой падающая звезда яркой полосой прорезала небосвод. Кругом неподвижность, покой, тишина...

Ее нарушил гул самолетов. Опять тишина. Затем горизонт побагровел и вниз понеслось что-то похожее на чудовищно длинное, толстое, докрасна раскаленное бревно. Жидкая горячая масса предназначалась, наверное, для освещения земли. И снова зловещая тишина и мрак. Потом вблизи исторгнутого небом огня взорвались белые ракеты; они не погасли и не упали, а так и

остались висеть в небе. Петер насчитал двадцать три штуки. Это были «фонари», известные ему по страшным почам бомбардировок Берлина. А потом на горизонте испыхнули огненные вулканы и гораздо позже раздался грохот взрывов, осветивших ночь. Петер огляделся. Судя по тому сколько времени прошло между вспышкой и звуком взрыва, бомбы упали примерно в тридцати километрах, но кругом стало так светло, что Петер без труда различил лица друзей, сидевших в комнате. Он посмотрел на часы: стрелки были отчетливо видны.

Кто-то откашлялся. Сердца всех сжимались от страха, горя, возмущения... Так вот что они, оказывается, называют охраной порядка! Бомбы, сброшенные на мирную страну, гигантские столбы огня, уничтожение в несколько секунд труда миллионов людей, убийство мирных жителей! И подумать только, что такие вещи еще возможны, что они происходят в наше время!

С начала войны прошла уже почти неделя. Рассказывали, что израильские войска начали наступление в Синайской пустыне, — этого никто точно не знал. Стало известно, что гибнут люди — мужчины, женщины, дети... Каждому, даже неспециалисту, было ясно, что у Египта слишком мало солдат и оружия, чтобы он мог долго сопротивляться трем агрессорам, даже если каждый взрослый египтянин погибнет в неравной борьбе. Если бы Исмаилия, находящаяся только в семидесяти километрах от Порт-Саида, попала в руки противника, то это открыло бы врагу путь через пустыню к Каиру.

Столица уподобилась мишени для стрельбы с воздуха, на которой стрелки демонстрируют свое мастерство. Они начинают с наружных кругов мишени, предоставляя зрителям гадать, когда придет очередь внутренних кругов и яблочка. Вечер за вечером падали бомбы на окраины Каира, все сильнее пылали пожары. Даже на следующее утро над горами пустыни стлался дым. Бомбы, по-видимому, попали в аэродром около Гелиополиса, в самолеты и склады с горючим. Сколько было разрушено домов, не сообщалось. Знакомый, живший в Гелиополисе, рассказал Петеру, что во время воздушного налета укрывался у себя дома за баррикадой из матрацев. Взрывная волна выдавила окна и двери, и осколки по-

сились в воздухе. Бомбы должны были поразить стратегические цели и парализовать сопротивление населения. После аэродрома на очереди были большой железнодорожный мост и центральный вокзал. Смерть приближалась.

В шесть часов утра Петер поехал на центральный вокзал. Граждане западных государств эвакуировались уже несколько дней назад, так как их правительства знали о надвигающихся событиях. Граждане восточных стран остались. Теперь специальный поезд должен был доставить женщин и детей в Асуан, откуда они через Судан отправятся домой.

Вокзал был заполнен египтянами, главным образом женщинами и детьми. Среди мешков с вещами, потрепанных чемоданов и картонок, среди орущих детей и утешающих их матерей редко-редко можно было увидеть в толпе мужчину, явно провожающего жену и детей из города, подальше от опасности. «Ах, если бы вы, джентльмены и месье, которые развязываете войну, увидели спасающихся бегством женщин с детьми и не испытали бы при этом жалости, значит у вас вместо сердца камень или, быть может, бумага, на которой печатаются акции», — подумал Петер. Ему с трудом удалось пробраться к поезду — перрон был до отказа забит сидевшими и стоявшими людьми. В память врезалась молодая женщина вся в черном, с младенцем, завернутым в темное одеяло. Она не шевелясь сидела на корточках, из черного платка выглядывало миловидное лицо, неподвижное, с уставившимися в одну точку глазами. Она была настолько подавлена, что не замечала огромной мухи, давно сидевшей на уголке ее рта. Кто ее муж? Солдат? Где он? В пустыне? Жив ли он? Она смотрела перед собой невидящим взглядом и только изредка мигала. Это было единственное движение, которое заметил Петер, долго наблюдавший за ней.

Незабываемое впечатление произвела на него и девушка, которая привела свою мать на вокзал, спокойно и сердечно объяснила ей что-то, а затем начала прощаться. Мать и дочь долго стояли обнявшись. Мать была закутана в покрывало, на девушке была синяя форма освободительной армии. Эти два представителя разных поколений напомнили Петеру эпизод, рассказанный Ахмедом. В автобус вошли две девушки — бойцы освободи-

тельной армии. Молодой парень, типичный феллах, сказал, обращаясь к женщине в черном: «Видишь, мама, даже девушки вступили в армию. Ты ведь не хочешь, чтобы я сделал меньше, чем они». Мать ответила: «Нет, конечно нет. Но у врагов столько оружия, гораздо больше, чем у нас, и ты не сможешь защищаться». «Если у меня не будет ружья, я разорву врагов зубами!» — воскликнул феллах.

Рассказав это, Ахмед добавил:

— У моей старшей сестры три сына служили в армии. Один погиб. Я пошел к ней, чтобы утешить ее. Она держалась стойко и тихо сказала мне: «Он погиб за родину. Я знаю, мы победим, значит, он погиб не напрасно». И лишь потом расплакалась.

За холмом, в пустыне к востоку от Каира, в густом чаду взошло солнце. На небе громоздились тяжелые, темные тучи, все еще смешанные с дымом. Были вечера, когда пламя взрывов и пожаров долго застилало горизонт. Были дни, когда на фоне неба с рассвета и до темноты вздымались огромные столбы дыма, густого, черного, угрожающего... Были часы, когда казалось безразличным, возвещают сирены тревогу или отбой. Война днем и ночью висела над городом: стреляли зенитки, трещали пулеметы, в дневном небе взрывались вражеские самолеты. Машины противника не были видны — слишком высоко они летали, только появлялись и исчезали белые облачка разрывов зенитных снарядов. Но иногда высоко вверху вдруг появлялась вспышка сначала кроваво-красного, а затем — на мгновение — белого цвета — это в реактивный истребитель противника попал снаряд и разнес его на куски.

Накануне вечером английская радиостанция передала, что Исмаилия захвачена войсками ее величества.

Но еще до восхода солнца военные действия прекратились, и Исмаилия осталась в руках египтян.

Прекращение огня мало что изменило в Каире. Как и прежде, люди были полны решимости.

— Мы будем защищать наши города, каждую улицу, дом за домом, как русские на Волге, — еще накануне говорил какой-то ремесленник.

— Это ваше личное мнение? — спросил Петер.

И в ответ услышал:

— Спросите любого пешехода на улице — каждый скажет так же.

В первый день войны многие египтяне не верили что правительства Англии и Франции прикажут своим солдатам воевать даже против мирного населения. Но потом на многие города упали бомбы. Загремели взрывы. К небу поднялись столбы огня. Женщины и дети погибали от бомб. И эмоциональные, темпераментные египтяне восстали против агрессоров.

«Нас двадцать три миллиона человек! Каждый, кто в силах держать оружие в руках, готов умереть за свою страну. Враги могут истребить нас всех до одного, но Суэцкий канал им не достанется, Египет они не получат». Эти слова египетского писателя, произнесенные в первый день войны, выражали мнение всего народа.

Английский генерал, начавший военные действия у Суэцкого канала, заявил корреспонденту: «У египтян больше танков, чем мы предполагали». Но, по-видимому, дело не только в танках. Генерал натолкнулся на сопротивление египетского народа, и это главное. Нападающие ожидали, что завоевание Египта окажется совсем нетрудным делом, чем-то вроде прогулки на самолетах. Они воображали, что современной техникой и смертоносными бомбами запугают потомков фараонов, вызовут среди них панику и деморализуют, после чего под прикрытием танков и самолетов войска ее величества легким шагом с высоко поднятой головой прошагают от Суэцкого канала до Каира. Но вдруг на них посыпались колотушки.

Тем не менее будь Египет одинок, самое тяжелое ждало бы его еще впереди. Но к Египту со всех сторон потянулись дружеские руки. Сирия взорвала нефтепровод и объявила мобилизацию. Индия осудила нападение на Египет. Двести пятьдесят тысяч китайских добровольцев вызвались прийти ему на помощь. Но самый решительный шаг предпринял Советский Союз, заявив правительству Англии, что не допустит порабощения Египта. Египетская газета писала по поводу прекращения боев: «Страх перед русскими — начало мудрости».

В то утро, когда людям вновь улыбнулась мирная жизнь, Петер шел по улицам и смотрел вокруг. У входа в парк, рядом с технической школой, сидели на кор-

гочках трое мужчин в белых галабиях; молодой читал газету двум старикам, потом все трое стали обсуждать прочитанное. Чуть дальше, на обочине тротуара, беседовали двое полицейских в белой форме. Один из них сидел на велосипеде, правой ногой опершись на тротуар, левой — на педаль. В одной руке он держал большой букет красных роз, в другой — бутерброд. Он как раз откусил от бутерброда, когда его глаза встретились со взглядом Петера. Оба засмеялись, и белые зубы сверкнули на темном лице полицейского-велосипедиста с розами и хлебом в руках.

Дальше, перед лавкой зеленщика, рядом с повозкой, запряженной ослом, стоял феллах, очевидно из пригорода Каира. Он сгружал и относил в лавку умело уложенные заботливой рукой цветную капусту, морковь-каротель, свеклу, салат, искусно связанный в пучки, мешки с луком.

По улицам шли переполненные трамваи и автобусы, на подножках гроздьями висели люди, но никто не толкался и не ворчал; каждый имел право ехать, даже если мест как будто больше не было; двигались автомобили ярких окрасок, темные, с белой окантовкой такси, мотоциклы с колясками, низкие мопеды, повозки, запряженные лошадьми или ослами, велосипеды, а между ними сновали пешеходы, которым не терпелось перейти улицу.

У края тротуара сидел на корточках мальчик лет пятнадцати. Он вынимал из мешка маленькие очень сочные и вкусные лимоны, раскладывал их по величине в плоские корзины. Недалеко от него возле корзины с яйцами примостилась женщина, закутанная в длинный черный платок. Несколько мужчин в галабиях, сидя на корточках, степенно попивали кофе с молоком. Сквозь бурлящую толпу пробирался паренек, балансируя подносом, на котором стояло штук десять стаканов с тем же напитком. Шофер такси затормозил возле Петера и жестом предложил ему сесть в машину.

Двери магазинов были широко раскрыты, прилавки и витрины ломались от товаров. Чего здесь только не было: мясо и хлеб, апельсины, финики и бананы, самые разнообразные овощи, консервы в жестяных банках, вина и ликеры, водка и виски, сельтерская и пиво! У входа в сад, возле высокого белого дома, полускрытый зе-

ленью, под пальмой сидел старик перед грудой розовых и красных роз и вязал их в букеты.

Наступила мирная жизнь.

Англичане стреляют в женщин

На одной из главных улиц Каира стояло прямоугольное здание, отделенное от тротуара низкой каменной оградой с высокой железной решеткой. Широкие ворота в середине ограды охранялись военными и штатскими. Это было одно из немногих зданий столицы, куда нельзя было войти без специального пропуска. В чьем распоряжении находится все здание, Петер так и не узнал. Однажды он спросил у ворот, где помещается бюро цензуры, и какой-то пожилой человек в темной галабии поднял его на лифте на четвертый этаж и долго водил там по коридорам и переходам. Человек, перебивавший нитку деревянных бус, похожих на четки, — эта привычка очень распространена среди египтян, — был очень любезен и услужлив, он улыбался и кивал иностранцу, но исподтишка не переставал наблюдать за ним. В конце концов он привел Петера в коридор, где через открытые двери были видны комнаты со множеством пишущих машинок и большой зал с огромным клапаным коммутатором телефонной станции. Некоторые из сидевших там египтянок хорошо говорили по-немецки.

Теперь Петер назвал водителю такси улицу, где находилось это здание. Водитель остановил машину не у ворот, как просил Петер, а у начала ограды и заявил, что дальше ехать нельзя.

Выйдя из машины, Петер понял, что его, иностранца, водитель подвез непосредственно к караулу. К Петеру немедленно приблизился часовой и потребовал документы.

— Инглезе? — спросил он.

— Нет, — ответил Петер, — аллемани, аллемани шарки*.

Часовой разглядывал паспорт. Подошел второй, третий, мгновенно вокруг собралось человек тридцать прохожих, все они подозрительно осматривали иностранца.

* Немец, восточный немец (араб.).

Часовой пробормотал что-то по-арабски. Он явно не мог прочесть ни слова. Из толпы спросили по-английски:

- Куда вы идете?
- Туда, к воротам.
- Что вам нужно там?
- Я хочу попасть в здание.
- Зачем?
- В цензуру.
- Почему?

Толпа увеличилась, подошли полицейские. То, что Петер европеец, — это видел каждый, и он околачивался возле таинственного здания; здесь его задержал военный пост. А война еще идет! Что ему здесь надо? Что он высматривает? Так, красноречивее всяких слов, говорили глаза присутствующих, пока солдаты решали, отнести ли иностранца к начальнику караула или пропустить к часовому у ворот. Не отдавая паспорта, часовой махнул рукой, и Петер, с двух сторон конвоируемый солдатами, в сопровождении толпы любопытных направился вдоль ограды к воротам. Теперь и на противоположном тротуаре останавливались прохожие; у ворот несколько человек ждали приближения триумфального шествия.

Среди них Петер заметил любезного старика с деревянными бусами и махнул ему рукой. Старик узнал его, быстро пошел навстречу, приветливо улыбнулся и подал Петеру руку.

Часовые и ротозей на мгновение остановились в замешательстве. Затем они разошлись. Какая глупость! Шпион оказался вовсе не шпионом.

В тот день информационное ведомство пригласило журналистов посетить вечером зону канала. Сбор был назначен в широком дворе высокого здания на улице Сулеймана-паши. Там Петер увидел Ивонну. Она приехала накануне вечером. Вместе с другими иностранными корреспондентами они отправились в путь в одном из маленьких автобусов.

Ивонна заявила, что ей не повезло. Хотя она своевременно получила от своей газеты предписание вылететь в Каир, по особым причинам — Ивонна не стала вдаваться в подробности — она все же не успела получить билет на самолет до прекращения авиационной связи с Каиром. Пришлось ехать поездом из Хартума

через пустыню в Вади-Хальфа, оттуда, от второго порога Нила, — паромом в Асуан и снова поездом — в Каир. Поездка отняла много времени, тем более, что «одно неприятное происшествие» заставило ее задержаться в пути.

Теперь они ехали в город Эль-Мансура, расположенный примерно в ста километрах к северу от Каира. Война здесь не чувствовалась. Не было видно воинских машин с солдатами. Один раз автобус с корреспондентами остановился у развилки дорог, рядом с киоском, где продавались сигареты, лимонад, финики. Вокруг иностранцев столпилось несколько человек, к ним подошли еще любопытные. В мирное время все было бы так же.

С наступлением темноты они достигли Эль-Мансура.

— Вы знаете, что здесь когда-то бывали крестоносцы?

— Когда? — спросила Ивонна.

— В тринадцатом веке французский король Людовик Девятый дошел со своими войсками до Эль-Мансура.

— А что он здесь делал?

Петер ухмыльнулся:

— Его заточили в крепость. Поэтому впоследствии он был объявлен святым.

— Поэтому?

— Ну не только поэтому. Может быть, нынешние руководители Франции и Англии когда-нибудь тоже будут причислены к лику святых.

— Ватиканом?

— Вашим правительством. За то, что они так облегчили ему дела на Востоке.

— Мы не причисляем к лику святых тех, кто терпит поражение, оказывая нам услуги, — отпарировала Ивонна. — Мы лишь заверяем их в своих дружеских чувствах.

Из шестидесяти тысяч беженцев Порт-Саида около десяти тысяч разместились в Эль-Мансура и его пригородах. Человек шесть иностранцев, в их числе Петер и Ивонна, после ужина решили пройтись по слабо освещенным улицам города. Прохожих почти не было. Некоторые магазины еще были открыты, хотя шел одиннадцатый час. Корреспонденты разных национальностей

бесшумно и громко разговаривали по-английски о намеченной на завтра поездке по морю.

— Сидеть несколько часов подряд без движения в открытой лодке теперь, в середине ноября, будет, наверно, довольно прохладно, — сказал кто-то и предложил раздобыть коньяку.

Они даже спросили встречного подростка, где его можно купить, и тот весьма охотно проводил их в магазин. Внезапно появились два египтянина, сопровождавшие корреспондентов. Они были крайне встревожены тем, что иностранцы разговаривают по-английски и без провожатых расхаживают по городу, полному жертв английских бомбардировщиков.

— Ведь с вами могло что-нибудь случиться, — сказал один из египтян.

Корреспондентам показалось, что египтяне недооценивают скорость, с которой распространяется информация среди населения. Она передавалась с такой же быстротой, с какой в джунглях сообщают новости при помощи тамтама, и жителям города, наверно, давно уже было известно, кто такие эти иностранцы.

Перед тем как ехать дальше, корреспондентам дали возможность соснуть на нарах в школе — во французской, кстати. Ивонна решила остаться в Эль-Мансура, чтобы расспросить у беженцев о том, что им пришлось пережить. Несколько других корреспондентов тоже предпочли остаться.

За ужином Ивонна полушутя, полусерьезно спросила одного из египтян, не грозит ли корреспондентам опасность.

— Кто может гарантировать, что англичане не начнут стрелять?

— Вы поедете днем, — сказал египтянин, — на пассажирском катере, у англичан есть бинокли, вы не египтяне — зачем бы они стали стрелять?

— Мне кажется, вам просто хочется отделаться от всей нашей братии, поэтому вы и затеяли эту поездку.

— Ну что вы! — серьезно и искренне возразил египтянин. — Мы бы тогда пригласили трех или четырех человек, которые нам досаждают.

Тех, кто согласился поехать, разбудили через два часа. Когда Петер очнулся от тяжелого сна, его внезапно охватила такая страшная тоска, будто его вели на казнь.

По извилистому шоссе через молчаливые деревни автобусы помчались на восток. Время от времени свет фар выхватывал из полумрака прикорнувшего у хижины феллаха. В предрассветных сумерках по обочине дороги ехал на осле человек. Неторопливо, покачиваясь, один за другим прошли несколько верблюдов. Следом за ними показалась чета феллахов: муж, в галабии, лениво шагал вразвалку налегке, жена сзади несла на голове корзину. Больше никого в этот ранний час они не встретили.

В рыбацкий поселок Эль-Матария на берегу большого озера Эль-Манзала они приехали еще затемно, тем не менее там уже покупали и продавали, разговаривали или спорили. Такое скопление людей на деревенской улице тотчас напомнило о том, что сюда, в самый восточный населенный пункт Дельты, по-видимому, направилось большинство беженцев из Порт-Саида. Набережная была совершенно черной от людей. Иностранцев немедленно окружили взволнованно жестикулирующие люди, и один из них с горечью и возмущением воскликнул:

— Взгляните-ка туда, посмотрите, что творят англичане! Порт-Саид все еще пылает!

Петер вспомнил, как во время поездки по Суэцкому каналу он за полтора часа до прибытия в порт увидел огни Порт-Саида.

— А это не фонари? — недоверчиво спросил он.

— Г'орит! — вскричал египтянин.

Петеру казалось, что тот рассказывает басни, и он ответил:

— Конечно, фонари тоже горят.

Другой был еще более взволнован:

— Прошлой ночью они опять убили женщину!

— Кто?

— Как — кто?! Англичане!

— Где?

— В лодке.

— Где эта лодка?

— Пойдемте.

Они протиснулись сквозь толпу. У набережной стояла лодка. При свете наступающего утра ее мачта показалась Петеру похожей на угрожающе поднятую руку. Египтянин прыгнул в лодку, Петер последовал за

ним. Лодка покачивалась. Египтянин спустился ниже и приподнял край черного платка.

Под ним лежало тело женщины. Ей было, наверно, лет тридцать пять, не больше; лицо у нее было бледное, красивое, спокойное, будто она спала.

Египтянин снова накрыл тело черным платком и вместе с Петером поднялся на набережную.

— Отчего она умерла?

— Ее застрелили.

— Где?

— В лодке.

— Где была лодка?

— На озере.

— А где были англичане?

— Они стреляли.

Узнать точнее, что и как здесь произошло, оказалось невозможным.

Мертвое тело красноречиво свидетельствовало об убийстве, но доказательств никаких не было. Несмотря на очевидные факты, казалось маловероятным, чтобы англичане без всякого повода стали стрелять по женщинам в рыбацких лодках.

Поэтому Петер решил не отказываться от поездки через озеро, хотя теперь уже только половина его коллег хотела ехать. В катер, который в мирное время служил для переправы пассажиров на противоположный берег, сели три лодочника-египтянина и восемнадцать иностранцев: две женщины, канадская и швейцарская корреспондентки, остальные — журналисты из Москвы, Рима, Берлина, Белграда, Токио, Цюриха, Мюнхена, Вены и других городов.

Из голубоватой воды, подобно круглому огненному облачку, поднималось солнце. Спокойно и мирно плескались воды озера. Дул свежий бриз, солнечные лучи постепенно пробивались сквозь утреннюю дымку. Огромное озеро было испещрено серыми и белыми парусами рыбацких лодок. Если египетские рыбаки могли так спокойно ловить рыбу, то, быть может, смерть женщины действительно была несчастным случаем. Ведь заключение перемирие!

Они плыли три часа, иногда по мелководью, где шип мотора вздымал со дна озера песок, придававший воде желтоватый оттенок. Наконец, они приблизились

к рыболовецкому порту Порт-Саида. Он, очевидно, не ходил далеко от Суэцкого канала: высокие белые дома городского района, начинавшегося на берегу канала, маячили далеко на востоке. Парусники теперь виднелись только на северо-западе. У входа в порт, зажатый между высокими молами, стояло несколько рыбацких лодок со спущенными парусами. В них сидели египтяне — мужчины, женщины, дети. Во время боя они, по-видимому, лишились крова и здесь нашли себе временное пристанище. Вокруг царил мир и спокойствие. На одном из молов возвышалось напоминавшее баррикаду нагромождение домашнего скарба — издали можно было различить опрокинутые тачки и столы. Рядом стоял большой танк, а около него виднелись силуэты солдат.

Катер прошел мимо египетских парусников и, казалось, уже достиг своей цели. До мола было рукой подать. Вдруг раздался выстрел. Никто не понял, кому он предназначался. Грянул второй, за ним третий. Рядом с лодкой взмыл фонтан брызг — сюда ударил снаряд.

— Они стреляют в нас! — закричал кто-то.

Трудно было понять, что думали и чего хотели англичане. Вряд ли небольшой пассажирский катер угрожал Британской империи или хотя бы одному английскому солдату. Это не могли не понимать люди на молу, один из которых смотрел в бинокль. Если они не хотели, чтобы катер вошел в порт, они могли воспрепятствовать этому другими средствами. А если он внушал им такой уж страх, то танк мог бы спуститься по откосу и под прикрытием стальной брони какой-нибудь храбрый солдат мог бы отважиться крикнуть безоружным людям: «Убирайтесь отсюда! Мы боимся двадцати штатских!».

Однако солдаты ее величества не размышляли. Они стреляли.

— Поворачивай! — крикнул кто-то в лодке.

— Назад! — подхватили другие, и все бросились плашмя на дно.

Лодочники попытались повернуть свое суденышко, но при этом катер сошел с фарватера и сел на мель. Теперь он представлял собой неподвижную мишень. Над

головами людей гремели и свистели выстрелы. Двое египтян сидели на корточках рядом с рулевым, который стоял во весь рост. Он спокойно снял катер с мели и вывел его из порта. Выстрелы прекратились. Солдаты, видно, хотели всего-навсего отогнать катер. Ну хорошо, он уйдет. Но стрелять в безоружных людей или в лучшем случае над их головами, только лишь чтобы прогнать, — что за жестокая забава!

Катер успел отойти примерно на восемьдесят метров от входа в порт, когда стрельба возобновилась. «Восемьдесят метров — лучшая дистанция для снайперов», — произнес кто-то. Теперь и вовсе невозможно было понять, чего хотят англичане. Войти в порт катеру не разрешалось, уйти — тоже. Лодочники привязали катер к торчавшему из воды железному шесту. Может быть, англичане решили все же проверить у пассажиров документы? Но не тут-то было... Там, где кончался мол, на ровном берегу, примерно в восьмидесяти метрах от лодки, стоял английский часовой. Он был отчетливо виден. Внезапно он поднял винтовку, прицелился в привязанный катер и выстрелил. Около самого борта вновь поднялся каскад брызг. Часовой опустил винтовку, посмотрел на катер, поднял ее и выстрелил еще раз. Пуля ударилась возле ног рулевого. Тот, кто лежал рядом, отполз в сторону. Корреспонденты стали кричать часовому, называли себя, но он продолжал стрелять.

— Мне страшно, — сказала канадская журналистка, но выпрямилась во весь рост и крикнула: — Не стреляйте! Я — гражданка Канады!

Англичанин снова поднял винтовку, но женщина, бледная, продолжала стоять. Все закричали: «Не стреляйте!». Тогда солдат опустил ружье и ушел.

Египтяне решили, что теперь наконец можно ехать. Они запустили мотор, но немедленно грянул залп. Мотор снова заглох. Лодка спокойно качалась под лучами солнца. Становилось жарко. Швейцарская журналистка сняла свой белый свитер, и кому-то пришла мысль поднять его на багре, как белый флаг. Это могло показаться смешным, но людям в лодке было не до смеха. Не смеялся и молодой фоторепортер южногерманской иллюстрированной газеты. Он устроился за спиной коренастого советского журналиста, обретя, таким образом,

коммунистическое прикрытие. В перерывах между выстрелами он высовывался, выпрямлялся на миг, с гримасой страха щелкал фотоаппаратом, запечатлевая своих спутников, сидевших на корточках или лежавших. а затем снова быстро прятался за спину коммуниста.

Не смеялся и его коллега. Подчеркнуто важным тоном он произнес:

— Пора бы им прекратить! Они нам достаточно наделали в Западной Германии!

Рядом неподвижно, с окаменевшим лицом сидел японец. Когда стрельба прекращалась, он закрывал глаза, будто спал. Турецкий фоторепортер тоже не смеялся. Он был не менее пуглив, чем толст, и усердно прятался за спинами других. А швейцарец работал: он записывал на пленку своего маленького магнитофона стрельбу и крики, разговоры своих спутников и собственный комментарий.

Катер стоял неподвижно. Корреспонденты просили позвать офицера, но он все не появлялся. Наконец со стороны озера показалась лодка. В ней стояли два египтянина. После первых выстрелов в их сторону они широко улыбались, показывая белые зубы, но, поняв, что дело принимает серьезный оборот, укрылись на дне лодки и стали медленно поворачивать. Теперь корреспонденты стали свидетелями того, как солдаты упражнялись в стрельбе по цели. Разрывы поднимали всплески воды, сначала на расстоянии тридцати метров от лодки, затем — двадцати, десяти, и, наконец, пули стали попадать точно в лодку. Теперь один выстрел следовал за другим, и все точно в цель. Никто из зрителей не мог бы сказать, живы ли еще люди в медленно удалявшейся лодке.

Все взоры еще были прикованы к ней, когда кто-то закричал:

— Вот еще одна идет к нам!

На этот раз из гавани вышел маленький парусник, нагруженный домашним скарбом, и направился прямо к обстреливаемой лодке, вернее, его сносило к ней. Парусник шел осыпаемый градом пуль. Когда он приблизился к лодке на расстояние пяти метров, среди треска выстрелов раздались истошные женские крики.

Время приближалось к полудню. Стрельба продолжалась уже два часа. Когда женщина закричала, не-

которые корреспонденты решили, что у нее сдали нервы или что она в страхе кричит солдатам, чтобы те перестали стрелять. Но они ошиблись.

Маленький парусник остановился почти рядом с катером. Теперь от причала отошла моторка с двумя мужчинами в форме. Может быть, англичане послали наконец офицера? Они могли и должны были сделать это еще два часа назад. Но когда приблизилась моторка, стало видно, что на ней развевается флаг Красного Креста и что у третьего ее пассажира, в белом костюме, на руке повязка Красного Креста. Когда моторка выгруживала на фарватер, маневрируя между причаленными у берега парусниками, с одного из них она взяла на борт египтянина, который, умоляюще протягивая руки, что-то говорил.

Стрельба прекратилась. Наступившую было тишину вновь рассекли душераздирающие женские вопли. У Петера по телу прошла холодная дрожь. Он заглянул в рыбацкую лодку. Там лежала египтянка лет тридцати; ее черноволосая голова плавала в огромной луже крови. По дну лодки полз седой старик, у которого с соломенной шляпы и с руки лилась кровь. И тут Петер понял, как была убита женщина, лежавшая в лодке из Эль-Матарии.

Человек в белом вскочил на борт лодки и взглянул на женщину. Он даже не стал ее осматривать и тут же вернулся назад в моторку. Женщина была мертва. На старика, который еще в состоянии был ползти, он не обратил никакого внимания.

Египтянин, которого моторка взяла на борт у въезда в гавань, спрыгнул в лодку, где лежала убитая. Ему было лет сорок. Безумно рыдая, он склонился над мертвой, потом выпрямился и поднял глаза к небу, снова склонился и опять выпрямился. В безысходной тоске он рвал на себе галабию.

Наверно, это был муж убитой.

Когда иностранные журналисты взошли на мол рыболовецкого порта Порт-Саид, перед их глазами еще стояла убитая, в ушах звучали крики отчаяния ее родных. Журналисты были до глубины души потрясены злодеянием англичан.

Петер смотрел на солдат, не понимая, как эти люди, только что упражнявшиеся в стрельбе по живым мишеням, могли так услужливо помогать корреспондентам выбраться из катера на берег. У них были мускулистые, хорошо тренированные тела и суровые, спокойные лица солдат, привыкших бездумно подчиняться любому приказу и без приказа не делать ничего. Один из них убил женщину — это знали все, но кто именно — было известно только ему самому. Но все солдаты стреляли в людей — это тоже все знали.

Петер прошелся по песчаному молу. Тут и там валялись гильзы от винтовочных патронов. В одном месте он их пересчитал. Только отсюда пятьдесят восемь раз стреляли в рыбаков с женами и детьми или по группе журналистов, среди которых тоже были две женщины. Солдаты и офицеры знали, в кого они стреляют; один из них и теперь еще смотрел в бинокль. Обе журналистки, несмотря на свистящие вокруг пули, вставали во весь рост, кричали и махали руками: «Не стреляйте!».

Но кто-то из офицеров вновь командовал: «Огоны!», и солдаты стреляли. Теперь человек десять этих храбрцов стояли вокруг. Поразительно, но они выглядели, как люди.

— Сегодня в меня впервые в моей жизни стреляли, — сказала канадская журналистка, обращаясь к английскому офицеру, старшему лейтенанту, — и впервые я увидела убитого человека.

Офицер ухмыльнулся:

— Нам только хотелось немного попугать вас, — сказал он беззаботно.

— Ту, которую убили, тоже? — спросил кто-то.

Ответа не последовало.

На молу вообще мало разговаривали. Там стоял джип с радиоустановкой для связи со штабом, который находился где-то среди белеющих вдали зданий города. Петер услышал, как штаб запрашивал, действительно ли прибывшие являются журналистами. Радист ответил утвердительно. Затем опять наступила гнетущая тишина.

Порт застыл в мертвом молчании. Никакого движения вокруг. Египтяне, обычно такие жизнерадостные, молча стояли в парусниках у входа в порт и сурово

смотрели на мол. В своих длинных галабиях они напоминали грозный хор эриний — греческих богинь мщения. Тишину нарушало только жалобное мяуканье брошенного котенка. В песке валялись крошечные коричневые сандалии ребенка лет четырех и чуть побольше — белые. Из скарба беженцев — столов, шкафов, тележек — английские солдаты сложили у края мола баррикаду, ту самую, что была видна с озера. В досках столов солдаты проделали прямоугольные отверстия — бойницы. Из них, наверно, было особенно удобно стрелять по безоружным и беззащитным.

Снова заговорило радио. Подойдя, словно ненароком, ближе, Петер услышал приказ: «После сегодняшнего инцидента не стрелять по судам». Значит, стрельба велась по воле и с ведома штаба. Виновники убийства сидели в мягких креслах.

Подошло два джипа. Иностранцы сели в машины. У них проверили документы. Одни показали паспорта, другие — выданные египетскими властями удостоверения. Долго ехали они по песчаной насыпи вдоль озера, пока не добрались до рыбацкого поселка на берегу моря, в нескольких километрах от города. Поселок будто вымер. Окна и двери были заколочены, в домах, видимо, никто не жил. Хлынувший сюда поток беженцев увлек за собой, очевидно, и местных жителей. Многие, возможно, погибли.

Наконец, пересекши по временной колее пустыню, джипы достигли окраины города. Небольшие дома по обеим сторонам широкой улицы были заперты — на многих дверях висели замки. И здесь ни души. Мертвые дома, мертвая улица, и так на протяжении километра. Затем на обочине дороги начали появляться люди; они вопросительно глядели на джипы. Чем дальше, тем больше становилось людей, но все же их было мало по сравнению с обычной в египетских городах суতোлкой. По улице прошел патруль — девять английских солдат. В каждом джипе у задней стенки сидел английский солдат с пальцем на взведенном курке автомата, зорко оглядывая мертвые дома и немногочисленных прохожих.

Джипы ехали в обход сильно разрушенных жилых домов. В европейской части города кое-где встречались развалины и вырванные с корнем пальмы; воронки от артиллерийских снарядов свидетельствовали о том, что

здесь происходили жаркие бои, но серьезных разрушений не было. Тем не менее эта часть города тоже была безлюдна. По улицам разъезжали английские воинские машины. Из местных жителей корреспондентам повстречались только молодой мужчина и два мальчика лет по восемь.

Корреспондентов привезли к современному зданию, занятому военными, и запихнули в маленькую комнату. В открытых дверях встал часовой с автоматом в руках. Прошло немало времени, а в штабе все не могли решить, как дальше поступить с журналистами. Был третий час. Из Эль-Мансура журналисты выехали двенадцать часов назад, причем несколько часов они провели под жарким солнцем. Всех мучила жажда. Воды не было, даже в туалете.

Из соседней комнаты появился молодой солдат.

— Хотите чаю? — спросил он.

— Конечно.

Часовой пригрозил ему:

— Держись отсюда подальше!

— Но ведь глоток чая им можно дать!

— Приказ есть приказ, — заявил часовой.

Чая не дали.

Итак, случай свел в этой маленькой комнатке семнадцать журналистов из разных стран, пишущих для самых разных слоев населения, говорящих на разных языках, придерживающихся диаметрально противоположных мировоззрений. Они пережили одно и то же в рыболовецком порту и теперь задавали себе один и тот же вопрос: что собираются делать англичане?

Один заявил:

— Я против того, чтобы всех стригли под одну гребенку. Я, например, большинство присутствующих увидел впервые только на катере. Англичане должны проверить у всех документы, а потом решать. Не могу же я отвечать за людей, которых не знаю.

Реплика была встречена молчанием, она явно не понравилась.

— Кто требует, чтобы вы за кого-нибудь отвечали? По-моему, никто, даже если ваше правительство в близких отношениях с английским или с французским. Наша сила в том, чтобы держаться вместе, — произнес наконец кто-то.

После долгого ожидания явились наконец два английских полковника, один из них, с лихо закрученными усами, — пресс-офицер. Вид у него был самодовольный, разговаривал он громко, бесцеремонно, с нарочитой небрежностью.

— Кто здесь говорит по-английски? — спросил он высокомерно. — Но так, чтобы я мог понять.

— Надеюсь, я, — откликнулась стройная женщина в темных спортивных брюках. — Я канадка.

— Так вот, мадам, эти люди влипли в пренеприятную историю: вчера вечером между Порт-Саидом и Исманией египтяне расстреляли двух иностранных корреспондентов.

— Вам известны их имена? — спросил фоторепортер из Южной Германии.

Офицер назвал их.

— Оба были моими друзьями, — растерянно сказал фоторепортер.

— Может быть, египтяне собираются поступить таким же образом с некоторыми из вас, — торжествующе продолжал офицер, — а потом будут кричать: «Проклятые англичане!»

Возмущенный столь беспардонным извращением фактов, один из присутствующих спросил:

— А как вы собирались сегодня поступить с нами, сэр?

Офицер засмеялся:

— Сами виноваты. Целиком и полностью сами. Вы без разрешения вступили в военную зону.

Канадская журналистка ответила просто:

— По вашим собственным словам, нет никакой военной зоны, ибо нет войны, а проводятся только меры по наведению порядка.

По лицу самодовольного офицера промелькнула тень неуверенности, но он тут же спохватился и хвастливым тоном принялся рассказывать, как прекрасно он, срабатывая с корреспондентами в Порт-Саиде. Нынешнее дело, однако, выходило, по его словам, за рамки обычного, и его надо было решать в высшей инстанции.

Затем он исчез вместе с другим офицером, который за все время едва ли произнес хоть слово.

Через час пресс-офицер вернулся и объявил решение: всех на самолете отправить на Кипр.

— А потом куда?

— Это ваше дело, — сказал он.

Корреспонденты, однако, отказались подчиниться и заявили, что хотят вернуться туда, откуда приехали, на том же катере. Он ждет в гавани.

Офицер снова ушел. Солдат принес тарелку с бутербродами, но жидкого — ничего. У фоторепортера из Южной Германии, сына некогда известного профессора философии Кельнского университета, с тех пор, как он услышал о смерти двух знакомых журналистов, был запуганный и растерянный вид. Он вдруг высчитал, что вполне успеет к следующему выпуску своей газеты, если согласится отправиться на Кипр и оттуда полетит дальше. Он отделился от группы. День уже клонился к вечеру, когда офицер — на этот раз он напоминал воздушный шар, из которого выпустили воздух, — пришел наконец в третий раз и сказал:

— Все в порядке. Можете возвращаться, но только сегодня же вечером. Где ваша лодка?

— В порту.

Их отвезли на грузовике на берег озера, уже погружившегося во тьму. Катер исчез. Тяжелый танк осветил берег, прошел даже от одного мола до другого, освещая все вокруг, — ничего! Лодочники-египтяне, утром пережившие обстрел и видевшие убитую женщину, до наступления темноты ожидали своих пассажиров, но, не зная, что случилось с ними, под покровом ночи ушли, чтобы спастись, и, вернувшись в Эль-Матарю, рассказать об ужасах этого дня.

Корреспонденты снова стояли на молу, на этот раз в полной темноте.

— Мне все это не нравится, — сказала канадская журналистка.

— Если они снова обстреляют лодку и убьют нас, они скажут, как сказали сегодня нам, что в нас стреляли египтяне.

— Пока что нам не на чем плыть, — резонно возразил другой.

К Петеру подошел английский часовой, спросил, кто он и что он думает обо всей этой «story» * в Египте.

— Война не выход из положения, — ответил Петер.

* История, происшествие (англ.).

— Я был студентом, — сказал юноша. — Здесь я уже неделю и уехал бы завтра, если бы мог. По мне, пусть Суэцкий канал остается у египтян. Какое мне до этого дело?

Арабский журналист раздобыл маленькую лодку. Рыбак согласился перевезти семнадцать человек и сам рассадил их по местам. Большинство сидели, прикорнувшись к бортов. Светила луна. За лодкой тянулся серебристый след.

Прощай, Египет!

Петер Борхард хотел уехать из Египта. Война уже кончилась, но мир еще не наступил. Школы, университеты и музеи по-прежнему были закрыты. В Порт-Саиде и в Синайской пустыне стояли иностранные войска. Суэцкий канал все еще был блокирован.

Артисты ансамбля народного творчества разъехались, и никто не знал, когда возобновятся репетиции. Тень войны продолжала витать над страной. На шоссе, ведущем в Исмаилию, валялись обломки разбомбленных и сгоревших автомобилей, радиовышка висела в воздухе, будто в нее попала молния, на аэродроме вблизи канала лежали останки самолетов, черные, наполовину обугленные, как большие мертвые птицы. На площадях и оживленных улицах продолжались военные занятия. На мостах сидели, стояли или шагали взад и вперед часовые в форме защитного цвета. Окопы все еще были заняты солдатами, по улицам разъезжали воинские грузовики, затемнение не было отменено. Швейцар дома, где жил Петер, высокий, стройный чернокожий суданец с темными глазами и ослепительно белыми зубами, в ниспадающей широкими складками галабии и по-царски роскошном головном уборе каждый день твердил, что все хорошо: «Very good!*

Потом, засмеявшись, он обычно добавлял:

«Инглезе плохо, very bad**», — и печально качал головой, будто желая сказать: «Как грустно, что люди могут быть такими плохими, как англичане!»

* Очень хорошо (англ.).

** Очень плохой (англ.).

Мимо балкона по утрам всегда проплывали лодки. Они шли вплотную к берегу, и на мачте у самой верхушки обычно сидел человек в длинных шароварах, освобождая парус. Лодки почти задевали тростник.

А однажды под вечер парусник «Гиясса» бросил якорь в прибрежном тростнике; матросы прямо на палубе разожгли небольшой костер и, потирая руки, уселись греться вокруг него. Был уже конец ноября, вечера становились прохладными, по утрам над Нилом стлался туман. Никого не беспокоило, что горит огонь, потому что уже почти наступил мир.

Но выехать из Египта было нелегко. Все еще не летали самолеты, не ходили пароходы, и только по железной дороге можно было добраться до Хартума, а оттуда по воде попасть в другие страны. Даже если бы аэродром в Каире восстановили, в Дамаск или Бейрут можно было попасть только через Стамбул или Афины, и никто не знал, сколько дней придется ждать там пересадки. Можно было еще ехать через столицу Иордании — Амман, откуда, как говорили, автобус до Дамаска идет только четыре часа. Но получение иорданской визы зависело от множества непредвиденных случайностей.

Тем не менее после неоднократных неудачных попыток Петеру в конце ноября удалось достать билет на пароход, который шел в арабские страны Передней Азии. В тот день, когда он уезжал из Каира, как будто вернулось лето. Ночь накануне была прохладной, утро — туманным, но потом прорвалось солнце, и день выдался ясный и жаркий.

Петер ехал по городу, ставшему для него почти родным. Ведь здесь он пережил дни и ночи, которым суждено было остаться в его памяти навсегда. Он ехал мимо пирамид Гизе по той же дороге через пустыню, по какой направлялся раньше в провинцию Ат-Тахрир.

У северного края пустыни солнце склонялось над водами озера Марьют, отделенного от моря песчаной косой. Петер ехал на восток, по направлению к Александрии. За его спиной остался Эль-Аламейн, огромная пустыня, усеянная могилами второй мировой войны. В Каире Петер встретил одного своего земляка, воевавшего там на узкой полосе земли между Средиземным морем и зыбучими песками впадины Каттара. Он попал в плен к англичанам и вместе с другими военноплен-

ними прокладывал дороги в такую жару, которая для многих оказалась роковой. Сам он, отощавший и измученный, едва остался жив.

— Воевать в пустыне было совершенно бессмысленно, — сказал он, — вермахт ни на шаг не продвинулся вперед. А ведь план операций разрабатывали офицеры, считавшие себя гениями. Если эти мнимые гении вздумают снова обратиться ко мне с приглашением, я отвечу: «Поезжайте-ка сначала сами в Эль-Аламейн. Там вы научитесь уму-разуму».

Солнце по вертикали упало в море. В одном месте дорога шла по насыпи, перерезавшей озеро, с обеих сторон ее обступили густые заросли тростника, в которых кое-где в укромных уголках притаились в лодках рыбаки с удочками. Вероятно, по причинам, связанным с войной, в город можно было попасть только круглым путем, по широкой, но ухабистой, немощеной дороге, покрытой глубокими ямами. Вдоль нее стояли убогие домики. Темнота наступила быстро. Фонари не горели, не было света и в окнах домов, по улицам ползли многочисленные машины с блеклыми голубыми фарами, кое-где пешеходы, как призраки, двигались по улице. Город жил в глубоком трауре. В холле почтальницы по-прежнему трещал телеграфный аппарат, передававший сообщения западных агентств.

— Да, здесь упало несколько бомб, — сказал Петеру швейцар. — Совсем близко. Вы ведь, наверно, знаете площадь между набережной и биржей?

На следующее утро Петер отправился на площадь. Здание почты было частично разрушено, но церковь рядом пострадала гораздо сильнее. По иронии судьбы англичане разбомбили шотландскую церковь. На остатках каменной стены уцелела надпись: «St Andrews Church of the Scotch Presbyterians»*.

— Во время налетов пострадали и прохожие, и все из-за того, что англичане непременно хотели разбомбить здание радиоконстанции «Маркони» на соседней улице, — сказал директор почты, когда он и Петер стояли перед развалинами церкви.

— Несомненно так, — согласился Петер и вспомнил здание «Маркони» в самом центре Каира. Если бы не

* Церковь святого Андрея шотландских пресвитериан (англ.).

прекращение огня, его не спасли бы ни мешки с песком, которыми оно было обложено, ни военная охрана.

Сколько бы еще горя испытала страна, если бы не поддержка многих миллионов людей во всех странах и их решимость бороться за мир!

Это был первый египетский корабль, покидавший родной порт после нападения агрессоров.

— Надеюсь, англичане захватят вашу посудину, — говорила Ивонна, прощаясь с Петером в Каире, — или потопят ее, конечно, лишь для того, чтобы спасти вас и остальных пассажиров. Ваш пароход будет идти южнее Кипра и севернее Израиля, как раз посередине между ними. Счастливого плавания! Если вы где-нибудь застрянете, я приеду к вам в гости.

— Приезжайте в Дамаск, — отпарировал Петер.

Люди гроздьями висели на поручнях, с безоблачного неба нещадно палило солнце. Вода была синевато-зеленой. Порт переполняли крупные пассажирские и грузовые суда, ожидавшие отправления. Между ними стояли серые канонерки с угрожающе поднятыми вверх стволами орудий. На набережной шумели торговцы, предлагая приобрести на память о Египте чемоданы и портфели, бумажники и кожаных верблюдов, апельсины и соломенные шляпы, бутылки лимонада и красные фески. В одном месте торг достиг такого накала, какой бывает на бирже, когда падает или поднимается курс акций.

— Двадцать пиастров!

— Тридцать!

— Двадцать!

— Окончательно: двадцать пять!

— Двадцать!

Это был скорее флирт, чем торг. Она кричала сверху, он — снизу. Ей было семнадцать, ему — двадцать пять. Она улыбалась ему сияющей улыбкой, он со своими тонкими усиками разыгрывал жеманного красавца.

— Ему цена сорок, я и сам заплатил двадцать пять, — клялся он.

— Двадцать, — упорствовала она.

— Двадцать пять!

Она завернула деньги в обрывок газеты и бросила ему. Он ловко поймал на лету и пересчитал деньги.

— Еще пять! — крикнул он.

— Нет, — ответила она, смеясь.

Он держал деньги в вытянутой руке, будто желая сказать: «Так мало за такой бумажник!».

— Кидайте бумажник или деньги! — крикнула она.

С досадой он снова скомкал и завернул деньги в бумажку и уверенным броском кинул их к поручням. Она поймала и ушла, смеясь. Он сердито швырнул бумажник на землю, где на широком платке лежали остальные товары.

Петер продолжал наблюдать за ним. Торговец вел себя как-то странно: стоял молча, немного высокомерный и угрюмый, тогда как его конкуренты шумели, смеялись, торговались, ловили деньги и кидали вверх оплаченные товары. Но вот его ищущий взгляд скользнул вдоль поручней и встретился с глазами Петера. Тот крикнул ему: «Сколько стоит бумажник?» — только для того, чтобы узнать, с какой цены неуступчивый красавец начнет свой торг теперь.

— Двадцать пять! — крикнул он, к удивлению Петера.

— Двадцать, — возразил Петер.

Тут произошло нечто неожиданное. Торговец махнул Петеру рукой, — дескать, давай свои пиастры, — держа наготове бумажник, чтобы бросить его вверх.

Петер попал в неловкое положение; он ведь вовсе не собирался ничего покупать. Он засмеялся и движением руки отклонил предложение.

Вся сцена продолжалась не более полуминуты.

Неизвестно почему, но торговец вспылал. Возможно, ему пришла в голову суеверная мысль, что этот бумажник приносит несчастье.

— Вы взяли назад свое слово, — закричал он, — это нечестно!

Возглас потонул в разноголосом шуме, но Петер понял, что хотел сказать продавец, и бросил ему деньги. Он вспомнил, что египтяне считают торговлю хоть и игрой, но игрой серьезной, не допускающей шуток.

Слева и справа стояли другие пассажиры, которым не жаль было истратить несколько лишних пиастров. Каждый отъезжающий имел право взять с собой два-

дцать египетских фунтов. Один из них спесиво заметил: «За эти фунты я за границей ничего не куплю», — и пополнил свою коллекцию сувениров красной феской и кожаным верблюдом. Если бы эти люди даже не говорили по-английски с аристократическим оксфордским произношением или не подражали ему, то и тогда многие из них обратили бы на себя внимание наспех отраженными бородками. Они отпустили их явно для маскировки, но достигли как раз противоположного результата. Их обладатели выглядели теперь не только как англичане, но и как англичане с нечистой совестью. Один был настолько смущен событиями, что при отсутствии усов отпустил бородку, хотя она была ярко-рыжего цвета. В нормальных условиях такая борода у дипломата ее величества наверняка считалась бы дурным тоном. Другой на редкость неудачно замаскировался окладистой бородой, какую носят арабы; она совершенно не шла к его высокомерному лицу. Третий добился некоторого успеха благодаря усам с маленькими заборными кончиками над углами губ. Не так часто, наверно, на одном пароходе можно увидеть одновременно столько маленьких бородок.

Наряду с английской звучала и французская речь. Некоторые из женщин, путешествовавших в одиночку, работали, видимо, в Египте учительницами. Стоявшие группами юноши и девушки — последних было очень мало — оживленно беседовали по-арабски. Это были студенты, разъезжавшиеся по домам, так как египетские университеты были закрыты. Некоторые студенты сидели кружком на палубе и развлекались тем, что, отбивая ритм ударами в ладоши, распевали придумываемые на ходу веселые куплеты, заканчивавшиеся припевом: «Долой Англию!».

Под вечер Петеру показалось, что набережная начала отодвигаться от корабля: это судно медленно, незаметно приближалось к выходу из порта. Большинство пассажиров — арабы, французы, англичане и другие иностранцы — снова придвинулись к поручням, любуясь белым силуэтом Александрии. Наступила такая тишина, что, казалось, было слышно, как бьется ее пульс. Арабские студенты умолкли; они покидали страну, которая несколько лет была для них родиной, где прошла часть их юности. Европейские женщины с глубокой

грустью глядели на уходящие берега Египта. Вряд ли им удастся еще возвратиться к своей любимой работе. Жизнь их дала трещину.

Пароход шел уже час, и все еще на горизонте, как фата-моргана, маячила белая полоска Александрии. Море весело играло небольшими волнами под теплыми ненавязчивыми лучами солнца, прохладный бриз ласкал кожу.

Вечером Петер сидел на палубе в компании студентов. По воле случая это оказались уроженцы трех арабских столиц. Самый веселый, любопытный и задорный возвращался к родителям в столицу Иордании — Амман. Он хотел стать инженером, и перед его желанием учиться отступало все остальное.

— Девушки? — Он засмеялся. — Никаких девушек, пока не закончу университет.

— Так-таки никаких? — спросил Петер.

— Никаких. С плохими девушками я дела не имею. У меня есть друзья.

— Ах, — произнес толстяк из столицы Ирака — Багдада, — иногда я все же встречаюсь с девушками.

Неожиданно он добавил:

— А немецкие девушки красивые?

— Все как одна! — убежденно воскликнул Петер.

— Все? — простодушно усомнился толстяк.

— Все! — смело повторил Петер.

— Дело в том, что я собираюсь учиться в Западной Германии, — заметил студент.

Это сообщение несколько отрезвило Петера, и он уклончиво сказал:

— Все зависит, естественно, от вкуса, а ваш мне ведь неизвестен.

— Как вы думаете, найду ли я подходящую девушку в Германии? — Толстяк явно был настроен на романтический лад. — Не такую плохую, понимаете?

— Чтобы жениться? — спросил Петер с серьезным видом.

— Не совсем, — замялся тот.

— Не совсем официально?

— Да! — Толстяк облегченно вздохнул.

Петер сделал вид, что напряженно думает.

— Ах, разумеется, — сказал он наконец, — разумеется, найдете. А где вы собираетесь в Германии учиться?

— В Ганновере или в Мюнхене. Один год бесплатно. У вас в Восточной Германии тоже так?

— Не совсем. Вы знаете немецкий?

— Нет.

— Даже если вы приналяжете на язык, все же пройдет почти год, пока вы сможете с грехом пополам понимать лекции. Не так ли?

— Да, вероятно.

— Значит, к тому времени, когда вы сможете начать по-настоящему учиться, срок бесплатного обучения уже истечет?

— Да, и моим родителям придется платить за меня полностью, это верно. Как вы думаете, смогу я снять комнату за сорок пять марок? Я ведь уже как-то подсчитывал будущие расходы.

Петер искренне ответил, что точно не знает, но что комната, кажется, все же обходится дороже.

— А как в Восточной Германии?

— Правительство ГДР пригласило студентов из ряда арабских стран, и они уже учатся. В течение всего курса обучения они будут обеспечены стипендией.

— Возможно, — несмело произнес третий студент, возвращавшийся в столицу Ливана — Бейрут, — в Западной Германии разрешают один год учиться бесплатно, так как подсчитали, что эти расходы окупятся в последующие годы пребывания студента в стране. «Реклама», как говорят американцы. А как это называется по-немецки?

— Жертвовать малым ради большого, — ответил Петер.

Несколько арабских девушек, болтая, прошли мимо.

— Студентки? — поинтересовался Петер.

— Да.

— Что они изучают?

— Одна — педагогику, другая — психологию, третья — медицину, а четвертая готовится стать инженером. Они учатся лишь для того, чтобы быть на равных правах со своими будущими мужьями.

Петер засмеялся:

— От вашего замечания пахнет мужским высокомерием, мне кажется. Во многих странах женщины уже занимают ответственные посты. А вы сами какую бы хотели иметь жену?

— Это решают родители, — сказал студент из Амманна. — Они платят отцу невесты триста фунтов, а он предоставляет молодоженам квартиру и обстановку.

Махмуд, торговец из Александрии, видимо, чудовищно преувеличивал, рассказывая, будто его тесть потратил на мебель семьсот пятьдесят фунтов.

Они проговорили до глубокой ночи, на заре встретились снова и вместе ждали, пока встанет солнце. О его предстоящем появлении уже давно возвещал пурпурный занавес над морской синевой. Наконец над краем занавеса показалось солнце, рассыпая впереди себя искры, с любопытством взглянуло на воду и поднялось во всем своем величии, словно говоря: «Освободите место для моего пламени и света». Новый день родился.

Многие арабские студенты хотели стать инженерами. По их единодушному мнению, инженеры больше всего были нужны их странам. Собеседники Петера ненавидели английских и французских империалистов, невзирая на то, что их правительства вели с ними какие-то дела.

По следам финикийцев

Три тысячи лет назад в Тире жила царевна Дидона. Ее брат Пигмалион царствовал на Кипре. Он так полюбил статую женщины, им же изваянную из слоновой кости, что она ожила и стала его женой. Мужа своей сестры Дидоны он ненавидел и приказал убить его. Сама же Дидона спаслась, бежала с друзьями на финикийских кораблях в Северную Африку и заложила там Карфаген, ставший впоследствии могущественным городом. Но Карфаген вел войны и был стерт с лица земли.

Этот рассказ наполовину легенда.

«И послал царь Соломон, и взял из Тира Хирама, сына одной вдовы из колена Нефтли. Отец его, тирянин, был медник; он владел способностью, искусством и умением выделывать всякие вещи из меди. И пришел он к царю Соломону и производил у него всякие работы... И сделал Хирам умывальницы, и лопатки, и чаши. И кончил Хирам всю работу».

От Тира, большого торгового города финикийцев, где некогда находилась резиденция царей, осталась лишь

бедная рыбацкая деревушка с несколькими древними развалинами.

Это уже действительность.

К северу от Тира, на восточном побережье Средиземного моря, изобиловавшем апельсиновыми и банановыми рощами, находился город Сидон, или Великий Сидон, как он назван в Библии. Когда-то город населяли ханаанцы, с которыми воевали сыны Израиля; когда-то ассирийцы изгнали жителей из Сидона и вновь заселили город; когда-то ему угрожали монголы; когда-то персы сожгли его, перебив сорок тысяч человек. Трудюлюбивые руки восстановили город, впоследствии его покорил Александр Македонский, и некоторое время им управлял сенат, как республикой, а потом город увидел римлян, арабов, крестоносцев...

Все завоеватели приходили со своими богами: древние египтяне — с Амоном, ассирийцы — с Бэлом, греки — с Зевсом, римляне — с Юпитером, арабы — с Аллахом, крестоносцы — с Христом. И каждый из богов благословлял победоносных грабителей и их потомство. В стране появилось разноплеменное население.

Рыцари-крестоносцы построили в Сидоне замок Саллуи; там некогда жил французский король, быть может отдыхал после плена в египетском Эль-Мансуре. А у самого берега моря, на скалистом островке, они воздвигли морскую крепость для Барбароссы, но император утонул в реке, так и не дойдя до нее.

И вот все, что в книгах всегда казалось древней легендой, стало для Петера явью, воплощенной в камне.

От Сидона, некогда могущественного портового города, сохранился лишь маленький рыбацкий поселок Сайда.

По мосту Петер дошел до морской крепости. Крепость-гигант, сооружавшаяся крестоносцами на вечные времена, не выдержала все же натиска времени. Сохранившиеся огромные стены были укреплены уложенными поперек остатками колонн древнего римского храма — он, возможно, когда-то стоял на скале, подобно храму финикийского бога Мелькарта.

Недалеко от моста, у самых домов, раскинулась огромная свалка; над ней жужжали мухи, и проходящие коровы, словно свиньи, обнюхивали отбросы и пожирали среди них все, что еще зеленело.

Дальше к северу, на побережье, находилась новая столица — Бейрут, а еще дальше — Библос. Его недра таили археологические сокровища, накапливавшиеся на протяжении более чем шести тысяч лет. Теперь только деревня Джебель осталась на месте прежнего Библоса, который считался одним из древнейших городов мира, хотя соседние города оспаривали у него эту честь.

С шоссе, проложенного через деревню, Петер спустился по узкому переулку на берег моря, вышел на небольшую площадь и по каменной лестнице поднялся к высоким стенам крепости. Эта крепость тоже была построена рыцарями-крестоносцами. По лестнице, ведущей к башне, еще можно было ходить. С высоты открывался вид на древний порт с разрушенной крепостной стеной, на церковь крестоносцев и на самую большую достопримечательность этого своеобразного места: на остатки древнего поселения Библос, где еще в каменном веке жили люди. Видны были открытые остатки шести валов, которые относились к разным историческим периодам, египетские обелиски и среди деревьев, словно в роще, шесть римских колонн, оставшихся от храма. Между каменными памятниками виднелись площадки; их значение можно было понять, лишь вступив на них.

Почва у моря была влажная и вязкая, кое-где темнели лужи и пробивались пучки травы и кустики чертополоха. Кругом валялись глиняные черепки. Гид, сопровождавший Петера, поднял с илистой земли череп. Его лицевая часть сохранилась хорошо, но в затылке, как в разбитой вазе, не хватало куска.

— В музей отправили только самые лучшие экземпляры, — пояснил гид.

В одном из древних гробов, наполовину заполненном дождевой или грунтовой водой, лежал человеческий скелет. Гроб имел форму большого яйца, вылепленного из глины. Теперь его словно разрезали по длине. Одна половина находилась в земле, от другой сохранились, видимо, только черепки, разбросанные вокруг. Скелет лежал в гробу, как эмбрион в утробе матери, но скорчившись еще больше. Вокруг было много других гробов и частей скелетов — здесь находилось древнейшее из обнаруженных поселений. Мертвецов хоронили под домом в герметически закрытых гробах из глины. От домов тоже сохранились кое-какие остатки стен.

На протяжении более чем шести тысяч лет тут находилось поселение людей. Если вечность можно не только вообразить себе, но и ощутить, то именно здесь. Египетские пирамиды — величественные памятники прошлого, но благодаря своей монументальности, они кажутся творениями не людей, а титанов. Нужно сделать над собой усилие, чтобы вспомнить, что над ними трудились теплые человеческие руки. Здесь же, перед глиняными могилами Библоса, как бы встречаются, минуя тысячелетия, давно ушедшие люди и ныне живущие. На плодородном берегу светлого Средиземного моря сохранились зримые и осязаемые следы быта древних людей.

Недалеко от римского храма, от которого осталось только шесть колонн редкой красоты и изящества, находился еще более древний храм богини Библоса — Ваалат. Даже фараоны, в том числе Хеопс, по имени которого названа самая большая пирамида Гизе, посылали ей дары из Фив, тогдашней столицы Египта. Храм упоминается в памятниках, относящихся к XXXII веку до нашей эры. Фараон Аменемхет III, который, согласно легенде, заложил Эль-Файюм в XXIX веке до нашей эры, поддерживал связь с царем Библоса, который временами достигал наибольшего могущества среди всех городов Восточного Средиземноморья. Отсюда древние египтяне получали лес для строительства судов. Финикийцы и различные завоеватели безжалостно валили деревья, и вершины гор оголились, а когда римляне приказали прекратить уничтожение леса, было уже поздно.

То и дело на глаза попадались каменные орудия: маленький пресс для маслин, полый каменный цилиндр толщиной с телеграфный столб, о котором кто-то сказал, что с его помощью утрамбовывали плоские крыши. Но стороны его имели разный диаметр, а это позволяло предполагать, что в древности им, по-видимому, пользовались в качестве катка для молотьбы.

Петер спустился к высеченным в земле финикийским гробницам, рассмотрел раскопанные большие белые саркофаги и римский амфитеатр. Последний вызвал у него восхищение. На полу амфитеатра из разноцветной мозаики было выложено изображение бога вина Бахуса.

На протяжении тысячелетий здесь жили люди; они строили, работали, хоронили умерших. Несколько южнее, на берегу моря, среди скал, находилось нечто вро-

че Пантеона, в котором покоились полководцы, огнем и мечом покорившие Библос.

На скальных плитах высечены имена честолюбивых царей и военачальников, а вот имена легионеров бесследно канули в вечность, и где их прах — неизвестно.

На прибрежных скалах высечено имя вавилонского царя Навуходоносора. Он победил фараона Нехо, разрушил Иерусалим и отправил иудеев в Вавилон, в изгнание. Его мемориальную плиту заглушила буйная растительность. Зато имя его соперника Нехо занесено на скрижали истории: он возобновил строительство первого Суэцкого канала.

Скала, расположенная на этом перекрестке истории, от подножия до самой вершины покрыта надписями и изображениями. Древнейшие из них относятся к XIII веку до нашей эры и изображают фараона Рамзеса II, приносящего пленника в жертву великому богу Амону. Одетый в галльский плащ, здесь проходит со своими легионами римский цезарь Марк Аврелий Каракалла; он приказал убить своего брата, делившего с ним трон, а пять лет спустя сам был убит. Наряду с египтянами, греками, римлянами, вавилонянами и арабами ассирийцы оставили здесь не менее шести каменных плит. Героям древности упорно навязывали свое общество деятели нового времени: плагиаторы, подражатели, эпигоны. Наполеон III, который в 1860 году под предлогом защиты христианства оккупировал сирийское побережье, отважился даже срубить древнейшую надпись с египетской каменной плиты и начертать на ней свое имя. Участники двух мировых войн — французские и английские генералы, чьи следы не сохранились в истории, — пытались здесь украсить свои шлемы каменными лаврами. Каждый генерал приказал высечь на камне, что он наконец принес этой стране свободу.

— Свобода эта неизменно сводилась к древнему римскому девизу: «Разделяй и властвуй», — заметил спутник Петера, ливанский торговец, хорошо знавший историю родной страны. Он происходил из арабской семьи христианского вероисповедания, но осуждал тех, кто злоупотребляет религией в политических целях.

Они уселись на террасе гостиницы у моря, наслаждаясь лучами декабрьского солнца. Дул прохладный ветер, но в закрытом со всех сторон уголке террасы было

тепло, как в летний день в Европе. На маленьком пляже возле гостиницы даже расположился на лежаке человек, одетый только в купальные трусики, явно иностранец.

Петер взглянул на залив, где юноши удили рыбу, стоя босиком на обломках прибрежных скал. Белая пена волн омывала их ноги. На горизонте в небо вздымались вершины гор, покрытые шапками снега.

— Вас интересует этот девиз: «Разделяй и властвуй»? — спросил араб.

— Очень.

— Когда Наполеон Третий приказал вырубить на скале свое имя, в здешних горах жило немного христиан. Их-то он якобы и хотел защитить. Христианскому населению была предоставлена ограниченная автономия. Тогда же и Бейрут получил подарки: американский университет из США и католический иезуитский университет из Франции. Но это были дары данайцев. Вы ведь знаете рассказ о Троянском коне?

— У нас это выражение тоже распространено, сказал Петер.

— Арабская интеллигенция начала учиться в Бейруте. Арабских университетов не было, школ мало. Кто хотел учиться, шел к протестантам или к католикам, во всяком случае — к христианам. — Он бросил на Петера вопросительный взгляд и поспешил добавить: — Не поймите меня превратно. Я сам христианин, но я араб. Иностранные университеты старались, чтобы их студенты стали не только христианами, но и иностранцами. Постепенно в стране образовалась интеллигенция, воспитанная иностранцами и в интересах иностранцев.

— Вы можете привести примеры?

— К сожалению, да. Положение изменилось только в последнее десятилетие, когда Арабская Академия изящных искусств была преобразована в университет. Но если бы вы знали, к каким только средствам не прибегали другие университеты, чтобы переманить преподавателей из арабского университета и парализовать его деятельность.

— А сколько христиан сейчас в Ливане? — спросил Петер.

— Примерно половина населения — христиане.

— Остальные исповедуют ислам?

Араб покачал головой:

— Все значительно сложнее. Трудно получить точные данные. Некоторые источники утверждают, например, будто из ста ливанцев шестьдесят — христиане.

— Католики?

— Сложнее, много сложнее, — ответил он и маленькими глотками допил свой кофе. — Здесь живет примерно четыреста тысяч маронитов — членов сирийской секты, примкнувшей к римско-католической церкви, около ста шестидесяти тысяч греко-православных и девяносто тысяч армяно-григориан. Последние бежали сюда после первой мировой войны, спасаясь от турок, учинивших резню среди армян. Четыре пятых армяно-григориан не говорят по-арабски. До тысячи девятьсот сорок шестого года дети учили в школах французский язык, и лишь после ухода французов был введен арабский.

— Это все религиозные и национальные группировки? Араб покачал головой:

— Есть еще греко-католики. Их мало, но они очень богаты. В их числе нынешний министр финансов. Потом армяно-католики — около десяти тысяч человек, ассирийцы-православные и наконец протестанты. Протестантство, между прочим, принесено американцами, которые в тысяча восемьсот шестидесятом году прислали первых миссионеров.

Он засмеялся.

— В связи с этим мне вспомнилась забавная история, — сказал он. — Чтобы завербовать последователей, миссионеры раздавали муку и благодаря этому пользовались большой популярностью. Через некоторое время они решили, что вера и сама достаточно насыщает и выдачу муки можно прекратить. В то время возник каламбур, еще и поныне имеющий хождение в народе: «Вместе с мукой и протестантской муке конец».

Смеясь, Петер сказал:

— Американцы впоследствии усовершенствовали свои методы. Сегодня, поставляя муку, они требуют солдат.

— Или нефть!

— Ну, нефть они берут, не давая взамен муки, — возразил Петер, — иначе арабы были бы самым сытым народом в мире.

— Это верно.

— А среди мусульман тоже есть различные направления?

— Несмотря на множество течений, большинство христиан подчиняются Ватикану. Мусульмане же распадаются на суннитов — приверженцев пророка Мухаммеда, шиитов — приверженцев халифа Али *, брата Мухаммеда, и исмаилитов, склонных к мистицизму. На юге есть еще друзья — они придерживаются тайного ритуала, а на севере — алавиты.

— Я спросил у одного друга о ритуале, — заметил Петер.

— Друг вам никогда ничего не скажет.

— Возможно. Но даже то, что он рассказал, было достаточно интересно. Судя по его словам, друзья — как бы протестанты среди мусульман. У них даже нет модельных домов. Между прочим, им разрешается иметь только одну жену, и в случае развода они не имеют права вторично вступить в брак.

На бульваре вблизи набережной десятилетняя девочка в длинном черном с белым платье танцевала под однотонный аккомпанемент инструмента, похожего на мандолину, на котором играл ее отец. Прохожие почти не обращали на нее внимания.

— Вы говорите, что религиозная разобщенность используется в политических целях? — спросил Петер.

Араб кивнул.

— Президент страны должен быть маронитом, премьер-министр — суннитом, председатель парламента — шиитом, а заместители премьер-министра и председателя парламента — греко-православными.

— Сложная математика!

— Так разрушается национальное единство. Страна — я теперь имею в виду Ливан — искусственно раздробляется, хотя сама она — только балка в сирийском доме. Вот посмотрите, — он начал считать на пальцах — от Сирии французы сначала отделили Ливан, который никогда не существовал в качестве самостоятельного государства, затем — область друзов, потом — Халеб, потом — Дамаск и, наконец, на севере — секту алавитов. Что я вам говорил? «Разделяй и властвуй».

* Один из первых последователей Мухаммеда, основателя ислама, муж его дочери Фатимы.

— А на юге Сирии, — добавил Петер, — англичане отрезали себе от арабского пирога Иорданию, так?

— Еще дальше к югу англичане отхватили себе от него еще один жирный кусок — Израиль.

— Американцы дали приправу к нему.

— В Ираке опять англичане, — сказал араб, — в Саудовской Аравии — американцы, и нефть, наше черное золото, течет в английские и американские цистерны. Некоторые короли, президенты и вассалы участвуют в прибылях, а в народе возбуждают религиозные распри по принципу: «Разделяй и властвуй».

Под напором свежего ветра о берег, пенясь, бились волны Средиземного моря.

— Все, что вы говорили, — сказал Петер, — кажется мне весьма интересным, но...

— Что же «но»?

— Неужели многочисленные влияния не имели никаких положительных последствий?

— Имели, конечно. Иногда они облегчали проникновение прогрессивных идей. У нас есть передовые, политически активные рабочие и крестьяне и значительный слой интеллигенции.

— Это другая проблема. Империалисты, сказали вы, раскололи вашу страну. Возникла республика Ливан наряду с Сирийской республикой. Так ведь?

— Да, — подтвердил араб. — Я же сказал: «Разделяй и властвуй». Ведь те же империалисты поступили точно так же с Германией, и на ее территории теперь существуют два государства.

— Да, но между ними есть принципиальное различие. А ваши два арабских государства признают друг друга?

— Естественно.

— Почему вы считаете это естественным?

— А потому, что делить им нечего, одно от другого они не зависят и хотят жить в дружбе.

— Правительства тоже?

— Да, поскольку народ может влиять на них.

— Мне бы хотелось иметь возможность сказать то же о западногерманском правительстве, — заявил Петер. — А что думают в Ливане и Сирии о воссоединении?

— Мне кажется, что границы, созданные в результате политики «разделяй и властвуй», падут, как только не станет империалистов.

Древняя культура, тайное оружие

Шоссе, ведущее в Басру, шло мимо полей. Некоторые из них уже покрылись зеленью озимых хлебов, большинство же лежало оголенными, и только многочисленные камни прикрывали их темную наготу. Кое-где это были даже не камни, а целые плиты или крупные обломки скал, и вплотную к ним, чуть ли не под ними, крестьяне тщательно вспахивали землю, стремясь использовать каждый ее вершок. Иной раз нельзя было сказать, прошел плуг по полю или оно осталось необработанным — так густо оно было усеяно камнями величиной с кулак. В других местах камни были сложены в кучи по краям пашни.

На горизонте возвышалась горная цепь, летом и зимой щеголявшая снежной шапкой и получившая за этот белый головной убор название «Шейх».

Дальше на юг земля становилась более тучной, растительность — богаче. Самые древние сведения об этом крае содержатся в глиняных табличках XV века до нашей эры, покрытых вавилонской клинописью. Таблички были найдены в Верхнем Египте, в селении Эль-Амарна, вблизи Фив, на месте захоронения того фараона, который основал в Египте культ Солнца.

Многие народы оспаривали друг у друга этот плодородный край — семиты и арабские набатеи, арамейцы и ассирийцы, вавилоняне и персы, греки, а затем римляне, которые сделали Басру столицей своей провинции — Аравии. И наконец явились арабы, крестоносцы, друзы.

Перед въездом в Басру еще сохранились остатки римских городских ворот. Рядом с колоннами возвышалась триумфальная арка с высоким главным сводом и двумя низкими проездами. В одном из них плоть восторжествовала над камнем: проезд с одной стороны замуровали, с другой — навесили дверь, и в нем мясник устроил себе лавку.

Улицы города напоминали каменные ущелья. От триумфальной арки дорога вела мимо большого, выложенного камнем глубокого бассейна, в котором некогда накапливалась вода для жителей города. Напротив возвышался театр-крепость. Сначала это был амфитеатр

на пятнадцать тысяч мест, построенный римлянами. Пятьдесят лет спустя арабские воины стремительной лавиной пронесли по стране и смели римлян. Арабы-то и перестроили театр, превратив его в цитадель, точнее говоря, не перестроили, а надстроили, арену и нижние ярусы перекрыли сводом и превратили их в складские помещения, а главное, рядом с наружной стеной театра и над ней воздвигли высокие крепостные башни.

В сопровождении сотрудника Национального музея Сирии Петер отправился осматривать театр-крепость. Узкий каменный переход вел через ров, правда давно уже высохший. Миновав каменный лабиринт и спустившись по полутемным лестницам, они достигли амфитеатра. Петера охватило благоговение: перед ним был памятник почти двухтысячелетней давности.

— Посмотрите, — сказал сирийский археолог, — там, на верхнем краю ярусов, сохранились четыре дорические колонны. Когда-то они обрамляли весь амфитеатр.

— Изумительно! — воскликнул Петер. — Кажется, что эти легкие, будто невесомые колонны парят в воздухе и вот-вот поднимутся ввысь, но фриз как бы удерживает их и не дает оторваться от земли. Изумительно! — повторил он.

— Да, — сказал сириец. — А между колоннами была натянута материя. Когда театр наполнялся, ее обрызгивали благовониями, и они мельчайшими капельками стекали на зрителей.

Петер и сириец поднялись по ярусам к колоннам и взглянули вниз.

— Здесь, и только здесь, — сказал сириец, — разрешалось сидеть женщинам.

Человек, подверженный головокружениям, не мог бы стоять на такой высоте. Когда-то на этих каменных, довольно крутых ступенях сидели пятнадцать тысяч зрителей, веселясь и ужасаясь, радуясь или приходя в ярость.

— Раскопки еще не закончены, — сказал сириец. — Мы хотим восстановить театр в его первоначальном виде. Мы всё проверили и не сомневаемся, что после окончания работ в мире не будет другого подобного сооружения, которое бы так хорошо сохранилось.

Перекрытие склада было уже частично снято, и обнажились распалубки крестового свода.

— Внутри театра мы восстановили три этажа, — ска-

зал сириец. — Все эти чужеродные пристройки будут снесены. Нам уже известно, что сцена и помещение для оркестра совершенно невредимы.

Они спустились вниз. Часть колонн, окружавших сцену, уже была освобождена до самого фундамента. Справа и слева от сцены находились каменные ложи для знатных гостей. Некоторые из лож, замурованные арабскими воинами, еще не были вскрыты.

Стоя поблизости от места, где должна была находиться сцена, Петер хлопнул в ладоши, чтобы проверить акустику зала. Эхо подхватило и повторило звук.

— Мы освобождаем театр от всех надстроек оборонного характера, — сказал сириец. — Только башни останутся. Таким образом мы сохраним замечательный памятник римской и ранней арабской архитектуры.

— Обратите внимание на множество выходов, — сказал сириец, когда они попали в лабиринт боковых коридоров. — Благодаря им вся масса зрителей имела возможность очень быстро выйти из театра.

По крутой лестнице они поднялись на плоскую квадратную крышу одной из башен, где на краю стоял домик. В нем жил сирийский археолог. Отсюда видны были маленькие домики города, идущие между ними женщины в длинных темных одеждах, с кувшинами на головах, древняя мечеть — в ней Петер рассматривал остатки изумительных мозаичных арабесок. За пределами города взгляд скользил по равнине и на горизонте упирался в горы.

— Джебель-Друз, — сказал сириец, будто угадав мысли гостя. — На востоке, в нескольких часах езды на автомобиле, начинается граница Ирака.

— А, нефтеносная вотчина Запада?

— Пока, к сожалению, да.

— А на юге? — спросил Петер. — Там Иордания наверно?

— Очень близко отсюда. На северо-востоке Джебель-Друз, с городом Эс-Сувейда.

За четыре дня до нападения на Египет из Эс-Сувейды по направлению на восток вышли два автомобиля. По дороге к ним присоединился тяжелый грузовик, шедший из Аммана. Водителей звали Мухама Дуер, Шабик

Вахаб и Гиас Срур. Под покровом ночи они достигли иракской части сирийской пустыни. Капитан иракской армии остановил их и спросил, куда они направляются.

Шабик Вахаб произнес пароль:

— Мы люди Раада.

— Проезжайте, — приказал офицер.

Машины приблизились к большому иракскому грузовику, и водители приняли с него груз: восемьсот винтовок, шесть пулеметов и сорок девять ящиков боеприпасов.

Во время погрузки Мухама Дуер сказал:

— Ведь здесь оружие! А я и не знал.

— Тебе и не надо знать, — ответил Шабик Вахаб. — И чем быстрее ты об этом забудешь, тем лучше.

Машины немедленно вернулись на территорию Сирии, где их ждал караван. Когда оружие погрузили на верблюдов, Вахаб сказал своим товарищам и погонщикам каравана:

— Никто из вас не знает, что мы погрузили. Никто ни словом не обмолвится об этом. Если среди вас найдется предатель, он будет расстрелян. Так мне велел сказать начальник. Я поклялся ему молчать и требую молчания от вас.

Порожные машины уехали, а верблюды доставили часть оружия в Вади-Аник, на границе Сирии и Иордании, а часть — дальше на север, в Телль-Афлак. Оттуда его контрабандой передали по назначению. Пятьсот винтовок и двадцать пять ящиков боеприпасов получили люди Шабика Вахаба в Джебель-Друзе, остальное досталось шейху бедуинов Хаялю Сруру для его племени мсейд, которое расположилось лагерем в селении Мавка-аль-Суен в Джебель-Друзе.

Шейх был мал ростом, носил редкую угольно-черную остроконечную бородку и усы. На его плечах красовалась белая накидка, обшитая парчой. На тыльной стороне его правой руки виднелась татуировка. Племя шейха имело право избрать одного депутата в парламент Сирии, и он, феодальный господин племени, приказал избрать себя. У него была квартира в Дамаске, он часто навещался и в Бейрут, где встречался со своим другом, иракским военным атташе полковником Салехом Муди Самераи. Шейх получил из Бейрута две тысячи

фунтов для передачи Вахабу, руководившему перевозкой оружия.

К трем машинам, вывезшим оружие, должна была присоединиться четвертая. Но водитель, Хаяль Баллан, был задержан дозором пограничников. Наконец его освободили, он поехал в иракский лагерь и взял оружие. В тот день, однако, его преследовала неудача... На территории Сирии у него забарахлил мотор. Шедшая по следу Баллана машина, приблизившись к нему, затормозила, шоферы разговорились, незнакомец увидел груз.

— Оружие? — спросил он.

— А у вас? — спросил Баллан.

Незнакомец пожал плечами.

— Может быть, гашиш? — сказал Баллан.

— Может быть, — сказал незнакомец. — Но если вы застрянете здесь с оружием, патрули зададут вам жару.

Баллан кивнул.

— Не возьмете ли меня на буксир? — спросил он вдруг.

Незнакомец согласился. На заре Баллан увидел вдалеке, на границе Сирии и Иордании, деревню, окруженную пальмами. Он нажал на сигнал, чтобы предупредить незнакомца. Но тот мчался прямо к деревне и даже увеличил скорость. «Это очень рискованно», — подумал Баллан, но сделать ничего не мог. В деревне, перед пограничным постом, незнакомец остановился.

— Я привез оружие и водителя, — сказал он.

Баллан понял, что нет смысла пытаться бежать или оказывать сопротивление. В его машине обнаружили две противотанковые пушки и двадцать снарядов к ним, четыре винтовки и шестьдесят комплектов боеприпасов.

Так приоткрылся занавес, за которым велась подготовка заговора. Теперь занавес быстро отдернули, обнаружив на сцене актеров, неуспевших загримироваться.

Но еще раньше, в другом месте уже была разыграна одна сцена из подготовленного спектакля. В последнее воскресенье октября, когда Египет бастовал, протестуя против ареста пяти алжирских вождей, в то самое воскресенье, когда началась война, хотя народы еще не знали об этом, население Сирии вышло на демонстрацию. В Халебе, в древнем городе на севере страны, славящемся прекрасной коллекцией древних скульптур, молодые люди, крадучись, покидали ряды демонстрантов и

поджигали французские школы. Кто-то пытался поджечь христианские церкви. Христиане думали, что это мусульмане, но арестованные оказались христианами. Кто-то пытался поджечь мечети. Мусульмане думали, что это христиане, но арестованные оказались мусульманами.

Это была явная провокация. Халеб был объявлен на военном положении.

Поджоги в Халебе должны были развязать гражданскую войну в Сирии. Было условлено, что в передачах известий для Ближнего Востока, в пять часов дня и в восемь часов вечера, Би-би-си подаст условный сигнал к началу восстания во всей стране: в Джебель-Друзе на юге, в Халебе на севере, в столице Дамаске и в таких городах, как Хомс, Хама и Латакия. Заговорщики планировали арестовать или уничтожить — физически или политически — членов правительства и депутатов парламента и создать правительство, которое присоединится к Багдадскому пакту и таким образом изолирует Египет, скованный вооруженной агрессией.

Предполагалось, что в случае провала путча заговорщики скроются в горах и призовут на помощь Англию и Францию. После этого французские войска, уже два месяца стоявшие наготове на Кипре, должны были вступить в сирийский порт Латакию.

Когда занавес поднялся, оказалось, что нити заговора ведут в Бейрут.

— Военные атташе Англии и Ирака всегда были заодно, — заявил на допросе один из арестованных.

Узнав о конфискации оружия, контрабандой доставленного из Ирака, главарь заговорщиков в Бейруте только сказал:

— Этого бы не случилось, если бы шейх Срур позаботился о транспорте. Но водь он так ленив!

Иордан, Мертвое море, Иерусалим

На расстоянии нескольких километров от Басры на холме раскинулся упоминавшийся еще тысячелетия назад город Дерьа, весь состоящий из серого тяжелого камня и глины.

Где бы Петер ни был, он неизменно старался заглянуть внутрь домов, не из праздного любопытства, разумеется, а чтобы понять людей и их образ жизни. В память ему врезалась одна из сирийских деревень между Дамаском и Дерьа. Деревня лежала в оголенной, без единого деревца, местности и напоминала каменную глыбу, прорезанную узкими щелями. В деревне не было ни кустика, ни травки, ни капли иной зелени. Над серыми глиняными хибарками возвышался тонкий, изящный силуэт мечети и тут же рядом — часть ворот разрушившегося римского храма. Прохаживаясь по улицам этой угнетающей своей мрачной бесцветностью деревни, Петер остановился у ворот, за которыми виднелся двор. В глубине двора стоял дом, дверь в комнату была распахнута настежь, и Петер замер, очарованный открывшимся перед ним зрелищем. На фоне глинисто-серых улиц, двора, дома комната казалась оазисом, где цвели краски. Роспись стен в египетском стиле, состоявшая из треугольников зеленых, красных, синих и других ярких тонов, свидетельствовала о том, как жаждал человек сочных и разнообразных красок в этой однотонной местности.

«Живой человек любит краски, нуждается в них, — подумал Петер. — Они играют в его жизни куда более важную роль, чем думают бесцветные люди».

Офицер на иорданской пограничной заставе выглядел так, будто сошел с картинки, рекламирующей Арабский легион. Он был в меру высок, строен, но отнюдь не худощав, красив, но мужественной красотой. На нем была синяя форма и белый головной убор. Привлекали внимание его орлиный нос и бархатистые глаза. Прогрессивное правительство Иордании недавно признало Советский Союз и Народный Китай, и красивый офицер произнес деловито, будто цитируя специальный воинский устав, регламентирующий образ мыслей личного состава:

— We are friends now *.

Теперь!

Это звучало так, будто он хотел сказать: «Вчера мы были друзьями англичан, создавших Арабский легион. Сегодня мы друзья русских и китайцев, которые помога-

* Мы теперь друзья (англ.).

ют нам противостоять англичанам. Завтра мы можем стать друзьями американцев. Все зависит от решения его величества короля».

Если бы офицера спросили, чем руководствуется король, принимая то или иное решение, вряд ли бы он осмелился подумать, а тем более сказать: «Вчера англичане платили ему за военные базы двенадцать миллионов фунтов в год, сегодня столько же платят ему как союзнику Египет, Сирия и Саудовская Аравия, а завтра американцы могут предложить двадцать».

В разговоре с красивым офицером Арабского легиона не следовало, конечно, касаться таких щекотливых вопросов, иначе пришлось бы напомнить ему, что англичане уже почти добились присоединения королевства Иордании к Багдадскому пакту. Когда народ Иордании узнал об этом, он вышел на улицу, протестуя против приезда в столицу английского генерала для переговоров о пакте. Англичане стреляли в демонстрантов и убили девочку, но своей цели не достигли. И если король захочет завтра выступить при поддержке США против народа, чтобы обогатиться и спасти свою феодальную власть, народ этого не допустит.

Красивый офицер хотя и сказал: «We are friends now», но тут же добавил:

— Без разрешения из Аммана я не могу выдать вам визу.

Только вчера я разговаривал в Дамаске с одним иорданцем, — объяснил Петер. — Он сказал: «Визу вы без труда получите прямо на границе. Если же встретятся затруднения, попросите связаться по телефону с премьер-министром в Аммане и сошлитесь на меня».

— Как звали иорданца?

Петер назвал фамилию.

— Я не могу звонить премьер-министру.

— Вот номер его телефона, — настаивал Петер. — Передайте его в свой штаб в Аммане.

Красивый офицер не спешил. Наконец он позвонил («Мы теперь друзья»), но с премьер-министром связаться не удалось. Он был на аэродроме, провожал короля.

— Придется подождать.

Автобус, в котором приехал Петер и где сидели еще пятеро других пассажиров, уже отходил.

— Поедете на другом, — сказал офицер.

Премьер-министр распорядился выдать визу. Красивый офицер улыбнулся напоследок и непринужденно попрощался.

Петер заметил, что у некоторых солдат легиона на головах были введенные еще англичанами остроконечные каски с кожаными воротниками для защиты затылка и шеи от песка пустыни, придававшие им сходство с пожарниками времен последнего немецкого кайзера.

Дорога в Амман, который две тысячи лет назад назывался Филадельфией, в честь того Птолемея, который основал библиотеку и музей в Александрии, проходила по убогой местности. Единственная ее достопримечательность — вырубленное в скале широкое и высокое полукружие амфитеатра греко-римской эпохи, довольно хорошо сохранившееся.

Если бы амманцы не были одеты по-восточному, столицу Иордании можно было бы принять за европейский город средней величины. Многие мужчины носили, как в Сирии, штаны и куртку. Они казались крепкими, коренастыми, энергичными. Вечером дешевые кафе наполнялись посетителями, по утрам торговцы продавали на улицах из блестящих сосудов горячий кофе с молоком.

— В Аммане делать нечего, — сказал Петеру в Дамаске один иорданец. — Иерусалим — вот это город!

От сирийской границы до Аммана было два часа езды на автомобиле, от Аммана до Иерусалима — еще два часа.

Дорога вилась между гигантскими лишенными растительности горами. Сначала они потрясали, затем наводили грусть. Нельзя было не вспомнить, что, согласно древним документам, фараон Рамзес охотился здесь на слонов. Значит, когда-то склоны гор были покрыты, по видимому, богатейшими лесами, которые были сведены самым хищническим образом. Впоследствии дожди смыли слой плодородной земли. И горы оголились.

В обрывистом каменистом ущелье на краю шоссе внезапно вырос белый щит, укрепленный на двух врытых в землю железных столбах.

Надпись на нем оказалась еще более неожиданной: «Sea level» *.

В шестиместном автобусе это сообщение вызвало

* Уровень моря (англ.).

веселое оживление. Казалось странным, что, находясь в ущелье среди гигантских гор, люди в действительности очутились ниже, чем пассажиры парохода, плывущего по Средиземному морю. Один из арабов уже был знаком с этой дорогой и показал снимок, который он сделал во время предыдущей поездки.

— Нырнем под воду, — сказал он, смеясь.

Затем автобус нырнул на глубину почти четырехсот метров, то есть спустился в долину Мертвого моря, к самому низкому месту на земном шаре. «Под водой» дышалось легко. Пассажиры даже наслаждались — и это зимой! — летним воздухом. Час назад они видели, как амманцы, покупая на улице стакан кофе, зябко потирают руки. Теперь машина въехала в город пальм, кипарисов и апельсиновых деревьев, который на фоне обнаженных гор еще издали казался райским уголком.

Машина остановилась, пассажиры вышли, в машине остались только Петер и водитель.

— Иерихон, — сказал шофер.

Петер прислушался, но не услышал эха библейских труб и воинственных криков, которое, если верить легенде, было когда-то настолько громким, что заставило обрушиться стены города. Внезапно Петер вспомнил одну свою детскую шалость и улыбнулся. Он и его товарищи слышали в школе о Иерихоне, и рассказ произвел на них сильное впечатление. Мальчишки вырезали дудочки из вербы и стали дуть в них перед высокой стеной фруктового сада, который им уже давно хотелось завоевать ничуть не меньше, чем сынам Израиля — Иерихон. Потом они подняли страшный крик. Теперь, по их расчетам, стена должна была обрушиться. Вместо этого над ней показалась голова хозяина. В наступившей тишине он воскликнул:

«Что это вы, сорванцы, здесь разыгрались?!»

«Мы играем в трубы Иерихона», — ответил кто-то.

Но стена повела себя совсем не так, как учили в школе.

Осаждающим не удалось войти с победой в сад, а пришлось обратиться в позорное бегство.

Так вот он, настоящий Иерихон вблизи Мертвого моря, в которое впадает Иордан! Чудом казались апельсины, сейчас, зимой, свисавшие золотыми шарами с ветвей деревьев или выглядывавшие из ящиков, нагроможденных перед магазинами, на обочинах тротуаров; чудом

казалось обилие других свежих фруктов и овощей, которые Иерихон круглый год поставляет в Амман, Иерусалим и другие города. Зато здесь сразу становилось понятным, чем Иерихон, если верить Библии, прельщал детей Израиля. Ими руководило то же, что позднее толкало на завоевание долины Иерихона ассирийцев и вавилонян, египтян и сирийцев, персов и греков, римлян, крестоносцев и арабов: далеко вокруг не было другого такого плодородного края.

Теперь в Иерихоне был как будто мир. Так по крайней мере казалось с первого взгляда. Но почти у самого города пальм, на обширном песчаном поле у подножия горной цепи, усеянном маленькими хижинами, Петер заметил перед баракком длинную очередь: мужчин в белых или в светлых галабиях, женщин в черном с младенцами на руках или с маленькими детишками на плечах.

— Беженцы, — пояснил водитель.

— Откуда?

— Из Палестины, конечно. Бежали от империалистов. — Голос его дрожал от возмущения. — В таких хижинах они живут годами, а их землю и дома захватили в Палестине сионисты. Ни работы, ни денег, существуют они на крошечное пособие от Организации Объединенных Наций*.

Он замолчал. Вдалеке светилась полоса Мертвого моря.

— И так везде: у нас в Иордании, в Сирии, в Ливане. В одном лишь районе Газы, вдоль границы с Египтом, — двести тысяч беженцев из Палестины. У нас — пятьсот тысяч беженцев при населении в полтора миллиона. Вы понимаете, что это значит?

Петер знал, что водитель говорит об одной из самых острых проблем Ближнего Востока. Путешествуя по странам восточного побережья Средиземного моря, Петер заметил, что, о чем бы ни говорили люди, они неизбежно обращались к этой теме. Уже в первые дни пребывания в Бейруте он прочитал в газете сообщение, предостерегавшее «беженцев из Палестины» от недозво-

* Снабжение палестинских беженцев идет через Международную организацию по оказанию помощи беженцам (ЮНРВА), существующую на взносы некоторых членов ООН. Самый большой взнос делают США.

ленного пребывания в столице и прозившее им насильственной отправкой «в лагерь». В Дамаске около городских ворот — с них, согласно легенде, был спущен в корзине апостол Павел — он видел лагерь беженцев, где они ютились в ужасающей нищете. Подобные лагеря он видел во многих других местах.

— Почему им не дают возможности поселиться в сельской местности? — спрашивал он неоднократно.

И всегда ему отвечали:

— Мы требуем, чтобы им разрешили вернуться к себе на родину.

— Они бы могли жить, например, на северо-востоке Сирии, — настаивал Петер.

— Империалистам только того и надо, — отвечали ему. — А виноваты-то во всем они!

— Но империалисты — Соединенные Штаты, Англия, Франция — защищают Израиль.

— Мы знаем... А Западная Германия дарит сионистам миллион за миллионом, и на эти деньги они покупают оружие для борьбы против арабов. Все это нам известно.

— А выход где? — часто спрашивал Петер.

И в ответ всегда слышал:

— Господство империалистов близится к концу. И одновременно придет конец искусственно созданному государству.

— Вы хотите изгнать евреев?

— Если они захотят жить с нами в дружбе — милости просим. Как империалисты они нам не нужны.

Дорога казалась врезанной в цементные горы. Машина то карабкалась вверх, то сползала вниз, справа возвышались красноватые гиганты, слева простирались базальтовые скалы. Бедные бедуины, у которых не было верблюда или осла, одетые по случаю пятницы в свои лучшие белые одежды, останавливали машину и забирались в нее со своими женами. Молодая красивая бедуинка держала на коленях темный узел. Только присмотревшись, Петер понял, что это младенец. Наконец вдали показались зеленые точки деревьев и серые пятна домов. Водитель сказал:

— Это Иерусалим.

Машина въехала в легендарную столицу трех религий и двух государств.

— Пройдите вон в те ворота, — сказал араб. — Здесь начинается Старый город.

Это были Дамасские ворота.

Древняя стена имела в высоту около тридцати метров. Цвет квадратных и прямоугольных камней варьировал от светло-серого до темного и почти черного. Среди камней были вмазаны обломки римских колонн, как и в других укреплениях арабов и крестоносцев.

Затянутое тяжелыми тучами небо, излучавшее слабый свет, влажный и холодный воздух, рыночная площадь в лужах — всё это создавало ощущение неустроенности. К тому же начался дождь. Около ворот Петер с трудом отделался от трех молодых людей, которые навязывались ему в качестве провожатых. За воротами, в узком переулке, Петер зашел к меняле, и тот охотно вызвал по телефону официального гида. Гид не заставил себя ждать, а вместе с ним явился полицейский в остроконечной каске, чтобы приветствовать иностранца, так сказать, по долгу службы. Он сообщил, что разрешается фотографировать только здания.

— Люди у нас не любят сниматься, — сказал он. — Так уж повелось.

Выйдя из дома, Петер сказал своему проводнику-арабу:

— Я знаю, что женщины обычно не желают, чтобы их фотографировали. Им кажется, что это может принести несчастье. Связано это, по-видимому, с общественным положением женщины, с ее изоляцией.

Он подождал ответа, но араб молчал.

— Быть может, — продолжал Петер, — это связано также с Кораном.

— Что вы имеете в виду? — встрепенулся гид.

— Во избежание идолопоклонства Коран запрещает всякого рода изображения людей.

Гид в ответ только кивнул.

Дождь не прекращался, поэтому они свернули с мощеной улицы в один из крытых переулков, составлявших сук — базар. Все арабские базары — в Дамаске, Халебе, Иерусалиме — походили один на другой. Их ряды под навесами напоминали тоннели, — только сук Бейрута располагался под открытым небом, а на каирском базаре кроме торговых были ряды ремесленников.

— Я слышал, что в Старом городе есть арабский и

христианский кварталы, — сказал Петер. — Мне бы хотелось побывать и в христианском квартале.

— Христиане тоже арабы, — отрезал гид неприязненно, и они некоторое время шли молча.

— Так говорят в Бейруте, — примирительно заметил Петер.

— Людей в Ливане, которые предали свою веру, постигнет кара, — сказал гид, и это прозвучало, как проклятие пророка.

По узким переулкам они шли то вверх, то вниз по холму, на склоне которого расположилась старая часть Иерусалима, мимо высоких серых стен. Булыжная мостовая кое-где прерывалась ступеньками. Иногда дорога убегала в темные проходы или скакала по лестницам, над которыми нависали каменные арки. Камень, камень, кругом камень... Трудно было не задать себе вопроса, как выглядел древний Иерусалим; по данным археологии, он находился примерно на восемь метров ниже современного. Тем не менее в одном монастыре еще показывали каменные плиты, по которым якобы ступал Христос, а в храме Гроба Господня можно было просунуть руку в круглое отверстие перед алтарем, богато украшенным золотом и драгоценными камнями, и дотронуться до скалы, где якобы находилась Голгофа. Так утверждали раньше.

— Теперь, — сказал проводник, — я покажу вам сад Гроба Господня, которым многие посетители восхищаются. Прелаты англиканской церкви считают, что сад важнее, чем храм Гроба Господня. Они утверждают, что Голгофа была на месте сада. При этом они ссылаются на Библию и, кроме того, на сообщение святого Виллибальда, относящееся к восьмому веку: «Голгофа прежде находилась за пределами Иерусалима, но когда [царица] Елена нашла крест, она устроила это место так, что оно оказалось в пределах города».

Они вышли за городскую стену, и Петер сказал, что он не хочет, да и не может судить, кто из теологов прав, но что легенда о Христе, где бы ни находилась Голгофа, волнует его как поэтическое произведение.

— Вы неверующий? — спросил араб.

— Я верю, — ответил Петер, — что человека могли забросать камнями и убить за то, что он защищал бедных и что поэты из бедняков воспевали его и изображали святым.

— Вот сад Гроба Господня, — заметил араб.

— В Коране, — добавил Петер, — о Моисее, Христе и Мухаммеде говорится как о великих пророках.

Араб молчал. Трудно было сказать, что он думает по этому поводу, хотя было ясно, что он прекрасно знает историю христианства.

Из всего, что Петер увидел в Иерусалиме, сад производил наибольшее впечатление.

— Почти так же он выглядел, очевидно, при жизни нашего господина, — сказала по-английски приветливая управительница.

В саду росли пинии, кипарисы, маслины, кактусы, широкие дорожки были окаймлены кустами самшита. Когда наступит весна, здесь пламенными красками Востока зацветут цветы.

В конце сада в яме, выложенной каменными плитками, сохранился большой пресс для выжимания олив. Он напоминал пресс, который Петер видел в древнем Библиосе: так же был вырублен из одного камня, имел желоб для стока масла и маслоприемник, но был значительно больше. Сквозь каменные плитки проросли корни кустов. Это создавало впечатление глубокой древности.

— А это Голгофа, — сказала женщина, подводя Петера к скале на краю сада. — По арамейски это означает «череп». Вглядитесь в скалу, и вы поймете, почему она так называется. Углубления, похожие на глазницы, и выступы, напоминающие носовую и челюстную кости, придают скале сходство с черепом.

Ну что ж, против этого трудно было спорить.

— Голгофа находилась за пределами города. Вот здесь.

Тоже возможно, хотя доказать это было так же трудно, как то, что Голгофа находилась на традиционном месте.

Женщина повела посетителя через сад к другой скале, частично окруженной стеной. В ней было отверстие в форме двери. Они вошли внутрь. В полумраке Петер разглядел вырубленное в скале некое подобие лежанки.

— Его смертное ложе, — сказала женщина. — С Голгофы Иосиф принес его тело сюда.

Женщина отвела Петера немного в сторону, к месту, где в земле находилось отверстие величиной с окно.

— Здесь большая подземная молельня времен первых христиан. В ней нашли маленький крест, украшенный драгоценными камнями.

Петер наклонился к отверстию и хлопнул над ним в ладоши. Ему ответило эхо, как в соборе.

«Если бы не было храма Гроба Господня,— подумал Петер,— где каждое из пяти вероисповеданий христианской церкви имеет собственную часовню, то сад вполне мог бы стать местом паломничества христиан. Древнее еврейское погребение, подземная молельня, скала-череп — все это создает неограниченные возможности для воздействия на воображение. Да, вот так и создаются легенды, которые полны очарования для одних, а другими используются в корыстных целях».

Они вернулись в Старый город и спустились к древней «Стене плача» иудеев, сложенной из больших квадратных плит. Петер спросил проводника, приходят ли евреи к своей стене теперь, когда она находится в арабской части города.

— Нет,— отрезал гид.— Некоторые,— добавил он, чуть помолчав,— взбираются на холм, откуда видна стена. Там они плачут.

— Вдалеке?

— Да.

Они осмотрели храм на скале, считавшийся одним из лучших архитектурных сооружений мусульман, и гид сказал:

— Собор стоит на скале Мориа. На этой скале Авраам приготовился принести в жертву своего сына Исаака. Ислам считает Авраама первым мусульманином.

На этой горе три тысячи лет назад находился храм Соломона, после него остались груды развалин, позже здесь воздвигли храм царя Ирода, тоже превратившийся в развалины, потом римский храм Юпитера, затем на протяжении веков здесь не было ничего, кроме груды щебня, пока в VII веке арабы не построили сначала каменную мечеть, а впоследствии — храм на скале.

— Сейчас, тринадцать веков спустя,— сказал араб,— евреи хотят его снести и вновь построить храм Соломона.

— Ерунда,— сказал Петер.

— Нет, это так,— настаивал араб.— Они не раз пытались силой вытеснить арабов из Старого города.

— А теперь?

— Теперь они там.

— Где?

— Там. — Он ткнул пальцем по направлению к стене.

— Граница существует?

— Да.

Гид сделал какой-то неопределенный жест. Он, видимо, сгорал от стыда за то, что часть его родного города и часть Палестины вырваны из рук арабов. Но Петер настаивал, и араб показал рядом с Дамасскими воротами стену из красного кирпича.

— Это граница?

Он кивнул.

— А части города как-нибудь сообщаются между собой?

— Если вы настаиваете... — сказал гид и повел Петера немного дальше.

Там в стену были врезаны ворота, их охраняли часовые. Ворота находились вблизи сада Гроба Господня, где Петер уже проходил, но тогда гид ничего о них не сказал.

— Отольются им наши слезы! — сказал гид на обратном пути.

Дождь хлестал как из ведра. Араб раскрыл зонтик, но он мало его защищал, с легкого пальто Петера струилась вода, тем не менее они продолжали стоять.

— Я не антисемит, — заметил араб.

— Иначе и быть не может.

— Именно, — сказал тот. — Мы, арабы, ведь сами семиты. Мы делаем различие между евреями и сионистами. Мы ненавидим англичан не за то, что они англичане. Мы ненавидим их за то, что они империалисты, а сионистов — за то, что они стали опорой империалистов в пику нам, арабам. Они напали на Египет, раскололи Иерусалим...

Дождь лил потоками, но Петер не мог прервать гневную обвинительную речь араба.

— В расколе виноваты американцы, — вставил Петер.

— Вы знаете, как это произошло?

— Точно не помню.

— А я помню. В начале декабря сорок девятого года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных На-

ций объявила Иерусалим городом с особым международным режимом. За это решение голосовали Египет, Сирия, Ливан, Советский Союз. Иордания в то время была английским протекторатом. Против интернационализации выступил Израиль; его при голосовании поддержали США, Англия и некоторые их сателлиты.

— А потом?

— Четыре дня спустя премьер-министр Израиля объявил Иерусалим столицей государства. Он бы, конечно, никогда не решился бросить такой вызов Организации Объединенных Наций, если бы не знал, что его поддерживают англичане и, главное, американцы. Это они виноваты в том, что Святой город расколот на две части.

Два течения

Вернувшись в Сирию, Петер нашел телеграмму из Каира от Ахмеда: «Прибуду Дамаск сюрпризом». Сюрпризом была Ивонна — она хотела присутствовать на процессе заговорщиков. Ахмеда привели в Дамаск дела, связанные с каким-то строительным проектом.

Перед вылетом из Каира Ивонна съездила в освобожденный Порт-Саид. На обочинах шоссе вдоль канала Исмаилия еще лежали остатки сгоревших машин, больше ничто не напоминало о недавних событиях. Но повсюду чувствовалось, что страна пережила войну.

Исмаилия не изменилась. Только Суэцкий канал еще бездействовал и в здании администрации, где раньше ключом была жизнь, зияли пустые комнаты. Ивонне пришлось долго обивать пороги разных учреждений, пока она нашла служащего, который мог ей помочь.

— Я сведу вас с моим знакомым, который во время осады оставался в Порт-Саиде.

Знакомый оказался человеком среднего роста, коренастым, подвижным, полным энергии. Может быть, офицер в отставке, который оставался в Порт-Саиде с особым поручением.

— Через полчаса я еду в Порт-Саид, — сказал он. — Если хотите, я вам там кое-что покажу.

В Порт-Саиде они встретились в кафе и поехали мимо развалин домов на аэродром. Он находился между Средиземным морем и озером Манзала, на такой узкой

полосе земли, что в одном месте она обрывалась, и между водоемами образовывался проток, через который был переброшен мост.

— Это единственное место, где озеро и Средиземное море сообщаются между собой, — сказал египтянин. — По ту сторону моста видна бывшая радиолокационная станция. Ее разбомбили. — Он показал на аэродром: — Здесь началась наземная война. В шесть часов пятнадцать минут приземлилась первая партия английских парашютистов. Четыреста человек. Мы ждали их и ликвидировали. Это произошло быстро. Мы применили три новейшие русские ракетные установки, выпускающие тридцать две ракеты в секунду.

— В секунду?

— Да. В половине одиннадцатого нахлынула вторая волна. На этот раз англичане сначала подвергли аэродром опустошительной бомбардировке. Мы понесли большие потери. Когда они приземлились, их поддержала штурмовая авиация.

На краю аэродрома находилось кладбище. Между могилами стояла группа людей. Ивонна и египтянин перешагнули через низкую ограду и подошли ближе. Один человек копал землю между могильными плитами.

— Он ищет своего брата, — объяснил кто-то.

Возле кладбищенской ограды были разбиты палатки. В них жили женщины с детьми, чьи дома были разрушены.

— На этом кладбище погибли три тысячи наших людей, — сказал египтянин.

От Средиземного моря кладбище отделяли только дорога и очень узкая полоска песка. Волны лениво растекались белой пеной по пологому берегу. Подошел автобус. Из него вышли девочки, ученицы старших классов. Некоторые из них остановились перед памятником, трогательным в своей простоте: у края дороги кто-то врыл в песок ствол дерева высотой в рост человека и толщиной в руку, а на него повесил каску. Здесь был похоронен неизвестный солдат.

— Теперь мы возвратимся в город по той самой дороге, по которой шли англичане при поддержке и под прикрытием штурмовой авиации. В трех километрах от Порт-Саида находится насосная станция. Английские десантники заняли ее. Затем они позвонили губернато-

ру города и предложили ему капитулировать или явиться для переговоров. Он отказался. Тогда они выключили воду и начали бомбить город, а нам нечем было заливать пожары. Большой район города сгорел дотла. Это были кварталы бедноты.

Они ехали вдоль берега, мимо леса торчащих из земли обнаженных железных столбов.

— Здесь стояли бунгало. Они все сгорели. А видите вот тот новый восьмиэтажный дом?

— Вижу.

— Там я жил, но меня выселили. Англичане отдали все двадцать пять квартир с обстановкой военным корреспондентам. А когда англичане убрались, дом был пуст.

— Естественно, — сказала Ивонна. — И вы опять заняли свою квартиру.

— Вы меня не поняли. Я сказал: дом был пуст. Англичане вывезли всю мебель.

— Невероятно!

— Но факт...

— Трофеи?

— Трофеи могущественной Англии.

Ивонна не совсем поверила египтянину, но промолчала.

— Вон там был павильон над морем — кафе. Оно сгорело.

Они подъехали к порту. Там, где Суэцкий канал впадает в Средиземное море, водоем отделен от дороги низкой оградой и высокой проволочной сеткой. В одном месте ограда и сетка были снесены.

— Здесь высадились танковые части.

— А потом? — спросила Ивонна.

— Потом они пошли вверх по улице, вдоль моря.

— С флагами? — спросила Ивонна.

— Вы слышали об этом?

— Да. Но расскажите.

— А вы что знаете?

— Сначала расскажите, что известно вам, — настаивала Ивонна. — Я сравню это с тем, что слышала.

— Хорошо, — согласился египтянин. — Если хотите, я вас еще познакомлю с одним из моих друзей. Он видел танки собственными глазами. Так вот. Накануне высадки англичан по городу проехал джип с громкоговорите-

лем, возвещавшим, что на следующий день прибудет армия-освободительница. Джип исчез. Но весть разнеслась по городу с быстротой молнии. Утром в этом месте высадились танковые части с красными флагами. Все решили, что это советские танки, и восторженно приветствовали их. Потом раздались первые выстрелы, и люди бросились врассыпную.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на Ивонну.

— То же самое рассказывали беженцы, — сказала Ивонна, — мне и другим. В разных городах.

Было уже за полдень, и египтянин извинился. Он хотел навестить свою мать. Если Ивонна хочет, они могут встретиться еще раз попозже...

Ивонна пообедала в ресторане и решила пройтись по широким торговым улицам. Одни магазины были забиты досками, другие открыты. На стеклах витрин виднелись заклеенные бумагой пробойны и трещины. Ивонна обратила внимание на большую сильно поврежденную витрину. За стеклом лежали кожаные сумки, совершенно целые. Ивонне захотелось узнать, пострадал ли этот магазин. Она перешагнула через порог, но остановилась при виде трех пожилых мужчин, которые в углу комнаты пили кофе.

Ивонна извинилась и объяснила цель своего визита.

Мужчины продолжали сидеть; один из них сказал:

— Здесь-то что! В других местах можно увидеть куда больше.

— Где? — спросила Ивонна.

— В моем доме, например, — сказал другой, маленький тучный человек. — Дом был занят журналистами. А теперь он пуст.

Ивонна не поверила своим ушам.

— Большой белый дом у моря?

— Да, — угрюмо ответил человек.

— Вы его владелец?

— Да. А что?

— Я слышала об этом, — сказала Ивонна. — Разрешите узнать вашу фамилию?

— Гуд, — так же угрюмо сообщил толстяк.

— Вас действительно интересует, что сделали англичане? — спросил третий.

— Действительно.

— Тогда пойдете. Это недалеко. Рядом.

Они остановились перед магазином, забитым досками.

— Видите название фирмы?

— «Шими и братья».

— Мой сосед. Его нет в живых. — Он повозился над досками и оторвал несколько штук. — В городе ведь было введено осадное положение. Англичанами, разумеется. Вечером никто не имел права появляться на улицах. Шими забил витрины, а дверь припер большой доской. Часов в десять вечера ветер опрокинул ее. Шими жил над магазином. Услышав шум, он спустился вниз, увидел, что доска упала, и наклонился, чтобы поднять ее. В этот миг с противоположного тротуара грянули выстрелы. Там стояли англичане. На следующее утро у двери нашли труп, а магазин выглядел как сейчас.

Он снял доски и вместе с Ивонной вошел в магазин.

— Здесь было товаров на тридцать тысяч фунтов, — сказал он.

Большой магазин был пуст. На полу валялись пустые коробки. Кукла прижалась рукой к витрине ювелирных изделий. От колец, ожерелий и других драгоценностей остались только картонные и шелковые футляры. В углу лежала шкурка лисы, забытая или не замеченная грабителями.

— Чем он торговал? — спросила Ивонна.

— Всем, что покупали иностранцы. Драгоценностями, готовым платьем, мехами, кожаными сумками. Я не могу назвать вам воров. Знают только, что никто из египтян не имел права появляться на улице.

— А еще подобные случаи были? — спросила Ивонна.

Египтянин показал ей еще несколько разграбленных магазинов.

— Они похитили плоды моего труда за тридцать два года, — заявил Ахмед Бедр.

В одном из ограбленных магазинов как единственная память валялся растрепанный экземпляр книжки без обложки. Название гласило: «The Secret of the Soul» *.

Итак, они снова встретились в Дамаске, два друга и женщина, с которой их свел случай. Они вместе поужинали в большом отеле, где за последние месяцы почти не

* Тайна души (англ.).

было иностранцев, и выпили бутылку красного кса-
раха.

— Надо пить вино страны, — сказал Ахмед благо-
душно, — особенно если пьешь так редко, как я. Знаете,
откуда происходит ксарах? — спросил он Ивонну.

— Из местности, где берут свое начало река, на ко-
торой стоит Дамаск, — Нахр-Барада и самая большая
река Сирии — Оронт.

— Вы имеете в виду впадину Бекаа, — сказала Ивон-
на.

— Да, Бекаа. Долину солнца между горами Ливана
и Антиливана. Там растет ксарах. Ваше здоровье!

— Я пью, — воскликнул Петер, — за греческий город
солнца в долине Бекаа — Гелиополь, и за римский храм
Бахуса в Баальбеке, и за бога солнца финикийцев —
Балаата, и за всех, кто любит солнце, и свет, и ксарах!
Ваше здоровье!

— Аминь, — сказала Ивонна.

Они засмеялись и опустошили свои рюмки.

— Скажи, пожалуйста, — снова начал Ахмед, — что
тебе больше всего нравится в Сирии?

— Люди, — ответил Петер.

— Особенно женщины, — пошутила Ивонна.

Петер улыбнулся:

— Я не намерен недооценивать прекрасный пол, но я
имел в виду характер людей, их манеру держаться...

— Что тебе в них нравится? — прервал Ахмед.

— Сразу заметно, что это жители гор, народ земле-
дельцев. Мужчины сильные, гордые, темпераментные;
женщины, насколько их можно рассмотреть — ведь очень
многие еще носят тонкое покрывало, — женщины здоро-
вые, держат себя естественно, многие красивы.

— Что я говорила! — Ивонна засмеялась.

Ахмед остался серьезным.

— Хороший «вакуум», правда?

— Опять вы начинаете! — запротестовала Ивонна.

— Нет, нет, — возразил Ахмед. — Вы ведь даже не
дали мне рта раскрыть. Я только хотел узнать мнение
Петера, если разрешите.

— Могу вам сказать заранее.

— Так разрешите?

— Пожалуйста.

— Послушай, — сказал Ахмед, — ты знаешь, мисс

Перран была против нападения на Египет, а теперь тем более, после того как она побывала в освобожденном Порт-Саиде. Но с так называемой теорией вакуума, выдвинутой ее правительством, она кокетничает. Ты понимаешь это?

— Дело в том, что она все-таки миллионерша. Когда пишет, — сказал Петер.

— Идиотизм! — бросила Ивонна.

— Благодарю, — сказал Петер.

— Англичане и французы на Востоке проиграли, — заявила Ивонна. — Но Восток пока еще не может стоять на собственных ногах.

— Вам не кажется, Ивонна, — прервал ее Петер, — что точно так же англичане говорили об Америке, когда она требовала независимости? Ваша аргументация устарела почти на двести лет.

Тон Ивонны стал холодным.

— Пожалуйста, не перебивайте, если хотите со мной спорить. Англо-французское влияние заменим либо мы, либо коммунисты. А я не коммунистка.

Петер не обратил внимания на ее холодный тон.

— Я бы хотел, чтобы и в самом деле все сводилось к этой альтернативе, — сказал он. — Но ведь в жизни все гораздо сложнее. Почти все арабы — крестьяне, рабочие, интеллигенция, буржуазия — требуют прежде всего национальной независимости. Они не нуждаются в опекунах. Они не являются «вакуумом», как выразился ваш президент. Это живые, очень живые люди. И лишь когда они добьются национальной независимости, они станут требовать решения социальных проблем.

— Коммунизм? — спросила Ивонна.

— Это дело самих арабов, но отнюдь не американцев или кого бы то ни было еще.

— Но национальные проблемы переплетаются с социальными, — сказала Ивонна более деловито, почти примирительно. — Этого вы не можете не понимать.

— Это я понимаю, — сказал Петер. — По сути дела требование национальной независимости является одновременно и социальным требованием. вспомните Египет. Пока англичанам принадлежало в стране решающее слово, они препятствовали проведению земельной реформы, закрывали путь к индустриализации, присваивали вместе с французами основную часть доходов от

Суэцкого канала. Национальная зависимость влекла за собой нищету народа.

— Существует ведь и слой богатых арабов, — возразила Ивонна, — которые требуют независимости, чтобы положить себе в карман прежние доходы иностранцев.

— Совершенно верно, — согласился Ахмед. — Больше того, среди арабов есть люди, которые являются пламенными националистами из корыстных целей.

— Вот именно.

Ахмед уверенно продолжал:

— В движении арабских стран за независимость имеются два различных течения — социально-национальное и националистически-шовинистическое. Только социальное течение приведет к подлинной независимости. Националистическое легко смыкается с империализмом.

— Об этом стоит подумать, — равнодушно сказала Ивонна. — В теории многое выглядит прекрасно.

— Подумайте об Ираке и об «Ирак петролеум компани», которой владеют самые мощные нефтяные концерны США, Англии и Франции. Они поддерживают богатых землевладельцев — шейхов, закабаляющих нищих феллахов. Подумайте о Сирии, которой постоянные угрозы извне, заговоры и интервенции не дают возможности развиваться. А что в это время делает ваше правительство, прикрываясь разговорами о свободе?

Так как Ивонна молчала, ответил Ахмед:

— Оно покупает политических деятелей и королей.

— Оно входит в сговор с еще сохранившимися феодальными мумиями Востока против народов, — дополнил Петер. — И все это якобы во имя свободы. Вы ведь не можете одобрять этого, Ивонна?

— Но я не одобряю и коммунизма, — сказала она упрямо.

— Коммунизм во всяком случае еще не украл у арабов ни одного пиастра, — возразил Ахмед сухо. — Те, кто крадет в наших странах, крадут во имя западной свободы.

— Тем не менее у вас коммунистическая партия запрещена.

— У нас все партии запрещены, — уклончиво ответил Ахмед.

— На вашем месте, — съязвила Ивонна, — я бы сказала: «Невинные расплачиваются за виновных».

— Быть может, я так и говорю, — решил Ахмед. — Быть может, многие говорят или думают, что им, да и всей стране жилось бы лучше, если бы вместе с коммунистической партией и другими прогрессивными организациями они имели возможность открыто высказывать свои требования. Быть может, они бы даже хотели сказать, что ни Египет и ни одна другая страна не могли бы добиться свободы без помощи социалистических стран.

— Тем удивительнее, — прервала Ивонна, — что коммунистическая партия запрещена *. Не правда ли?

— Нет, — спокойно возразил Ахмед. — Революция в Египте направлена против феодализма и империализма. Буржуазия настаивает на своих привилегиях в отношении феллахов и рабочих. Но ничто не стоит на месте. Борьба часто замирает, но никогда не прекращается. Кто угрожает независимости извне, тот тормозит борьбу или задерживает победу.

— Значит, мы, — Ивонна язвительно подчеркивала слова, — мы виноваты в том, что вы преследуете коммунистов.

— Вы сами, — крикнул Петер, — сидели сегодня в зале суда, видели заговорщиков и разложенные в зале восемьсот западногерманских винтовок и думали, как мы: «Деньги из Англии и Ирака; заговорщики в Бейруте, Дамаске, Багдаде, Лондоне; стремление сохранить прошлое при помощи оружия из западных стран; из этого оружия собирались стрелять; его собирались пустить здесь в ход в то время, когда по Порт-Саиду носился призрак смерти; при его помощи собирались убивать коммунистов или просто прогрессивно настроенных людей, демократов, борцов за мир, врагов империализма, убить будущее... И в Порт-Саиде и здесь это делалось по приказу Англии и Франции... Завтра, послезавтра могут возникнуть новые заговоры и... претвориться в жизнь». Вы сегодня осудили эту политику так же четко, как и мы.

— Конечно. Таково мое мнение.

— Но ваше правительство, Ивонна, предписав своим гражданам выехать из стран Ближнего Востока, откры-

* Египетские коммунисты, входившие в несколько партий, находились в заточении до апреля 1964 года.

то признало, что знает о предстоящей войне. Оно могло поднять тревогу, но не сделало этого. Оно стремилось получить «наследство»: нефть, влияние, опорные пункты. Неужели вы не видите этого?

— Вижу, вижу, — недовольно сказала Ивонна и отпила глоток вина.

— Видеть правду легче, чем писать о ней, — заметил Ахмед.

— Писать правду легче, чем печатать ее, — в бешенстве сказала Ивонна. Затем она улыбнулась, сделав вид, что пошутила, и ушла.

Петер и Ахмед решили пройтись по Дамаску. Ахмед взял Петера под руку. Они шли и молчали. Город, поднимавшийся вверх по крутому склону горы, был подобен сверкающему в ночи раскрытому огненному вееру. В реке Нахр-Барада тускло отсвечивали гирлянды фонарей.

— На Востоке уже светлеет, — сказал Ахмед. — Часто еще будут пытаться накинуть нам на голову покрывало, зажать рот, отбросить назад, во тьму. Мракобесы несли нам страдания, несут их еще и теперь. Свет, много света мы добудем себе сами. А друзья нам помогут.

ВСЕ МЕНЯЕТСЯ НА БЕРЕГАХ НИЛА

Книга Максимилиана Шеера, судя по фактам и событиям в ней описанным, посвящена его впечатлениям от поездки на берега Нила в 1956 году. Для меня, прожившего в ОАР шесть лет, многое, о чем пишет автор, знакомо по непосредственным наблюдениям, и я могу свидетельствовать, что у автора острый глаз, что он сумел живо и интересно рассказать о Египте. Но не могу не заметить при этом, что главное из того, о чем говорится в книге, — путешествие во вчерашний день страны. В этом винить автора нельзя: в Объединенной Арабской Республике происходят преобразования, стремительно изменяющие облик страны и условия жизни.

Читая книгу М. Шеера, то и дело встречаешь упоминание о галабии — некогда очень распространенной в Египте длинной, до пят, рубахе. Ее носили и феллахи, и рабочие, и ремесленники, и даже мелкие торговцы. Но немногие из иностранных туристов, встречавшие египтян в галабии, знали, что эта рубаха очень давно стала символом презрения к трудовому люду Египта.

В один из обычных дней, прожитых мною в Египте, маленький фиатик мчал меня к Порт-Саиду. Асфальтовые километры стремительно исчезали где-то позади, и казалось, что вот-вот начнется город. Неожиданно на шоссе выросла фигура полицейского сержанта. Он стоял с высоко поднятой рукой. Остановились. Вместо объяснения причины задержки сержант показал на обочину, где в пыли недвижно лежал человек. Казалось, он умер.

— Если можно, помогите! — попросил полицейский. У фиатика был обычный номер, и сержант не догадывался, что имеет дело с русским журналистом. Иначе, может быть, он не стал бы нас останавливать.

Водитель Дауд напоил лежащего, и тот пришел в себя.

— Извините ради всевышнего! — прерывисто заговорил он, с трудом произнося слова. — Осталось совсем немного, и вот видите, я упал. Но не подумайте, что от голода. Наверное, солнечный удар... Какая жалость, — продолжал он, — теперь меня отправят в полицейский участок. Ах, какая неприятность!

На вопрос, кто он такой, Мансур — так назвался этот человек — ответил:

— Рабочий. Какая у меня специальность? Собственно, никакой. Готов делать что угодно, лишь бы платили хоть несколько пиастров. Последние годы работаю где придется. Вот услышал, что есть возможность устроиться на Суэцком канале. Говорят, его будут расширять. Поэтому я поспешил в Порт-Саид...

Но до Порта Счастья, как по-арабски называется этот город, Мансур никак не мог добраться. И причиной тому был, конечно, не солнечный удар. Мы довезли беднягу в нашем фиатике до красивого здания администрации канала, но сколько еще мытарств выпало, наверно, на его долю!

Кое-что из нашего разговора изгладилось из моей памяти, но страшная трагедия сотен тысяч таких, как Мансур, запомнилась навсегда. Они тогда не имели ни постоянной работы, ни твердого минимума заработной платы. Как они жили, представить себе невозможно, это надо было видеть собственными глазами.

На Мансуре была обыкновенная полосатая галабия, какую носили «люди улицы», «галаба», как их презрительно называли богачи.

Недавно президент Насер издал специальный закон, запретивший носить галабию. Некоторым он показался странным. «Неужели у президента ОАР нет других дел! Кому какое дело до того, как одеваются египтяне», — рассуждали они. Но для тех, кого коснулся новый закон, его появление — начало новой эпохи. Такой закон стал возможен только благодаря повышению благосостояния населения в результате всей социально-экономической политики египетского правительства. Ведь бедняки Египта — рабочие, ремесленники, мастеровые, феллахи и батраки — не могли носить ничего, кроме галабии. На европейский пиджак и брюки у них не было денег. Галабия

стала позорным клеймом трудового люда, презираемого власть имущими только за то, что у него ничего не было за душой.

В свое время галабию навязали египтянам насильно, словно арестантскую одежду. Еще при турках презрение к тому, кто одет в галабию, стало чуть ли не сословной привилегией «пашей» и «беев». Оба эти слова турецкого происхождения, титулы, которые жаловали придворным при дворах египетских хедивов и королей. И вот уже тринадцать лет, как их отменили. Но как еще живучи на берегах Нила насажденные пашами и беями обычаи. Самое страшное заключается в том, что живучи еще и прежние представления об обладателях презренных титулов. Есть еще в стране «эфенди» — так называют всякого, занимающего какой-либо государственный пост. Злые и тупые чиновники в Египте по-настоящему никогда не работали. Чего у них было больше всего, — это презрения к «галабе», стремления все переложить на нее и жить за ее счет.

После начала революции 1952 года, когда власть перешла в руки офицеров, возглавивших переворот, многим казалось, что для «галабы» наступили мрачные, беспросветные времена. Но уже весной 1954 года, когда сторонники так называемого демократического развития Египта явно на буржуазный, а точнее, на проанглийский лад попытались повернуть революцию вправо, Насер обратился за поддержкой к «галабе» и получил ее. Профсоюзы призвали к всеобщей забастовке, и весь Каир вышел на улицу. Рабочие — «галаба» — заявили, что им не нужна старая, буржуазная демократия с ее продажным парламентом и старыми политическими партиями. И рабочие победили.

Сам ход революции неизбежно заставлял офицеров, пришедших к власти, заниматься вопросами, решение которых так или иначе было связано с судьбами трудящихся. В конце концов в самый решительный момент — после выхода Сирии из ОАР в 1961 году — именно трудящиеся сыграли роль катализатора событий, заставивших страну круто повернуть влево.

Руководители египетской революции прекрасно понимали, что без отечественной промышленности, без сильной национальной экономики революция захлебнется. Бывшие офицеры взялись за создание такой экономики.

Когда в конце 1957 года я приехал в Египет, в стране с населением в 26 миллионов человек было единственное египетское металлургическое предприятие — завод фирмы «Дельта» по переплавке металлолома. В текстильной промышленности преобладали фабрички с числом рабочих менее пятидесяти. Старые хлопкоочистительные фабрики в Александрии являли, да и до сих пор еще являют собой жалкое зрелище. Мануфактуры, на которых рабочих эксплуатировали со средневековой изощренностью, где не соблюдались элементарные правила охраны труда, приносили египетским предпринимателям огромные прибыли.

В июле 1961 года в ОАР была объявлена национализация. В полную и частичную собственность государства — формально за выкуп — перешли банки, страховые общества, крупные промышленные и торговые компании. В настоящее время под контролем государства находятся почти девять десятых основных средств производства.

Новое правительство Египта понимало, что для подлинной экономической независимости ему нужны не просто промышленность или транспорт, а современная промышленность и современный транспорт, что Египту необходимо развивать тяжелую промышленность. В течение последних семи лет в ОАР построено семьсот заводов. Огромную роль в жизни ОАР играет осуществляемое с помощью Советского Союза строительство высотной Асуанской плотины, которая позволит увеличить посевную площадь в Египте в полтора раза, а производство электроэнергии довести до уровня европейских стран.

Фабрики и заводы, которые строились в ОАР, нуждались в рабочих, причем в рабочих квалифицированных. Первый пятилетний план предусматривал их подготовку.

В соглашении об экономическом сотрудничестве между Египтом и Советским Союзом, подписанном в январе 1958 года, было оговорено создание специальных учебных центров для подготовки необходимых специалистов. Фактически речь шла о повышении технического уровня всего египетского рабочего класса.

Сначала египтяне очень слабо представляли себе, как будет выглядеть учебный центр, им казалась странной система практики и даже оценки успеваемости обучаю-

щихся. Ведь Советский Союз был первой страной, которая взялась помогать слаборазвитой стране в решении самой острой из всех проблем экономического развития — проблемы подготовки национальных технических кадров.

Интересная деталь — в огромном Каире, население которого давно перевалило за три миллиона человек, насчитывалось более восьми тысяч адвокатов. Совсем иначе дело обстояло с инженерами, особенно с инженерами дефицитных специальностей: их было мало, да и не все они могли работать на новых предприятиях; а о квалифицированных рабочих и говорить нечего.

Когда на строительной площадке Асуанской плотины начались тоннельные и бетонные работы, потребовались бетонщики, монтажники! А где их взять? Пришлось создавать учебные центры прямо на площадке. Советские механизаторы учили своих арабских друзей работе на экскаваторах, кранах, тяжелых самосвалах.

Сколько мне довелось слышать слов благодарности по адресу «русских учителей», ведших себя совсем иначе, чем некоторые иностранные эксперты! Однажды я и сам наблюдал, как работают западные немцы. Один из них трудился всегда в полном одиночестве и не подпускал к себе египтян, а под конец даже попросил накрывать его специальной палаткой. Секрет! Выполнив контракт и не оставив ничего своим египетским коллегам, он отбыл домой.

По инициативе наших специалистов на площадке Асуанской плотины были построены хорошие квартиры и общежития для рабочих, была разработана специальная шкала заработной платы для кадровых рабочих. В Асуане шофер получает по крайней мере в три раза больше, чем на обычной стройке. Многие овладели профессией механика, ранее почти неизвестной в стране.

На строительстве плотины в наиболее трудные дни были заняты больше тридцати тысяч человек, из них не менее двадцати семи тысяч — египтяне. Ныне они стали опорой всего гидростроительства в ОАР. Принято решение использовать их на самых важных работах в Египте, в частности на строительстве высоковольтной линии электропередач между Асуаном и Александрией.

Нил меняет адрес! Вот, пожалуй, суть того, что происходит сейчас в ОАР,

Нил, конечно, останется на своем месте. Даже изменение им русла в районе Асуана на больших географических картах почти неприметно. Но вот «адрес» его вод все-таки меняется.

«Египет — дар Нила». Эту истину первым изрек «отец истории», грек Геродот. С тех пор многое изменилось на берегах великой африканской реки. Но когда приедемся встречается сгорбленный феллах, сидящий у большого архимедова винта — шадуфа, которым он вычерпывает нильскую воду, направляя ее на свое поле, кажется будто бы и не было стремительного бега времени и все здесь осталось таким, каким было во времена фараонов.

Теперь наступила новая эпоха. Суть перемен, происшедших в ОАР за революционные годы, выражает цифра, которую два года назад с гордостью произносили в Каире — семьсот двадцать новых заводов!

В жизни трудящихся произошли большие изменения. На государственных предприятиях введен семичасовой рабочий день, установлен минимум заработной платы, проведен закон об оплачиваемых отпусках и пенсиях.

Рабочие начинают участвовать в управлении. В административных советах предприятий они занимают четыре места из девяти. А ведь лорд Сесиль, один из представителей английских колонизаторов, писал, что египетские феллахи способны только выращивать хлопок для ланкаширских фабрикантов!

Египетские феллахи и теперь собирают превосходный хлопок, не имеющий себе равного в мире. Но если до памятных революционных событий этот хлопок служил лишь источником баснословного обогащения занимавшихся его сбытом помещиков — египтян, левантийцев, итальянцев и греков, то теперь все изменилось.

Нет больше в ОАР помещиков, владеющих латифундиями. Попав однажды в Сохаг, в Верхнем Египте, где находились владения такого помещика — Ахмеда Аббу-да, я не мог поверить, что их нельзя обойти пешком. Надо мной тогда подтрунивали мои египетские коллеги.

— Разве их обойдешь? — сказал один из них. — Их можно только объехать, да и то в специальном поезде.

Насчет поезда он, конечно, преувеличил. Но, не сев на дрезину, трудно было попасть в отдаленные части плантаций. По полям была проложена узкоколейка.

Ахмед Аббуд умер в Лондоне в декабре 1963 года.

Когда сообщение о его кончине попало в английскую печать, она не сдержалась и аттестовала «льва египетского частного капитала» как большого друга Великобритании. Но как «льва египетского частного капитала» Ахмеда Аббуда не стало значительно раньше. В 1961 году он «пострадал» одним из первых.

Вместе с ним стала исчезать тогда и вся крупная буржуазия ОАР. Если добавить, что национализации подверглась собственность значительной части средней и даже мелкой буржуазии, то картина станет весьма впечатляющей. Те, кто раньше правил страной, располагая для этого колоссальным экономическим и политическим влиянием, сейчас вынуждены довольствоваться правительственными бонами и отобранную собственность. Помещикам же отказано в компенсации.

На берегах Нила существенно подорваны позиции капиталистов. Буржуазия потеряла имущество общей стоимостью в миллиард египетских фунтов. Ее фабрики и заводы согласно временной конституции ОАР составляют основу государственной собственности. Это также торговые предприятия, транспорт, финансы, банковская система, страховое дело и некоторые другие отрасли хозяйства. Они полностью или почти полностью контролируются государством. Оказался неправ лорд Сесиль: феллахи стали прекрасными рабочими, хорошими управляющими.

Помещики могут теперь иметь всего сто федданов* земли на семью в пять человек. Купля и продажа земли запрещены. Конечно, еще многое предстоит сделать в сельском хозяйстве ОАР, но то, что уже сделано, показывает, как и здесь меняются производственные отношения. Если в администрации завода или фабрики из девяти четыре места в руководящем совете принадлежат рабочим, то в правление сельского кооператива могут быть избраны только феллахи, которые владеют не более чем пятью федданами земли. Введен новый порядок аренды. Одновременно можно обрабатывать не больше пятидесяти федданов земли.

Посевные площади, которые ОАР получит после ввода в строй первой очереди Асуанской плотины, не попа-

---

* По условиям ОАР такой участок является большим. Принято считать помещиков, имеющих 100 федданов земли, средними.

дут в частные руки. На них будут созданы большие товарные государственные хозяйства. Это тронет лед в преобразовании египетской деревни. Нильская вода орошит прежде всего либо клочок феллаха, либо землю, которая принадлежит крупному кооперативу. Воды Нила меняют свой адрес. Если раньше Нил был источником богатств прежде всего для пашей и беев, то теперь он куда щедрее отпускает свои богатства народу. Разумеется, это лишь начало тех свершений, к которым призывает Хартия национальных действий. Есть надежда, что они все воплотятся в жизнь. И тогда египетский феллах навсегда расправит свои плечи и станет в полной мере хозяином своей земли.

Конечно, жизнь народа еще очень трудна. Но рабочие, получившие более или менее прочный минимум заработной платы, и феллахи, имеющие землю, живут лучше, чем раньше. И нет у них прежнего безысходного в своем трагизме убеждения, что на берегах Нила ничто не может измениться. Нет, все меняется там, и имя этим переменам — национально-освободительная революция.

Что поражает сейчас в Каире больше всего? Новая уверенность египтян в будущем. Теперь в ОАР не только говорят о социализме, понимая, что завтрашний день страны неотделим от социализма. Там представляют себе, что его построение — дело не одного дня. Многие внимательно изучают труды классиков марксизма.

«Кто не видел Каира, тот не видел мира...» Это не выдумка журналистов. Слова эти принадлежат Шехерезаде, рассказывавшей сказки «Тысячи и одной ночи». Но сказку трудно отделить от были. Трудно представить себе мир без Каира, без того, что творится в этом своеобразном городе.

Однажды один из иностранных журналистов с искренним изумлением рассказывал, как шофер автомашины, на которой он ехал из Александрии в Каир, очень старательно искал дорогу... в Миср (так по-арабски называется Египет). Но шофер не ошибся. Египтяне частенько называют Каир именем своей страны. Столица для них — самый настоящий барометр всего происходящего на берегах Нила, а иногда и во всем мире.

Когда едешь из каирского международного аэропорта в город, то машина пробегает мимо целого лабиринта военных казарм. Но не они олицетворяют все происходя-

щее в стране. Египет живет революцией. И она тоже началась в Каире. Один из его районов по-старому называют Гелиополис — город Солнца. Некогда он был средоточием пашей и придворных. Сейчас — это обычный район огромного города. Но как символ будущего Египта он прекрасен. Все египтяне хотят жить в городе Солнца, чтобы счастье шло к ним так же щедро, как наше великое светило поливает своими лучами их благодатную землю.

На нильской набережной почти напротив университетского моста высится небоскреб. Некогда кинооператоры из разных стран мира снимали его как символ стремительного прогресса в Египте. Теперь о небоскребе давно забыли, появились другие знамена нового времени.

Внимание туристов привлекает знаменитая каирская кружевная башня — она всем своим рисунком и конфигурацией похожа на лотос.

О лотосе напоминает и колонна, возвышающаяся рядом со зданием университета, вершина которой увенчана лепестками этого распространенного в нильской долине замечательного цветка. Несколько лет назад в его сердцевине горел вечный огонь, зажженный в память героической борьбы каирских студентов против англичан.

Один из мостов, ведущих на остров Роду и дальше в центр города, тоже памятник борьбы против англичан. На нем была расстреляна одна из самых бурных студенческих демонстраций против империализма. Было много убитых и раненых, но жестокая расправа не сломала сопротивления народа, о силе которого говорят и братские могилы героев сражений с колонизаторами в университетском саду.

На тихой улице рядом с площадью Освобождения стоит здание, с незапамятных времен упоминавшееся в египетских газетах. Речь идет о египетском парламенте. В нем до 23 июля 1952 года заседала нижняя палата. Кого было больше среди депутатов парламента — помещиков или адвокатов? Трудно сказать. Голоса покупались оптом, и все зависело от того, кто их оплачивал. Одно бесспорно: парламент всегда защищал толсто-сумов.

После переворота 1952 года здание парламента на-

долго опустело. Офицеры решили обойтись без него. Старых депутатов «распустили». На улицах Каира прошли демонстрации, участники которых провозглашали: «Долой парламент!» Только в 1957 году, после первых всеобщих выборов, оно снова ожило. Его заняло Национальное собрание. С тех пор всякое случалось с новым парламентом республики. Менялся состав его депутатов. То они представляли Египет и Сирию, то только Египет. После того как президент Насер объявил о том, что половина мест во всех выборных органах должна принадлежать рабочим и феллахам, состоялись новые всеобщие выборы. Египетская реакция попыталась воспользоваться ими, чтобы завоевать парламент, но безуспешно. В зале заседаний появились новые депутаты — рабочие, феллахи — и даже один депутат — безработный. Общее полевание в стране чувствовалось настолько, что даже откровенно реакционные элементы, сумевшие пробраться в Национальное собрание, были вынуждены маскироваться.

Каир — город молодой и древний. В его летописи скоро будет подведена знаменательная черта. В 1969 году ему исполнится тысяча лет. Когда бываешь где-нибудь в районе знаменитого на всем Востоке мусульманского университета Аль-Азхара, то кажется, что ты попал в само средневековье.

Но это только на первый взгляд. Даже в стенах самого Аль-Азхара, бывшего до самых последних лет цитаделью консерватизма, чувствуется поступь современности. Сам университет стал почти светским учебным заведением. Им теперь распоряжаются не шейхи, а правительство. В университете есть, например, физико-математический факультет. Начали принимать в Аль-Азхар и девушек, чего прежде никогда не бывало.

И в центре Каира, и на его окраинах возводятся новые дома. Они беднее тех, что строятся в таких фешенебельных районах города, как Замалек или Гарден-сити, так как предназначаются для людей простых, для рабочих и служащих. Квартиры в них дешевле, а значит, и доступнее.

Вот уже два года трудящиеся имеют возможность открыто праздновать 1 Мая. Рабочие выходят на улицы, не страшась того, что за появление «в недозволенном месте» будут брошены за решетку.

В небольшом доме на улице Каср-ан-Нил, в самом

центре города, помещался некогда небольшой музей египетского художника Омара Мухтара. То ли время стерло надписи на небольшой мемориальной доске, то ли она и вовсе исчезла, но, проходя по этой улице, с сожалением думаешь, что те, кто должен поддерживать музей, забыли о нем. О самом художнике в Каире напоминать не нужно. Его монумент «Просыпающийся Египет» известен на всем Востоке.

На внушительном пьедестале высится фигура девушки-египтянки в костюме древних обитательниц долины Нила. Рядом сфинкс. Он пробудился ото сна, в котором пребывал сорок пять веков. Таков сюжет скульптуры, автор которой хотел показать, что его народ не намерен терпеть рабство, что день его пробуждения — не за горами. Омар Мухтар изваял монумент в 1911 году, когда над страной еще висела непроглядная ночь унижений и издевательств, но как художник он видел дальше своих современников.

Если накануне первой мировой войны, когда Омар Мухтар изваял свою знаменитую скульптуру, о пробуждении Египта можно было только мечтать, то теперь о нем можно говорить, как о свершившемся факте.

Александрия — второй по величине город ОАР. Она не просто красива. Город поражает своими красками, какой-то особой нежностью. Может быть, в этом «виновато» Средиземное море — одно из самых живописных морей на свете. Именно живописных. Оно не просто живет, но стремительно меняется каждую минуту, и иногда кажется, что оно все рассказывает и рассказывает какую-то свою нескончаемую повесть.

Но, пожалуй, самое примечательное в Александрии — это александрийцы. Еще совсем недавно это был космополитический порт. Кого здесь больше — арабов или итальянцев, армян или греков, — понять было трудно. Каждый иностранец, приезжавший в Александрию, обязательно отыскивал в бесчисленных тавернах и харчевнях своих соотечественников. Александрию даже причисляли к международным притонам.

Но сейчас это подлинно арабский город. Его прежние заморские обитатели отплыли домой, а хозяевами Александрии стали те, кем частенько помыкали иностранцы.

Александрия — прежде всего порт. Недаром многие сравнивают ее с нашей Одессой. Они — города-друзья,

хотя и расположены на побережьях разных морей. Для друзей расстояния — не преграда, а Египет — друг Советского Союза.

Египтяне еще хорошо помнят те времена, когда за симпатию к Советскому Союзу на берегах Нила жестоко преследовали. Президент ОАР Гамаль Абдель Насер был первым египетским государственным деятелем, который установил подлинно дружеские отношения с СССР.

Президент Насер производит на редкость интересное впечатление. Для одних он — непонятное пугало, для других — последовательный реформатор. Когда в июле 1961 года Насер подписал первые законы о национализации почти пятисот крупнейших египетских компаний и фирм, их владельцы говорили, что президент «шутит». Ведь Насер наверняка не сумеет справиться с тем, что он отобрал у буржуазии, и будет вынужден вернуть ей национализированные предприятия. Но этого не произошло. Наоборот, национализация продолжалась, и сообщения о ней распространились по всему миру с быстротой молнии. «Насер затеял нечто непонятное», — говорили тогда в Лондоне, Париже и Вашингтоне. И через Международный банк восстановления и развития, Международный валютный фонд английские, американские, французские финансовые воротилы начали подкоп под египетский фунт с целью развалить экономику Египта. Но ОАР платила по долгам не только полностью, но и в срок.

Насер никогда не служил в армии Роммеля, у него нет «железного креста», якобы преподнесенного ему Гитлером, как пишут некоторые иностранные журналисты. Эту небылицу с удовольствием подхватили все те, кому президент ОАР стал поперек горла своей политикой. Они пытаются бросить тень на его прошлое, но им не удается этого сделать.

В 1955 г. Насер заключил соглашения с Советским Союзом и Чехословакией о поставках оружия. С тех пор дружба с Советским Союзом — генеральная линия внешней политики ОАР. Сейчас ни один египтянин, кроме, разумеется, тех, кто всегда охотнее говорил по-французски или по-английски, чем по-арабски, не мыслит будущего своей страны без этой дружбы. Заговорите на эту тему с кем угодно, и в ответ вы обязательно услышите знакомое всем нам слово — «Асуан!» Асуанский

гидроузел — символ того, что так крепко связывает наши народы — великий маяк, освещающий путь в ту новую жизнь, начало которой положила египетская революция 1952 года. И нет никакого сомнения, что египтяне эту жизнь построят. Пусть это потребует колоссальных усилий. Но ведь Нил был свидетелем того, как некогда руками рабов строились великие пирамиды. Высящиеся на Гизском плато под Каиром, они поют гимн замечательному искусству рук человеческих.

«Мир боится времени, а время боится пирамид», — говорили еще совсем недавно. Находясь в Египте, я не раз чувствовал, что на берегах Нила наступило новое время. Оно не боится пирамид. С помощью людей оно победит и нищету, и невежество, и болезни, которые пытались увековечить в этой стране колонизаторы.

И. П. Беляев

ОГЛАВЛЕНИЕ

У подножия пирамид	3
Пустыня зацвела	12
Корабли ждут лоцманов	18
Моря встречаются	30
Слева — Африка, справа — Азия	39
Почему ты приехал в Египет?	46
Ибис — священная птица	54
Можно ли жить в пустыне?	57
Нил — кормилец страны	64
Тучи бродят над Каиром	72
Злых духов выкуривают	77
За окном	81
Экзотика и нильская грязь	87
Богачи и батраки	99
Возбудителя инфекции открыл немец	111
Фараоны и тракторы	115
Свадебное путешествие на ковре-самолете	126
Белое золото в обработке	130
Тень Клеопатры	142
Прессовщики хлопка недовольны	150
На бирже	154
Торговцы, попрошайки, контрабандисты	161
Коран отвергает многоженство	172
Перед бурей	185
Бомбардировщики над Каиром	192
Египет им не достанется	200
Англичане стреляют в женщин	208
Прощай, Египет!	223
По следам финикийцев	231
Древняя культура, тайное оружие	240
Иордан, Мертвое море, Иерусалим	245
Два течения	257
<i>И. П. Беляев, Все меняется на берегах Нила</i>	267

Цена 75 коп.